

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЛУГАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ
ИМЕНИ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО»**

**НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛУГАНЩИНЫ**

**ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ТИТОВ:
ПИСАТЕЛЬСКОЕ МАСТЕРСТВО И ГЕРОИЗМ
ЖИЗНИ. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМЕНИ
(11 ноября 2024 года)**

Сборник научных статей и материалов

**Луганск
2025**

УДК 82-3
ББК 83.3(2)
В57

УДК 82-3
ББК 83.3(2)

В57

Владислав Андреевич Титов: писательское мастерство и героизм жизни. Возрождение имени: сборник научных статей и материалов круглого стола, посвященного творческому наследию, личности, героической биографии В. А. Титова (Луганск, 11 ноября 2024 г.) – Луганск: Изд-во Академии Матусовского, 2025. – 162 с.

Сборник включает статьи и материалы, подготовленные на основе докладов, прозвучавших на открытом круглом столе с международным участием «Владислав Андреевич Титов: писательское мастерство и героизм жизни. Возрождение имени», который состоялся 11 ноября 2024 года в Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского и был посвящен творческому наследию писателя В. А. Титова (1934-1987). Публикации, представленные в сборнике, посвящены литературному наследию писателя, а также различным сторонам его биографии. Большой интерес вызовет публикуемый в сборнике словарь эпитетов В. А. Титова, составленный известным белорусским исследователем А. П. Беспёрстых.

Издание адресовано широкому кругу читателей: литературоведам, краеведам, музейным работникам, учителям-русистам.

УДК 82-3
ББК 83.3(2)

Ответственный редактор:

И. П. Зайцева

Редакционная коллегия:

В. Ю. Пустовит,
О. Г. Лукьянченко,
А. А. Чернов,
Л. В. Ельшова

Под общей редакцией И. П. Зайцевой

*Рекомендовано к печати научно-методической комиссией
Академии Матусовского*

(протокол № 7 от 19.03.2025 г.)

© Академия Матусовского, 2025
© Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
--------------------------	---

ТВОРЧЕСТВО И ЖИЗНЬ В. А. ТИТОВА В СВЕТЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

<i>Верещак Д. М., Такташева С. Д., Шевлякова В. А.</i> Концептуально-эстетическая значимость природных образов в повести В. А. Титова «Грёзы старого парка»	7
<i>Даренский В. Ю.</i> Поэтика жалости у В. Титова	12
<i>Дрожжина П. И.</i> Особенности хронотопа в повести В. А. Титова «Ковыль – трава степная».....	17
<i>Дьякова Т. А.</i> Трансформация узуальных фразеологических единиц как средство создания художественной выразительности в произведениях Владислава Титова (на материале повести «Грёзы старого парка»).....	21
<i>Ельшова Л. В.</i> Философия жизни Владислава Титова.....	25
<i>Зайцева И. П.</i> Ценностно-эстетическое осмысление одной из реалий социокультурного контекста в художественной прозе (на материале повести В. А. Титова «Грёзы старого парка»).....	30
<i>Захарченко К. А., Кузнецова С. А., Рыбак А. В.</i> Внутренняя речь как ключевой параметр создания образов персонажей в творчестве Владислава Титова (на материале повести «Ковыль – трава степная»).....	36
<i>Звёздova Г. В., Гакова Л. С.</i> Идеино-нравственное содержание творчества Владислава Титова как отражение русской ментальности. Повесть «Всем смертям назло».....	42
<i>Зюбан А. В., Мадеева М. А., Покаленко А. А.</i> Природные образы как элемент авторского повествования: эстетическая и концептуальная значимость (на материале повести В. А. Титова «Грёзы старого парка»).....	47
<i>Ищенко Н. С.</i> Коммеморация Владислава Титова в русскоязычном интернете.....	54
<i>Конькова М. Ю.</i> Нарратив «деревенской прозы» в контексте повести В. А. Титова «В родной земле корням теплее».....	58
<i>Криволап С. С.</i> Стилистически маркированная лексика в рассказе В. Титова «Сапун-гора».....	63
<i>Лепихова А. Р., Малахова А. В., Малукина В. А.</i> Персонаж прозаического произведения в речевых характеристиках (на материале повести В. А. Титова «Ковыль – трава степная»).....	67
<i>Литвинова Н. Б.</i> Концептуализация понятия «малая родина» в художественном пространстве повестей Владислава Титова.....	73
<i>Лукьянченко О. Г.</i> Проекция силы человеческого духа: традиция русской литературы	77
<i>Папцова А. К.</i> Творчество Владислава Андреевича Титова как фактор развития региональной идентичности.....	80
<i>Сидоренко А. Ю.</i> Герой нашего времени Владислав Титов: размышление современника.....	86
<i>Чернов А. А.</i> «Запечатанная память» в рассказе Владислава Титова «Полые воды».....	88
<i>Чикаева Т. А.</i> Нравственные ценности в произведениях Владислава Андреевича Титова.....	92
<i>Шановалова И. В.</i> «Раненый чибис» Владислава Титова: урок жизни и милосердия....	97

**МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ТИТОВА: В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ-
ПРАКТИКУ**

<i>Карташян С. С.</i> Слово о земляке.....	100
<i>Ларина Г. М.</i> Отзывы читателей повести В. Титова «Всем смертям назло» в газете «Заря коммунизма» Добринского райкома КПСС и районного совета народных депутатов Липецкой области.....	102
<i>Панова М. А.</i> Материалы о Владиславе Титове в Липецкой области.....	104
<i>Подтынная А. А., Масленникова Т. И., Степаненко Л. А., Топчий Т. В.</i> Жизнь как подвиг (к 90-летию Владислава Андреевича Титова): материалы для уроков внеклассного чтения, подготовленные коллективом учителей-русистов гимназии № 60 имени 200-летия г. Луганска.....	107

СЛОВАРЬ ЭПИТЕТОВ ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА

<i>Беспёрстых А. П.</i> Словарь эпитетов Владислава Титова (Диалогия: «Всем смертям назло...» и «Жизнь прожить...».).....	113
<i>Сведения об авторах</i>	157
<i>Резолюция, принятая участниками круглого стола «Владислав Андреевич Титов: писательское мастерство и героизм жизни. Возрождение имени»</i>	161

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателям сборник «Владислав Андреевич Титов: писательское мастерство и героизм жизни. Возрождение имени» включает публикации, подготовленные на основе докладов, которые были представлены на круглом столе с международным участием с одноимённым названием. Круглый стол состоялся 11 ноября 2024 года в Луганской государственной академии культуры и искусств имени Михаила Матусовского и стал одним из важнейших в Луганской Народной Республике мероприятий, посвященных 90-летию со дня рождения Владислава Андреевича Титова – одного из самых талантливых и заметных писателей второй половины XX столетия, проявивших себя в прозе и художественной публицистике.

В. А. Титов оставил яркий след как в культурной, так и в общественно-политической истории Луганщины. За повести «Всем смертям назло» и «Ковыль – трава степная» ему была присуждена Государственная премия СССР имени Т. Г. Шевченко (1981), писатель стал лауреатом Республиканской комсомольской премии имени Николая Островского (1976), которой отмечены выведенные в его литературных произведениях характеры молодых людей Советского Союза. В. А. Титов неоднократно избирался депутатом Луганского городского совета, был членом различных общественных организаций. Его творческая и общественная деятельность отмечена правительственными наградами – орденами «Дружбы народов» и «Знак Почёта». В честь В. А. Титова названы улицы в Луганске и Добринке Липецкой области, в Луганске открыта и успешно работает квартира-музей В. А. Титова.

На круглом столе учёные, общественные деятели, работники учреждений культуры, педагоги, журналисты, молодые исследователи из Российской Федерации (помимо Луганска и Луганской Народной Республики, это Москва, Липецк и Липецкая область (Добринка), Севастополь и Республики Беларусь (Минск, Новополоцк и Городок Витебской области) уделили внимание различным сторонам биографии В. А. Титова, его роли в общественной жизни Луганщины и Советского Союза, а также рассмотрели широкий спектр проблем, затронутых и получивших словесно-художественное воплощение в творчестве писателя: основные типы и характеры выведенных в его произведениях героев, безусловное своеобразие авторского стиля и т. п.

Композиционная структура изданного по итогам круглого стола сборника материалов отражает широту диапазона поднятых и рассмотренных на этом мероприятии проблем. Первый блок составляют научно-исследовательские статьи, посвящённые различным сторонам творчества В. А. Титова, осмысливаемых как с филологических (преимущественно) позиций, так и с позиций философии и культурологии. Примечательно, что среди авторов этого блока публикаций и уже авторитетные исследователи, и те, кто только начинает свой путь в науке – студенты, магистранты и аспиранты.

Второй блок сборника включает материалы практико-ориентированного характера, которые помогут учителям и преподавателям русской филологии и других предметов и дисциплин гуманитарного цикла в организации уроков и внеклассных мероприятий, тематических занятий и т. п., посвящённых изучению творчеств и жизни В. А. Титова, его поистине героической биографии.

В третьем блоке – приложении – опубликован «Словарь эпитетов В. А. Титова», составленный известным белорусским лексикографом Анатолием Павловичем Беспёрстых, прекрасным знатоком творчества Владислава Титова, который был лично знаком с писателем. А. П. Беспёрстых много лет проработал учителем русского языка и литературы в средней школе – вначале в Липецкой области, на родине В. А. Титова, затем в Беларуси, – и провёл множество уроков внеклассного чтения, посвящённых творчеству и биографии писателя. Искренне хочется надеяться, что заложенная учителем А. П. Беспёрстых традиция

будет не только возрождена, но и приумножена учителями-русистами Луганской Народной Республики.

Значимость осмысления биографии В. А. Титова и его творчества – прежде всего автобиографической повести «Всем смертям назло» – необыкновенно возросла в условиях современных реалий Луганщины. Одним из тяжелейших последствий военных действий, бушующих с 2014 года в Донбассе и на Украине, а также в приграничных с зоной Специальной военной операции областях России стало появление множества людей с физическими увечьями и тяжёлыми травмами, приведшими к инвалидности. Перед многими из них встали самые что ни на есть насущные вопросы: *Как принять себя ПОСЛЕ случившегося? Как жить ПОСЛЕ, оставшись полноценным членом общества?* Ответы именно на эти вопросы поможет найти и личный жизненный пример Владислава Титова, и, конечно же, его повесть «Всем смертям назло».

Завершает сборник резолюция участников круглого стола «Владислав Андреевич Титов: писательское мастерство и героизм жизни. Возрождение имени», которая включает в том числе и обращение к городским и республиканским властям и широкой общественности максимально актуализировать в современных реалиях разноаспектное изучение литературного наследия В. А. Титова и его общественной деятельности, а также их популяризацию.

Кроме того, участники круглого стола единодушно выступили с инициативой установить в Луганске скульптурный памятник В. А. Титову, предварительно объявив конкурс на подготовку макетов скульптурных композиций, отражающих суть творчества писателя, в котором Луганск занимает очень значимое место.

Организаторы прошедшего круглого стола и все, кому дорого творческое наследие Владислава Андреевича Титова, для кого значим пример его мужественной жизни, искренне надеются, что настоящее издание положит начало глубокому и разноаспектному осмыслению: с научно-исследовательских, дидактико-методических и иных позиций – как произведений писателя, потенциал которых видится в этом плане чрезвычайно высоким, так и всей его жизни, которая безусловно являет собой образец служения людям и Отечеству.

Ирина Павловна Зайцева, руководитель Научно-просветительского центра по изучению русской культуры Луганщины Академии Матусовского;

Андрей Алексеевич Чернов, научный сотрудник Научно-просветительского центра по изучению русской культуры Луганщины Академии Матусовского

ТВОРЧЕСТВО И ЖИЗНЬ В. А. ТИТОВА В СВЕТЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 821.161.1-31:502:7.01

Д. М. Верещак,
С. Д. Такташева,
В. А. Шевлякова
Научный руководитель –
И. П. Зайцева
г. Луганск

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПРИРОДНЫХ ОБРАЗОВ В
ПОВЕСТИ В.А. ТИТОВА «ГРЁЗЫ СТАРОГО ПАРКА»

Художественная речь (язык художественной литературы) представляет собой феномен, который, безусловно, тесно связан с языком *литературным*, нормированным, однако по ряду признаков и отличается от него. Прежде всего это обуславливается тем, что в словесно-художественных произведениях, где художественная речь находит многообразное по своим типам и разновидностям воплощение, приоритет принадлежит *эстетической* функции, в то время как в иных сферах деятельности человека при наличии, как правило, комплекса функций, всё же преобладает функция информативная, заключающаяся в передаче информации. «В художественной речи употребляются все известные стилистические ресурсы русского языка. Ей свойственны широкая и глубокая метафоричность, богатая синонимика, многозначность, разнообразие стилевых пластов лексики и др. При этом в каждом конкретном случае из всего арсенала языково-стилистических средств, уместным, единственно необходимым в данном контексте оказывается лишь одно, избранное средство (имеются в виду высокоэстетические художественные произведения). В понятие высоких качеств художественной речи и непереносимых её свойств входят **неповторимость и свежесть выражения для создания образов, яркая их индивидуальность**» (выделено нами. – Д. В., С. Т., В. Ш.) [4, с. 598]. Приведённое высказывание закономерно подводит к выводу о том, что одной из ключевых задач для стилистики художественной речи – лингвистического направления, изучающего особенности воплощения языка в словесно-художественных произведениях – является задача изучения индивидуально-авторских стилей писателя, выявление заключённого в этих стилях своеобразия и анализ средств и способов, это своеобразие формирующих. Это обуславливает *актуальность* предпринятого исследования, которое посвящено выявлению некоторых особенностей индивидуальной писательской манеры В. А. Титова, известного прозаика 60–80-х гг. прошлого столетия, жизнь и творчество которого неразрывно связаны с Луганским краем.

Цель данной публикации – анализ концептуально-эстетической значимости в развёртывании авторского повествования функционирующих в художественном прозаическом произведении природных образов, к которым системно обращается писатель.

Материал и методы. Материалом послужил текст одной из новелл повести В. А. Титова «Грёзы старого парка» [7] – новеллы «Скамейка у берёз».

При проведении исследования использовался ряд общенаучных методов: *наблюдения, описательный, систематизации и обобщения*; а также специальные филологические методы: *семантико-стилистического и контекстуального анализа, интерпретационный метод*.

Результаты и их обсуждение. Повесть В. А. Титова «Грёзы старого парка» принадлежит к той жанровой разновидности, которую обычно определяют как *лирическая* повесть или же – что, на наш взгляд, куда точнее – *лирико-психологическая*. И если в повести в принципе, в отличие от романа, «основная тяжесть переносится нередко на статические

компоненты произведения – положения, **душевные состояния, пейзажи, описания** и т. п. [2, с. 280], то в повести лирической эти качества закономерно приобретают большую значимость, нередко становясь ключевыми для постижения заложенного смысла компонентами. На некоторые из таких особенностей указывает О.В. Соболевская, характеризуя лирическую прозу в целом: «К лирическим свойствам лирической прозы относятся и её смысловая и образная насыщенность и многомерность, усложнённость тропов и суггестивность. Явления, факты действительности излагаются не в естественной их последовательности, а **«излучаются» в порядке их осмысления, душевного освоения, воспоминания, непосредственного созерцания, предположения, обобщения, по принципу ассоциации и аналогии** и даже в порядке отражения этих событий в больном, галлюцинирующем сознании» (выделено нами. – Д. В., С. Т., В. Ш.) [6, с. 451]. Большинство из перечисленных характеристик можно наблюдать в повести В. А. Титова «Грёзы старого парка», причём в их создании осмысление природных образов играет весьма важную роль.

В словесном пространстве рассматриваемой новеллы образам деревьев отводится – в сравнении с другими произведениями автора и с художественными прозаическими текстами в принципе – довольно небольшое место. Однако номинация, обозначающая дерево – **берёзы** – вынесена в название этой части повести, что у талантливого писателя случайным быть никак не может. Именно поэтому функционирование в словесно-художественной структуре этого образа заслуживает, как нам представляется, первоочередного внимания. Между названием и первым упоминанием о берёзах в собственно тексте новеллы находится значительное по объёму текстовое пространство – упоминание о них читатель встречает уже практически в заключительной части:

*«Они прошли по каштановой аллее, минули фонтан и, не сговариваясь, направились к «своей», когда-то любимой скамейке **под тремя берёзами**»* (выделено нами. – Д. В., С. Т., В. Ш.) [7, с. 72]¹. И затем, почти сразу же, автор повествует о впечатлении, которое на Игоря и Марину производят «их», через несколько лет увиденные, берёзы: **«Берёзы заметно подросли, стали гуще, но и их не щадил нож влюблённых. По стволу средней, самой толстоствольной берёзы рваной раной, снизу вверх, тянулось: «Света + Боря». Левую, чуть потоньше и пониже, обезображивало: «Люблю Галю»** (выделено нами. – Д. В., С. Т., В. Ш.) (с. 73). В приведённых фрагментах образное осмысление упомянутых деревьев, находящихся в реальной, окружающей героев новеллы действительности нельзя назвать особенно ярким и / или экспрессивным: для их характеристики использована распространённая и в нехудожественной речи языковая метафора (метафора со «стёртой» образностью²): **берёзы подросли**; в несколько большей степени образный элемент присутствует в определении-эпитете³, указывающем на высокую степень признака: ... **самой толстоствольной берёзы**.

Однако элемент индивидуально-авторского осмысления образа одного из самых распространённых в славянской культуре деревьев – берёзы – в тексте, несомненно, присутствует: герои новеллы (в данном случае, безусловно, «с подачи» автора) воспринимают берёзу как человека, причём пережившего сложное время, не лишённое

¹ Здесь и далее текст новеллы цитируется по изданию, указанному в списке литературы; в дальнейшем в скобках указывается страница по этому источнику.

² Метафора, активно употребляющаяся в различных стилях литературного языка, «постепенно теряет образность и становится нейтральной, единицей языка (крыло самолёта, колено трубопровода, застегнуть наглухо). Такие метафоры называют **языковыми, лексикализированными, привычными, окаменевшими, стёртыми**» (выделено нами. – Д. В., С. Т., В. Ш.) [5, с. 207].

³ «**Эпитет** – выразительное художественное определение, противопоставленное обычному определению по своей стилистической окрашенности» [5, с. 544].

страданий. Это достигается прежде всего созданием автором необычного *сравнения*⁴ – тропа с явным олицетворяющим элементом: надписи на стволе берёзы в авторском восприятии, передаваемом и персонажам, выглядят как *рваные раны*: *рваной раной, снизу вверх, тянулось: «Света + Боря»*.

Таким образом, осмысливаемое писателем состояние «своих» для героев его новеллы деревьев оказывается *созвучным* тем переживаниям и чувствам, которые испытывают его персонажи: постепенно оба они осознают, что в прошлом, видимо, не всегда вели себя так, как следовало бы в складывающихся жизненных ситуациях, и это в конце концов и стало причиной их разлада.

Подтверждение этому находим ещё в одном контексте, где упоминается *берёза* (*берёзка*): *«Игорь подошёл к берёзке, погладил ствол. Смутное чувство вины шевельнулось в его груди»* (выделено нами. – Д. В., С. Т., В. Ш.) (с. 74). Именно прикосновение к *берёзке* (**не берёзе!**), с которой связаны его воспоминания, помогают Игорю осознать некоторую его неправоту по отношению к Марине и сделать, образно говоря, «шаг навстречу» ей: из парка они с Мариной уходят, взявшись за руки.

Ещё одним природным образом, введённым в авторское повествование, который представляет уже не *флору*, а *фауну* в окружающей героев новеллы действительности, является образ *грача*, который присутствует в *воспоминаниях* Игоря, мысленно возвращающегося к тому времени, когда поведение Марины доставило ему немало переживаний и даже страданий: ему невыносимо было видеть девушку с кем-то другим. Этот образ включён в несколько, не очень больших по объёму, контекстов:

«Около спортивной площадки, на высоком тополе, громко кричал грач. Игорь поднял голову, но увидел не грача, а всё те же удаляющиеся спины» (с. 72);

«Если бы сейчас, прямо от яркого диска солнца, землю пронзила молния и загремел вселенский гром, Игорь не удивился бы этому. «В подъезде будут целоваться!» – скрипуче прокаркал грач, и парень враз почувствовал, что в грудь к нему вернулось сердце и отчаянно колотится там, толчками отдавая в виски» (с. 72);

«... «В подъезде будут целоваться!» – ещё раз гаркнул грач, и Игорь себя уже не помнил. В один миг парень оказался рядом с ними» (с. 75);

«Солнце светило каким-то прерывистым, водянистым светом, грач на тополе молчал» (везде выделено нами. – Д. В., С. Т., В. Ш.) (с. 76).

Во-первых, обращает на себя внимание то, что образ *грача* появляется и несколько раз упоминается в авторском повествовании при описании неприятных для Игоря, одного из главных героев новеллы, *воспоминаний* – он мысленно возвращается к ситуации, которую довольно тяжело пережил в юношеском возрасте. Издаваемые грачом громкие и при этом явно малопрятные для уха Игоря в данной ситуации звуки оттеняют, подчёркивают и состояние, в котором находится юноша, и испытываемые им эмоции: недоумение, сильнейшее раздражение, абсолютное неприятие происходящего. Зловещий характер издаваемых грачом звуков подчёркивают прежде всего используемые для их выражения глаголы, в языковой семантике которых присутствуют негативные коннотации: **«ПРОКАРКАТЬ ... 1. Издать непродолжительное карканье. В парке прокаркала ворона. 2. Разг. Сообщить, предсказать что-либо зловещее, тягостное»** [1, с. 1011]; **«ГАРКНУТЬ ... Разг. Громко и отрывисто крикнуть. Ямицик гаркнул, лошади понеслись»** [1, с. 194]. При этом

⁴ **«СРАВНЕНИЕ** – образное выражение, построенное на сопоставлении двух предметов, понятий или состояний, обладающих общим признаком, за счёт которого усиливается художественное значение первого предмета. ...

Форма сравнения при посредстве творительного падежа, очень распространённая: ...

И осень тихой вдовой
Вступает в пёстрый терем свой.

(И. Бунин)» [3, с. 280].

негативная семантика используемых обозначений дополнительно усиливается сочетающимися с глаголами характеризующими словами: грач *кричал громко; прокаркал скрипуче*.

Примечательно, что 1) оба глагола, выбранных автором для характеристики издаваемых птицей звуков, в своих прямых значениях используются для описания действий человека, употребление же их по отношению входит в число *олицетворяющих* приёмов; 2) у глагола *прокаркать* в приведённом фрагменте наблюдается одно из явлений, характерных для художественной речи: реализация в контексте *одновременно двух* значений, что расширяет смысловое поле данного художественного контекста, формируя при этом и подтекстовую информацию.

Глаголам (*громко*) *кричал*, (*скрипуче*) *прокаркал*, *гаркнул* – в повествовании контрастно противостоит глагол молчал, один из их *языковых* прежде всего – глагола *кричать*) *антонимов*; такая композиционная организация повествования, безусловно, усиливает образность и выразительность словесного пространства, придавая ему ещё большую степень экспрессивности и, соответственно, более эффективно воздействуя на адресата.

Ещё одним образом из мира природы, на который, с нашей точки зрения необходимо обратить внимание при анализе произведения В.А. Титова, является *образ бабочки*. Особенность его включения в повествование определяется тем, что этот образ *последовательно* возникает на протяжении всего текста новеллы – в её начале, в срединной и конечной частях, – в каждом случае сопутствуя *разным* этапам общения героев, Марины и Игоря, которые соответственно сопровождаются и их *различными* психологическими состояниями, проявлением разных эмоций.

Первое упоминание о бабочке встречается после начала разговора между героями новеллы – в тот момент, когда Игорь настроен по отношению к Марине и её приглашению на встречу весьма скептически, и даже несколько враждебно: *«Слова прозвучали излишне жестковато, отчего оба засмутились. Минуту помолчали. Марина теребила кончик косы, Игорь сорвал какую-то былинку, медленно жевал стебель. Около каштановой аллеи по притоптанной траве с сачком в руках осторожно крался мальчишка лет восьми. Впереди него порхала желто-красная бабочка, сзади, шагах в пяти, за ним следовала, пригнувшись к земле, такого же возраста девочка. ...*

Мальчишка резко прыгнул вперёд, плюхнулся на живот, из-под сачка, раскинув цветные крылья, выпорхнула бабочка. Девчонка молча выхватила у него из рук сачок, выпрямившись в полный рост, погналась за добычей» (выделено нами – Д. В., С. Т., В. Ш.) (с. 67).

Затем упоминание о бабочке, точнее – об охотящихся за насекомым детях, включено в повествование, когда разговор между Мариной и Игорем уже достигает довольно высокой степени накала, вплоть до намерения Игоря прервать его:

«Охотники за бабочками наконец что-то поймали, но, разглядев, выпустили и теперь, удалясь в тень клёна, оживлённо спорили. На складном, с массивными ободьями, велосипеде к ним подкатил в белой панамке мальчуган, что-то сказал и так же неожиданно исчез. Вслед за ним ринулись охотники.

– Игорь, – Марина как-то нервно усмехнулась, – *поймай мне бабочку.*

– Ну, я пошёл, – равнодушно сказал тот и повернулся, чтобы уйти.

– Одну минутку, Игорёк!» (выделено нами – Д. В., С. Т., В. Ш.) (с. 70).

В обоих приведённых фрагментах включённый в повествование образ бабочки, безусловно, *диссонирует* с состоянием, в котором пребывают персонажи. В значительной мере это обуславливается не только конкретизацией образа насекомого – постоянно находящегося в движении, легко порхающего и т. п., – но и той символикой, которая закрепилась за этим образом в культуре многих народов. Так, в известном «Словаре

символов» Дж. Тресиддера [8], отмечено, что в современном мире бабочка чаще всего воспринимается как символ легкомыслия, лёгкости и свободы в принципе, однако в более ранние периоды существования человечества она чаще всего символизировала человеческую *душу* и, соответственно, все движения души человека [8, с. 21]. Представляется, что при введении образа бабочки в повествование новеллы автор в той или иной степени опирается на *все* присущие этому образу символические смыслы, которые, безусловно, способствуют более глубокому образному показу человеческих отношений, изображаемых в произведении. Например, не очень уместная просьба Марины (*Игорь, поймай мне бабочку*) – не что иное как попытка с помощью образного высказывания разрядить в создавшейся ситуации напряжение, – попытка, которая, как можно убедиться, не имела успеха.

Бабочка, таким образом, становится символом душевных переживаний героев. Марина, инициатор этой встречи, понимая неправоту своего поведения в прошлом, всячески стремится возобновить с Игорем отношения. Игорь же, будучи серьёзно обиженным на Марину, всё-таки интуитивно не желает абсолютного разрыва с ней, храня в памяти немало тех счастливых моментов, что они пережили с Мариной в прошлом. Образ бабочки и символизирует характер отношений, которые связывают героев в настоящий момент – их хрупкость, неустойчивость, зыбкость, и всё же присутствие в них маленького «огонька» надежды на то, что окончательно они не разрушатся (как у бабочки, которой в последнее мгновение удаётся выпорхнуть и улететь, не быть пойманной).

И эти отношения в самом деле устояли – искренний рассказ Марины о пережитом тронул Игоря, и он вспомнил о том, что как-то *«Марина явилась осунувшейся, бледной, с тёмными кругами под глазами. Подала классному руководителю какую-то бумажку. Прочитав, тот слегка пожурил её, потом приласкал и погладил по голове.*

«Причина уважительная», – сообразил Игорь, но подойти, чтобы спросить, даже не подумал» (с. 75).

Тогда Игорю и в голову не пришло связать свои наблюдения со сложностями в семье Марины – им всё ещё владела ревность; а после рассказа Марины он осознал, что и сам не всегда был прав в своих суждениях.

Заканчивается новелла вполне оптимистично, хотя и без каких-либо определённых выводов: *«Взявшись за руки, они медленно побрели по каштановой аллее, направляясь к выходу. Их место на скамейке тут же захватили охотники за бабочками. Мальчишка усердно пытался поймать луч солнца увеличительным стеклом и попытаться выжечь им что-то на доске. В сачке у девочки трепыхалась оранжевая бабочка»* (выделено нами – Д. В., С. Т., В. Ш.) (с. 78).

В заключительном фрагменте произведения тоже присутствует образ бабочки, которая будто бы, наконец, поймана охотниками за ней (хотя кто знает, чем всё закончится – не улетит ли она? Решение об этом автор оставляет читателю). Таким образом ещё раз подчёркивается хрупкость, нестойкость только что наладившихся отношений, над укреплением которых придётся серьёзно поработать обоим персонажам.

Заключение. Проведённые наблюдения, которыми, безусловно, не исчерпывается значимость функционирования природных образов в одной из новелл лирической повести В.А. Титова «Грёзы старого парка» новелле – «Скамейка у берёз», позволяют сделать некоторые выводы.

Природный мир, изображаемый в новелле, постоянно взаимодействует с миром человеческих чувств, словесно-художественное воплощение которого интересует автора в первую очередь. В зависимости от соотносённости с внутренним миром персонажей образы природного мира – растений (в данном случае – деревьев) и животных (в данном случае – птиц и насекомых) – либо служат фоном для происходящих с персонажами событий, либо являются одним из способов, оттеняющих эмоциональное состояние героев и /или своеобразие их внутреннего мира. Такой подход к изображаемым событиям характерен для

лирической повести в принципе – прозаического жанра, в котором повествование, как правило, отличается выраженным психологизмом.

Выведенные в новелле «Скамейка у берёз» природные образы отличаются очевидной авторской индивидуальностью, что свидетельствует о безусловном писательском таланте автора. Изучение индивидуально-стилистической манеры В. А. Титова – проблема, которая в настоящее время практически не исследована, и в этом видится одна из перспектив дальнейшего изучения его прозаических произведений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Буланин, Д. М. Повесть / Д. М. Буланин // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – С. 280–281.
3. Квятковский, А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.
4. Кожина, М. Н. Художественный стиль речи / М. Н. Кожина, Е. А. Баженова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожин; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. – С. 594–608.
5. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.
6. Соболевская, О. В. Лирическая проза / О. В. Соболевская // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт науч. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 450–452.
7. Титов, В. А. Грёзы старого парка / В. А. Титов // Титов, В. А. Грезы старого парка: Повести / Сост. Р. П. Титова; Вступ. ст. М. Ф. Слабошпицкого. – К.: Рад. письменник, 1988. – С. 16–273.
8. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер. – Текст: электронный – URL: https://www.lesjeunesrussisants.fr/dictionnaires/documents/DICTIONNAIRE_RUSSE_DES_SYMBOLS.pdf (дата обращения: 18.12.2024).

УДК: 821.161

*В. Ю. Даренский,
г. Луганск*

ПОЭТИКА ЖАЛОСТИ У В. ТИТОВА

Повесть В. Титова «Всем смертям назло», сделавшая его знаменитым, и тематически примыкающая к ней автобиографически-документальная повесть «Жизнь прожить» создали весьма одномерный образ этого писателя как певца беззаветного человеческого героизма. Безусловно, этот образ очень важен и никогда не потеряет своей ценности. Особенно велика его воспитательная роль и актуальность для нашего времени. Вместе с тем, в творчестве В. Титова с самого начала – уже с рассказа «Раненый чибис», который был опубликован в том же 1967 году, как и его первая знаменитая повесть «Всем смертям назло», возникает уже совсем иная тема. Точнее, две взаимосвязанные темы.

Первая из них – тема незащитного страдания живых существ; вторая – тема разрушения человеческой нравственности в современном обществе. Эти две темы составляют не внешний, хорошо известный, уровень художественного мира В. Титова, а его

внутренний уровень, который до настоящего времени оставался «в тени», несмотря на то, что именно тематика этого внутреннего уровня и была для В. Титова основной на протяжении всей его писательской судьбы – уже после выхода его «главной» повести «Всем смертям назло».

Этот факт, впрочем, отмечался исследователями: так, М. Ф. Слабошпицкий в свое время отмечал, что «в “Тречах старого парка” был уже новый Владислав Титов... Возможно, начиналась принципиально новая страница прозы Владислава Титова» [2, с. 14]. Действительно, в повести «Грезы старого парка» Титов очень далек от того стандартного образа героического шахтера, в каком мы привыкли воспринимать его самого и его художественное наследие. Но, как уже сказано, этот другой образ В. Титова появляется уже одновременно с первым – в его первом маленьком рассказе. Целью данной статьи является выделение и анализ основных компонентов этого «другого образа».

В рассказе «Раненый чибис», который Б. Полевой отметил как «очень поэтический» [1, с. 508], тема незащитного страдания является главной. Рассказ возник на основе тяжелого жизненного впечатления, о котором сам писатель поведал в автобиографическом повествовании «Жизнь прожить...». Там он писал о том, как ранил чибиса из ружья, сам не зная зачем в него стрелял, а потом раненого чибиса замучили до смерти злые мальчишки [4, с. 144]. Это потрясло писателя: «Не мог я смириться с той жестокостью, с которой мальчишки обошлись с птицей» [4, с. 145], – пишет он. И поэтому в своем рассказе «Раненый чибис» он меняет финал на противоположный – чибиса излечивают, и он улетает. Причем излечивает его мальчишка-инвалид, который сам постоянно является объектом издевательств тех же мальчишек. В таком сюжете явно действует «архетип»: несчастный помогает несчастному. Об этом говорит и простая жизненная мудрость: пожалеть и помочь может только тот, кто сам испытал страдания, а люди, не знавшие бед, обычно черствы и жестоки. (Естественно, бывают и исключения). Зачем В. Титов так радикально изменил конец истории на прямо противоположный? Дело здесь явно не в «канонах социалистического реализма», требовавших давать позитивный и оптимистический финал. Нам представляется, что в таком художественном вымысле, изменившем реальную историю, есть и более глубокий смысл. Задача художественной литературы – преображать человеческую душу, а это можно сделать только на примерах добра, милосердия и взаимопомощи. Поэтому В. Титов сделал правильно.

Уже в этом самом первом рассказе В. Титов продемонстрировал особый душевный дар чувствовать «чужую» боль и страдание – так, чтобы они уже перестали быть чужими и стали своими собственными. Почувствовать боль птицы как свою – может далеко не каждый, в том числе и среди знаменитых писателей. Русским литературным «канонам» такой особой душевной чуткости является хрестоматийный рассказ «Му-му» И. С. Тургенева. Возможно, такая чувствительность к боли другого и самой природы составляет особое качество русской литературы. В качестве более нового яркого примера такой чуткости можно привести стихотворение Николая Рубцова «Медведь»:

В медведя выстрелил лесник.
Могучий зверь к сосне приник.
Застряла дробь в лохматом теле.
Глаза медведя слез полны:

За что его убить хотели?
Медведь не чувствовал вины!
Домой отправился медведь,
Чтоб горько дома пореветь...

Дело в том, что дробью убить медведя невозможно, но можно только так ранить, что он будет мучиться очень долго, т.к. дробь навсегда застрянет в теле. То есть лесник в данном случае проявил бессмысленный садизм в чистом виде. Такой же садизм проявили и мальчишки с чибисом. И это тяжелое жизненное впечатление явно сопровождало В. Титова потом всю жизнь, ведь память о нем проявилась в его текстах неоднократно: в них есть упоминание о «крике чибиса» или фраза «рыдания чибисов затихли» [5, с. 128]. Жалость как лейтмотив всех сюжетов в позднейших произведениях В. Титова становится все сильнее.

Совершенно новая проблематика буквально «врывается» в творчество В. Титова, начиная с повести «Ковыль – трава степная» (1971). Сюжет её довольно прост. Городской человек Евгений Кудряшов, поругался с женой, его семья стоит на грани распада, и он едет к родителям в деревню. По ходу повествования мы встречаем еще много похожих историй, о которых рассказывают вокруг другие люди. Общая атмосфера повести – тяжелая: это атмосфера распада не только семьи, но и вообще всех человеческих связей, оскудения души. Вместе с тем, в позиции автора нет осуждения или отвращения к изображаемым им страдающим людям – а только сострадание и жалость: для него нет чужой боли, чужой беды. «Чужая» давно уже стала своей – это его главный принцип.

Не событийный только, а смысловой сюжет повести – это разлом между цивилизациями: традиционной крестьянской, и новой городской. В этом В. Титов явно входит в рамки направления, которое к тому времени уже ясно обозначилось в русской литературе – так называемых «деревенщиков». При этом и сюжеты, и прямые высказывания героев В. Титова часто бывают даже более жесткими, чем у других авторов этого направления, некоторые из которых в наше время признаны классиками (В. Распутин, В. Астафьев, В. Белов и др.). Шахтерская часть жизни самого В. Титова ведь была уже второй, а первой было его деревенское детство. Он остался деревенским человеком по структуре своей души, по тому типу психологии и нравственности, который сформировала в нем не просто деревня, а та тысячелетняя христианская цивилизация, которую вплоть до XX века хранила деревня, пока не была уничтожена быстрой урбанизацией.

Очень характерным в этой повести является образ жены главного героя, из-за которой и едва не распалась их семья. А причина этого была очень банальной, автор описывает её так: «Деревню она считала омутом, где кончается всякая достойная человека жизнь. И была глубоко убеждена в этом. “Хватит того, что мы родились там! – часто повторяла она и добавляла: – Семнадцать лет потеряно в той глуши. Надо наверстать их!” Евгений же нигде, кроме деревни, не хотел проводить свой отпуск. И когда он наступал, в доме начиналась настоящая война. Наташа наотрез отказывалась ехать с ним. Делала все, чтобы и его не пустить. Сначала это, ей удавалось. Муж смирялся, отступал, и она торжествовала победу. Но мира в семье такие сделки не прибавляли. Ни Сочи, ни Гагра не радовали Евгения, не приносили того душевного покоя и уравновешенности, какие всегда приходили к нему в родных краях. Ощущение плена, насилия над собой угнетало его, делало угрюмым и замкнутым. С рождением дочери скандалы немного поутихли, казалось, мир и согласие пришли наконец в семью. Но это только казалось. Первый же намек Евгения на то, чтобы отправить Людочку на лето в деревню к бабушке вызвал бурю. И опять завертелось все во взаимных обидах, упреках, непонимании. Последний их разговор, перед его бегством в деревню, перешел все рамки. На предложение всей семьей поехать в отпуск к матери Наташа закатила истерику. Ругала мужа, обвиняла его во всех грехах и запальчиво заявила, что дочь она ему не отдаст, а если он поедет сам, то пусть не возвращается. Такой муж ей не нужен» [5, с. 91].

Эта ситуация – очевидно, не просто бытовой и даже просто не личностный конфликт: это *война цивилизаций*. Как заметил в свое время О. Шпенглер, человек города «скорее умрет на мостовой, чем вернется в село» [6, с. 105]. Путь из деревни в город – это «билет в один конец», оттуда возврата не бывает. Боль и трагедия героя этой повести Евгения Кудряшова

состоит в том, что в отличие от его жены, ему плохо в городе, он хотел бы вернуться, но препятствием этому стала его семья. И вновь, как и в рассказе «Раненый чибис», В. Титов закончил повествование позитивно и оптимистически – Евгений вернулся из деревни к семье, помирился с женой и надеется на дальнейшую нормальную жизнь.

Однако самого В. Титова уже не покидала тревога, и в дальнейшем у него появляются еще более тяжелые и жесткие сюжеты. Первый из них в следующей повести «Раздел» (1973). Здесь повествуется о разделе дома родственниками после смерти его хозяйки: эти родственники разругались до драки и тяжелых оскорблений, а дом вскоре случайно сгорел. Эта случайность тоже символична – никто лично в этом не виноват, но виноваты все вместе – своими характерами, своей злобой и эгоизмом. Как известно, «дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мф. 12:25). Поэтому он и не устоял. После пожара дома символически пошел дождь, а на могиле его бывшей хозяйки Прасковьи «сдох старый, полуослепший пес Мушкет. Его оттащили в сторону, к канаве, и там же зарыли» [4, с. 342]. Как видим, В. Титов здесь уже не показывает выхода из трагедии в человеческих отношениях в изменениях самих людей, а только указывает на возможное будущее преображение их через природный символ (дождь), а также дает символический пример верности и любви собаки к своей хозяйке. А сама жалость автора к собаке – это то, что должно было бы быть в самих людях.

Вернуться в село из постылого города удалось герою его повести «В родной земле корням теплее» (1983). Здесь дед Устин также очень страдает в городе по покинутой им деревне – и в конце концов возвращается в неё. Вместе с ним рвался уехать и его внук, но родители его непустили. А его дочь Зина, хоть и любит город, но почему-то становится пьяницей. Как пишет автор, она «всю совесть порастратила в городской сутолоке» [5, с. 142]. Дед Устин говорит с горечью о современном человеке: «Мельчает человек в городской тесноте. Воли для души нет. Контакт со своим же естеством пропадает» [5, с. 161]; «Никакой жалости не имеют. Совесть потеряли» [5, с. 170]. Как видим, *совесть и жалось здесь соединены в нечто единое – как общая основа доброты в человеке.*

Дед Устин не только скорбит о происходящем, но и очень четко понимает причины этого. Он говорит: «У человека должны быть корни. Что он без корней? Сухое дерево... Потому и высохло, что что потеряло их, потеряло основу... Пространственности в городе нет. Человек удален от всего сущего» [5, с. 189]. Дед Устин говорит здесь почти языком философов XX века: как известно, «неукоренность» человека стала одним из «диагнозов» современности. Русские писатели-«деревенщики» высветили общемировую проблему, но высветили наиболее ярко в силу исторических обстоятельств, поскольку именно в России уничтожение крестьянской христианской цивилизации произошло в наиболее катастрофической форме. А выражение «Человек удален от всего сущего», по сути, является просто цитатой из Мартина Хайдеггера, хотя наверняка ни сам В. Титов, ни тем более его герой никогда не слышали о таком философе.

В уста деда Устина В. Титов явно вложил собственные мысли. И не только свои, но и своего отца. В повести «Жизнь прожить...» В. Титов вспоминал, что его отец, прошедший всю войну, однажды плакал, когда его обокрали – но не из-за того, что было жалко денег, а потому, что «никак не мог понять, как это так можно – залезть в чужой карман и украсть» [4, с. 130]. Это недоумение и горькое отчаяние от разрушения нравственных основ жизни – не менее важная часть душевного опыта В. Титова, чем его шахтерский подвиг. Но ещё более ценно то, что в этой горечи нет злобы, а только бесконечная жалость к людям.

В повести «Грёзы старого парка» (1986) также четко видна жизненная канва – речь идет о парке им. М. Горького в Луганске. По сюжету повести, парк проходит реконструкцию. Бригадир лесорубов Михаил получил задание срубить тополь Великан, душу парка. Лесорубы не могли справиться с Великаном, и его свалил бульдозер. При этом бульдозеру пришлось проехать через цветник, который тщетно пыталась защитить работница парка, бросившись со слезами на глазах и с лопатой, как штыком, прямо на бульдозер. Однако не

только по указке сверху уничтожается старый парк, много зла люди делают и по собственной инициативе: например, гнезда птиц мальчишки. Старый работник парка по имени Потапыч пытается вразумить детей, но тщетно. И только лишь один из мальчиков, Максим, видя, как грач плачет над своими нерожденными детьми, раскаивается. Здесь тема и образ *жалости как преображающего человеческую душу чувства* уже прямо выходит на поверхность повествования.

Парк также был прибежищем и для бездомных животных. Так, собака Веста надоела своей хозяйке, и отец девочки унес ее в мешке в парк. Весту стал подкармливать дядя Вася, но его друг, алкоголик Анатолий, убил её. Не вынеся своей *жалости* по убитой собаке Василий в парке покончил с собой. *Смерть от жалости к убитой собаке – есть ли еще в мировой литературе такой сюжет?* Еще одну собаку – Агдама – её хозяин Георгий во время паводка бросил на гибель. Но друг Георгия Антон спас Агдама и привел его к хозяину на поводке.

Тема войны у В. Титова не является просто воспоминанием и не сводится к её героическому смыслу. В контексте тех жизненных проблем, которые даны в его прозе, Великая Отечественная война выступает как один из центральных смысловых символов. Суть его в том, что память о войне и погибших связана с вопросом о том, почему в мирное время начали разрушаться нравственные основы жизни. Логика автора такова: если за эту мирную жизнь были отданы такие жертвы, и если на войне люди явили такое величие духа, то почему же тогда эта мирная жизнь идет совсем не так, как надеялись, почему она сама разрушает души людей? Образы войны возникают в повествовании В. Титова именно там и тогда, когда он мучительно ищет ответ на вопрос «Что с нами происходит сейчас?». Кроме того, стоит отметить и особую художественную силу писателя в изображении памяти о войне. Например, в таком фрагменте: «все село, свившись в три огромных клубка, выло безысходно и страшно, будто в преддверии всеобщего конца» [4, с. 121]. Слова «будто в преддверии всеобщего конца» – это не метафора, а реальное ощущение в минуту страшного горя.

В неоконченном романе «Рожь» В. Титов, судя по всему, собирался найти выход из той безысходности разрушения нравственного человеческого мира, в которую он погрузился в предшествующих произведениях. И тема войны здесь предстала уже в совсем ином ракурсе – как война-разлучница. Отчаяние одной героини здесь доходит до того, что, узнав об измене мужа, она жалеет о том, что родила детей. М. Ф. Слабошпицкий [2, с. 11] также акцентировал внимание и на особом социальном пафосе неоконченного романа – на изображении автором социальной несправедливости, когда нечестные люди и карьеристы «сидят на шее» у честных работяг и лишают их всякой перспективы в жизни, а вместе с этим – и желания плодотворно трудиться. Но само название романа «Рожь» явно символично, поскольку слово «рожь» происходит от корня «родить», то есть это название указывает на поиск автором истока продолжения жизни. Однако в том тексте, которые он написал, такого позитивного завершения нет.

Уже в «Грёзах старого парка» автора настигали почти апокалиптические видения: тополию Великому перед тем, как его уничтожат, снится, «будто окутало нашу землю грязно-желтое ядовитое облако»; «а где-то в недостигаемо-неведомом далеке одиноко и горько плачет мать, прародительница рода людского...» [4, с. 346]. Автор задается вопросом: «оставим ли после себя бывшую материю, составляющую основу нашей жизни, основу основ мироздания?» [4, с. 347]. Тем самым, основная философская тема В. Титова – это поиск выхода из того разрушения человечности, которую он с горечью наблюдал вокруг себя.

Именно эта тема, не отменяя традиционного представления о В. Титове как певце мужества и героизма, как нам представляется, является очень важной и актуальной для нашего времени. Особую нравственную и художественную глубину у В. Титова ей придает жалостливое отношение тем к людям, которые изображаются в ситуациях жизненного

распада. Это подлинно христианское отношение, не смотря на отсутствие религиозной веры, сохранилось у В. Титова как наследие его предков – десятков поколений людей, живших в православной вере и передавших нам живое наследие своих душ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полевой, Б. Слово о богатом человеке / Б. Полевой // Титов В. Проходчики. Всем смертям назло. – Москва : Сов. писатель, 1983. – С. 405-510.
2. Слабошпицкий, М.Ф. Нравственные твердыни человека / М.Ф. Слабошпицкий // Титов В. А. Грезы старого парка: Повести. – Киев : Рад. письменник, 1988. – С. 5-14.
3. Титов В. Рожь / В. Титов // Грезы старого парка: Повести / Сост. Р.П. Титова; Вступ. Ст. М.Ф. Слабошпицкого. – Киев: Рад. письменник, 1988. – С.
4. Титов В. Собрание сочинений. Т. 1 / В. Титов. – Луганск : «Виртуальная реальность», 2010. – 600 с.
5. Титов В. Собрание сочинений. Т. 2 / В. Титов. – Луганск : «Виртуальная реальность», 2010. – 600 с.
6. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. – Москва : «Мысль», 1998. – 606 с.

УДК 821.161.1-31.09:929

*П. И. Дрожжина
г. Луганск*

ОСОБЕННОСТИ ХРОНОТОПА В ПОВЕСТИ В. А. ТИТОВА «КОВЫЛЬ – ТРАВА СТЕПНАЯ»

Немало сказано и написано о драматической судьбе, несломленной воле и исключительном мужестве В. А. Титова. Однако если мы говорим о Титове-писателе, то следует обратить внимание не только на судьбу Владислава Андреевича, но и на его творческий метод: как пишет автор? какими средствами он достигает художественной правды и выразительности?

В данной статье рассматривается такая сторона композиции литературного произведения, как хронотоп. Под «хронотопом» мы понимаем вслед за М. М. Бахтиным «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [1, с. 253]. И. Р. Гальперин рассматривает хронотоп как категорию континуума, представляющую собой «определенную последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве» [2, с. 87]. На наш взгляд, хронотоп является «каркасом», основой художественного произведения, определяющим связь и единство литературы с реальной жизнью.

Произведения В. А. Титова наполнены жизнью, с большим вниманием писатель наблюдает окружающую его действительность. Время и место в произведениях писателя играют большое значение, хотя и остаются неизменными. Время – советское, место – Родина. Но именно в этих координатах разворачиваются непохожие, сложные судьбы героев, наполняя смыслом пейзажные зарисовки автора. Эту особенность творчества В. А. Титова отмечал журналист Г. С. Довнар: «Есть писатели необычных, особенных судеб, особенно емко, полно воплощающие в своем творчестве время, в которое живут, ... лучшие черты современников, с которыми работают, общаются. К таким писателям относится наш земляк, прозаик, лауреат Государственной премии УССР им. Т. Г. Шевченко Владислав Титов» [3].

В повести «Ковыль – трава степная» В. А. Титов изобразил советскую деревню, судьбы ее жителей в разные годы. Главный герой повести, инженер-строитель Евгений Кудряшов, приезжает на время отпуска в родную деревню к матери. Его гложет трудный выбор: оставить жену и дочь или остаться в семье? Чувствам, переживаниям героя вторит все: каждая травинка изгибается во след его мысли, звезды подмигивают, подсказывают ему ответы. Пейзажные зарисовки то и дело сменяются внутренним монологом Евгения: «В дверь заглянула луна. Полная, бледнощекая, она была не такой, как там, в городе. Здесь луна казалась своей, совсем знакомой, какой-то родной. «Без отца...» – вновь подумал Кудряшов и вздохнул» [4]. Не только к матери Екатерине Кудряшовой приехал Евгений, но и к природе-матери, чтобы найти решение и утешение.

Вопреки ожиданиям, вызванным названием повести, место действия – не степь Донбасса, а степь, затерянная где-то в широких просторах России. В Донбассе у Кудряшова работа по специальности, здесь – первая работа по зову сердца: десятилетний Женя пас летом лошадей и даже выходил свою любимицу Чайку. В родной степи Кудряшов оставил свободу, детские и юношеские мечты, друзей и врагов. «Над степью висели звезды, ядренные, немигающие. Кудряшов прошел несколько шагов и остановился. Ему показалось, что музыка явилась сверху, от звезд, ударила по ковылю, и покатила по степи, и застонала, и закружилась тихими звуками. Счастье юношеских мечтаний, радость встречи с родными местами и боль от чего-то неудавшегося, не так устроенного разом обрушились на Кудряшова, захлестнули его и смяли» [4]. Писатель Н. Д. Малахута справедливо отмечал умение В. А. Титова сквозь чуть заметные, недвижимые, чисто внешние детали окружающей среды, пейзажных зарисовок, сквозь экспрессивно насыщенную персонификацию, метафору, гиперболу подать характер того, кто в данном случае попал в поле авторской фантазии [3].

Один из важнейших пространственных образов повести – Волчий лог. Здесь Евгений прятался в детстве, мечтал. В свой тайник он приводил жену Наташу, но женщина не смогла понять красоты этого места, и Евгений почувствовал, что он доверился не тому человеку. Свое «самое сокровенное место» – памятник лошади Чайке – Кудряшов так и не решился показать Наташе. Не ссоры из-за работы, денег, квартиры гонят Кудряшова, как он думает, из дома, а несовпадение мироощущения, мировидения супругов. Таким образом, описание пространства, живописные пейзажные зарисовки отражают психологическое состояние главного героя, являются отражением его душевных переживаний.

С женой Наташей связан другой пространственный образ – школьный сад с золотыми яблоками: «В школьном саду стояла предутренняя тишина. На верхушках яблонь дремал туман и в прозрачном свете луны лишь слегка трепетал, как невесомая воздушная фата невесты. Меркнувшим, притушенным светом роились звезды. Пахло росной травой, яблоневым цветом и еще чем-то весенним, радостным, волнующим... Наташка порывисто высвободила свою руку из Женькиной и побежала в глубь сада» [4]. Снова и снова Кудряшов возвращается к этому воспоминанию. Образ сада хранит в себе память Евгения о себе накануне выпускного, о милой, доброй, чистой Наташе, о робком признании в любви, о счастье, что можно больше не скрывать свои чувства. Антитезой весне, выпускному, любви, оставшихся в прошлом, проходит образ дождя в настоящем.

Время, наряду с пространством, является одной из важнейших идейно-художественных характеристик литературного произведения. Как отмечает литературовед Н. А. Николина, время в художественном произведении – это «длительность, последовательность и соотнесенность его событий, основанные на их причинно-следственной, линейной или ассоциативной связи» [5, с. 121].

В художественной репрезентации времени часто происходит нарушение линейной последовательности: автор может сначала представить события, произошедшие позднее, а затем возвращаться к более ранним моментам. Это создаёт диссонанс между реальным

временем, которое представляет собой непрерывный поток событий в объективной реальности, и авторским временем, где такая последовательность нарушается.

В повести «Ковыль – трава степная» В. А. Титов использует такой прием преломления времени, как ретроспекция. Под ретроспекцией понимается обращение в литературном произведении к прошлому, рассмотрение минувших событий, включение в повествование событий прошлого [6, с. 114]. Автор переносит читателя в разные временные пласты: военные и послевоенные годы, детство Евгения и его нынешнюю жизнь.

Военные годы и годы детства Евгения сюжетно связаны с матерью мужчины, Екатериной Кудряшовой, и председателем колхоза Иваном Ильичом. Но так как повествование ведется от лица Евгения, то прошлое мы видим, как он – глазами ребенка. Для читателя, как и для Кудряшова, до последнего остаются загадочными взаимоотношения Екатерины и односельчанина Ивана Ильича. Евгений судит их поступки как ребенок, который рос, наблюдал за взрослыми и делал такие выводы, какие мог. Проницательный читатель догадывается раньше Кудряшова, почему мать плачет, когда Женя берет без спроса старый плащ, почему она выбрасывает конфеты, принесенные Иваном. Но Кудряшов становится взрослым и теперь сам оказывается перед трудным жизненным выбором. Честный рассказ матери о своем прошлом: о войне, погибшем муже и сыновьях, любви к Ивану Ильичу – помогает герою повести по-новому взглянуть на себя, на близких, переосмыслить свое отношение к ним.

Так, прием ретроспекции помогает автору создать уникальную перспективу, где временные границы стираются, обогащая интерпретацию и восприятие текста. Подобное рассмотрение текста не только углубляет понимание происходящих событий, но и позволяет читателям увидеть, как прошлые события формируют настоящее и могут предсказывать или предвещать будущее развитие действия.

Настоящее время протекает для Кудряшова так же неровно: оно то ускоряется, то замедляется. «На часы он боялся смотреть. Даже секундная стрелка и та издевалась над ним. Она словно увязла в густой черной смоле, и не было надежды на то, что ей удастся вырваться и закружиться легко и свободно» [4]; «Порой казалось, что поезд слишком быстро движется от станции к станции, а то начинало раздражать, что он еле плетется» [4]. В этих деталях кроется проницательное наблюдение писателя за психологией человека: ожидание героя «растягивает» время, а его быстрые, сбивчивые мысли «ускоряют» время. Так автор передает тяжелые размышления, смятение Кудряшова, «очеловечивает» образ, делает его близким и понятным читателю.

По мнению Н. Д. Малахуты, сюжет повести хоть и развивается не линейно, а калейдоскопично, подчинен именно поступкам героев, их характерам, развитию взаимоотношений между главными героями [3]. Мы бы добавили: «лоскутный» сюжет совмещает восприятие реального времени и воспоминания прошедшего времени героев. Внутренние монологи, анализ собственных поступков, как бы опосредованный взгляд на себя делают Кудряшова героем рефлексирующим, многогранным.

Описание грез юного Кудряшова создают особый тип пространства и времени – фантастический, ирреальный. В мечтах Жени сливаются все видимые и выдуманные им пространственные образы: степь, где он парит, как орел, и возглавляемый им военный парад в Москве, борьба с фашистами и «злюка историчка», которая торжественно обещает больше никогда его не спрашивать, табун лошадей и победа над задирой Колькой Кашеем. Сила воображения меняет и родную степь в глазах десятилетнего Жени: «Степь вдруг закопошилась чудовищными змеями горынычами, уродливыми колдунами, надвинулась на него всеми ужасами самых страшных сказок и небылиц, слышанных от односельчан» [4]. В мечтах ребенка настоящее и будущее время сливаются в одно: сейчас он взрослый «капитан», за которым прилетает самолет, а через секунду – ученик на уроке Лидии Анатольевны.

Художественное время в повести можно рассмотреть не только с позиции героя. Согласно мысли Б. А. Успенского, хронотоп является особым пространством, который совместно создают автор, персонаж и читатель. В данном контексте пространство текста – это пространство, описываемое с одной или всех названных точек зрения, причём они могут и совпадать, и отличаться друг от друга [8, с. 101]. Филолог А. Б. Темирбулатова в плане содержания художественного времени выделяет следующие составляющие:

- 1) время тех событий, из которых складывается сюжет, т. е. сюжетное время;
- 2) время персонажей (индивидуальное, частное, личное время), в состав которого входит: субъективное восприятие времени героем произведения, его биографическое время, время его деятельности;
- 3) время автора, отражающее «его концепцию времени, его временную позицию по отношению к изображаемым событиям»;
- 4) время читателя – «время рационального и чувственно-эмоционального восприятия, прочитанного» [7, с. 64–65].

В. А. Титов вошел в литературу в «эпоху застоя». Хотя в повести воспеваются труд простых людей, отнести ее к «производственной» литературе не получится. В повести есть описание работы в поле, размышления героев о производительности труда, но для Евгения Кудряшова природа – не мастерская, а храм, к которому он относится с большим трепетом и уважением. Профессор Л. В. Черниенко указывает, что ощущению природы В. А. Титова свойственен элемент пантеизма и «лейтмотивной» является идея о приоритетности живой природы перед городом» [9]. Такое же мироощущение писатель дарит своему герою. Соприкосновение с родной природой духовно обновляет Евгения Кудряшова, вдохновляет его бороться за свое счастье.

Советский читатель мог найти в повести «Ковыль – трава степная» то, чего не хватало в «официальной» литературе: пристальное внимание к чувствам человека, выдвижение на первый план жизни души, принятие своих индивидуальных переживаний. Эти же особенности повести могут привлечь и современного читателя: автор поднимает вечные темы родины, любви, личного выбора человека.

Таким образом, через особенности хронотопа мы проанализировали и выявили психологическую основу повести «Ковыль – трава степная» как творческий метод писателя В. А. Титова. «Вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа», – писал М. М. Бахтин [1, с. 406]. То есть хронотоп лежит в основе художественных образов и сам является своего рода образом, который воспринимается не непосредственно, а ассоциативно-интуитивно – из совокупности непосредственных зарисовок пространства и образов, метафор, символов времени.

«Ковыль – трава степная» – романтическая повесть о красивых, высоких чувствах человека, о прекрасных порывах его души, о глубокой супружеской любви и верности, о безграничной привязанности к родному краю, о неповторимой прелести сельских пейзажей. За легкостью повествования, за красотой мастерски описанных пейзажей кроется индивидуальный творческий почерк писателя В. А. Титова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
3. Ельшова, Л. В. Воплотить в своем творчестве время... [Электронный ресурс] / Л. В. Ельшова. – Режим доступа: <https://lib-lg.com>, свободный (дата обращения: 20.10.2024).

4. Титов, В. А. Ковыль – трава степная [Электронный ресурс] / В. А. Титов. – Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A2/titov-vladislav-andreevich/kovilj---trava-stepnaya>, свободный (дата обращения: 18.10.2024).
5. Николина, Н. А. Филологический анализ текста : учеб. пособие / Н. А. Николина. – М.: Академия, 2007. – 268 с.
6. Никольская, В. М. Ретроспекция и личностная форма литературной рефлексии: взаимосвязь приемов на примере эссе А. Камю «Между да и нет» / В. М. Никольская // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов IX Междунар. науч. практ. конф. (Минск, 25 ноября 2015 г.) / редкол. : Н. Н. Нижнева (отв. редактор) [и др.]. – В 6 ч. – Ч. 5. – Минск: БГУ, 2015. – С. 114–117.
7. Темирбулатова, А. Б. Художественное время и пространство: их значение и функции / А. Б. Темирбулатова // Вестник КазГУ. Серия филологическая. – 2001. – № 1. – С. 60–67.
8. Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. – СПб.: Азбука, 2000. – 348 с.
9. Черниенко, Л. В. Об индивидуальном творческом методе Владислава Титова / Л. В. Черниенко. – Режим доступа: <https://lib-lg.com>, свободный (дата обращения: 23.10.2024).

УДК 81'373:821.161.1

*Т. А. Дьякова
г. Луганск*

**ТРАНСФОРМАЦИЯ УЗУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК
СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ «ГРЁЗЫ СТАРОГО ПАРКА»)**

Фразеологический состав языка – один из наиболее красноречивых и эффективных способов воплощения этнокультуры языковыми средствами. По мнению В. А. Масловой, природа значений фразеологических единиц (ФЕ) тесно связана с «фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на определённом языке» [4, с. 67–68], что и делает фразеологию выразительным явлением языка и культуры в целом.

Литературные произведения в контексте антропоцентрической парадигмы являются уникальным фактом национальной и мировой культуры, феноменом индивидуального творчества, источником познавательной информации, «продуктом речемыслительной деятельности автора» [5, с. 3]. В последнее время возрос интерес лингвистов к фразеологии писателей, объектом исследований стало творчество А. А. Ахматовой (Н. В. Кудрина), А. В. Вампилова (А. В. Овсянникова), А. Н. Островского (Л. С. Наградова), Л. Н. Толстого (О. В. Ломакина, Л. Ш. Мигранова), В. М. Шукшина (В. С. Елистратов) и др. писателей, анализируются окказиональные фразеологизмы Бориса Акунина (Т. В. Сафонова), В. В. Крестовского (Г. Е. Сафьянникова), Игоря Северянина (В. В. Никульцева), В. С. Токаревой (Н. А. Божко), Л. Н. Толстого (Ю. В. Архангельская) и других писателей.

Владислав Титов, профессиональный горняк, пришел в литературу с богатым жизненным опытом. Будучи выходцем из липецкого села, получив образование в шахтерском городе, проработав определенное время в забое, Владислав Андреевич сохранил и воссоздал в художественных текстах языковые особенности людей различных социальных и профессиональных групп. Одним из аспектов этого стало использование фразеологизмов, которыми мы, соглашаясь с формулировкой автора фразеологических словарей языка писателей А. И. Васильевым, будем называть «воспроизводимое сочетание двух и более

знаменательных или служебных слов номинативного или коммуникативного характера, обладающее идиоматичностью и семантико-структурной устойчивостью» [3, с. 4].

Параллельно с термином «фразеологическая единица» в работе используем понятия «фразеологизм», «фразама», «фразеологический оборот», «фразеологическое выражение», «выражение», «устойчивое сочетание», «устойчивый оборот», понимая их как семантические синонимы.

Из повести «Грёзы старого парка» методом сплошной выборки вычленены 59 ФЕ. Среди них преобладают выражения разговорной стилистической окраски (более 40 единиц): *встать на ноги, комар носа не подточит, куда ни кинь, ума не приложу* и др.; отмечены просторечные фраземы: *столкнуться нос к носу, ноги подкосились* и др. В. Титов использовал и отдельные фразеологизмы, пришедшие в активное употребление из различных профессиональных сфер (*взять под козырёк, по всей строгости воинского устава, на рожон лезть*), и устаревшие идиомы (*держать сторону, там и сям*).

Особый интерес вызывают устойчивые сочетания, которые подверглись авторской трансформации: писатель, изменяя существующие в общем употреблении единицы, демонстрирует не только знание узуальной фразеологии, но и способность привнести в текст произведений ту самую «изюминку», которая отличает его повести и романы от сочинений других авторов.

Трансформацию фразеологических единиц в повести «Грезы старого парка» автор осуществляет несколькими способами.

1. Замена компонента. Так, общеупотребительную ФЕ *псу под хвост*, грубо-прост. ‘напрасно, зря, впустую (тратить, расходовать)’ [11, с. 722] автор преобразовывает в выражение *кобелю под хвост*: – *Единственный выходной за месяц и тот – кобелю под хвост, – поддержал его Лёха. – Надо было командировать меня или Диму в город...* [10, с. 166], создавая речевую характеристику персонажа.

Повествуя о жизни героев, писатель рассказывает и о повседневных событиях их жизни. Как выразительное средство описания использован фразеологизм *колесо в колесо*: *Дорогу к городскому парку знал только Степан, вот он и был за штурмана, а все следовали за ними. «Жигули, соблюдая дистанцию, колесо в колесо ехали за «Волгой»* [10, с. 152]. Сохраняя грамматическую форму, автор произвел замену компонентов в узуальном выражении *след в след* ‘идти, ступать след в след, в один след’ [12, с. 359]. При этом традиционная антропоцентрическая ориентация фразеологической единицы изменена на «техноцентрическую», что, с нашей точки зрения, подчеркивает изменившиеся реалии повседневной жизни.

Сохраняя семантику узуального устойчивого сочетания *пить горькую*, разг. экспрес. ‘страдать запоями; непрерывно, беспробудно пьянствовать’ [11, с. 471], В. Титов вносит в реплику персонажа фразеологизм *запоем пить*: –...*Запоем пила мать, а дочку – ноль внимания* [10, с. 192], что придаёт негативную коннотацию, ФЕ приобретает оттенок неодобрительности, осуждения.

2. Замена компонента и семантическая трансформация. Во фразеологизме *по пятам* кого, чьим, за кем, разг., экспрес. ‘не отставая, неотступно (идти, ходить, гнаться)’ [11, с. 551] вместо глагола движения *идти* (*ходить, гнаться*) писатель использует лексику *бегать*, прост. ‘ухаживать’ [9]: – *За Андреем все девчата по пятам бежали, – не обратив внимания на его слова, продолжала Надежда* [10, с. 36]. Полагаем, что такая трансформация изменила стилистическую маркированность фразеологизма с разговорной на просторечную, придав речи персонажа большую эмоциональную выразительность.

3. Расширение компонентного состава. Фразеологизм *проглядеть <все> глаза*, прост., экспрес. ‘пристально, долго или часто всматриваться куда-либо, ожидая с нетерпением появления кого-либо’ [11, с. 534] писатель расширяет именем существительным в форме предложн. п. *на дорогу*: – *Все глаза на дорогу проглядела. Петенька, первенец наш, видишь,*

каким соколом стал [10, с. 214]. Этот способ трансформации узуальной фразеологической единицы позволяет выразительнее характеризовать состояние героини повествования.

Добавление компонентов (местоимение *всех* и глагол в форме повелит. накл. *чеши*) в общеупотребительный фразеологизм *под одну гребёнку*, разг. экспрес. ‘по одному образцу; под один уровень’ [11, с. 156] придает большую экспрессивность речевой характеристике персонажа: – *Ты всех одной гребёнкой не чеши*, – беззлобно, но резко возразил Антон [10, с. 212], подчёркивая определённую фамильярность стиля общения персонажей.

4. Расширение компонентного состава и семантическая трансформация. Фразеологизм *ставить точки над «и»*, экспрес. ‘доводить начатое до логического конца, уточняя все подробности, ничего не оставляя невыясненным’ [11, с. 653] исследователи считают калькой с французского выражения *mettre les points les i*, буквально ‘ставить точки над «и»’. Его существование в русском языке объясняют применением в русской орфографии буквы *i* (и десятиричное), отменённой реформой орфографии 1917 г. [1, с. 572]. Писатель, расширяя компонентный состав, встраивает фразеологизм во внутренний монолог персонажа: «Хватит! Жить так дальше нельзя. Надо **ставить точки над всеми этими затянувшимися “i”**» [10, с. 147]. Значение завершенности, содержащееся в узуальной ФЕ, усиливается местоимениями *всеми*, *этим* и причастием *затянувшимися*. Это подчёркивает длительность состояния неопределённости и множественность его проявления для персонажа, характеризует его психологическое состояние.

Фразеологическую единицу *зашибать/ зашибить деньги (деньгу)*, прост., часто неодобр. ‘много зарабатывать (не очень тяжёлой работой); гоняться за лёгким заработком’ [7, с. 186] В. Титов преобразует заменой в глагольной части: *зашибать*→*заколачивать*, прост. ‘зарабатывать деньги (обычно в большом количестве)’ [2, с. 251]. Использование глагола *заколачивать* изменяет значение общеупотребительного фразеологического выражения и его стилистическую окраску, устраняя неодобрительный оттенок (нетяжёлая работа, лёгкий заработок): – *В субботу, в воскресенье других уговаривают выйти на работу, а сам аж бегом, лишь бы деньги заколотить* [10, с. 73].

5. Замена компонента и расширение состава фразеологизма. Узуальное фразеологическое сочетание *вгонять в гроб* кого, прост. экспрес. ‘доводить до смерти кого-либо’ [11, с. 196] писатель трансформирует в глагольной части (*вгонять*→*класть*) и добавляет диалектное наречие *живком* ‘живьём’ [8, с. 151], что не только способствует воссозданию локального колорита, а делает более экспрессивной речь персонажа: – «А я в приимы уйду!» – «Сынок, – со страхом вздыхает мать. – **Живком в гроб не клади**» [10, с. 108].

Фразеологическое выражение *вынимать/ вынуть сердце* у кого, прост. ‘изводить, терзать, мучить кого-л.’ [7, с. 606] претерпевает значительные преобразования: произведена замена компонентов *сердце*→*полсердца*, *вынуть*→*вырвать*, и расширен состав фразеологизма существительным в форме родит. п. *из груди*: – *Женю с собой взяли. Полсердца из груди вырвали* [10, с. 148]. Замена узуального глагола на эмоционально окрашенный придаёт большую экспрессивность речи героини, а использование существительного со значением половины делает выражение менее гиперболизированным, но создаёт большую выразительность.

6. Замена компонента, расширение состава фразеологизма и грамматические изменения. Фразеологическую единицу *выкидывать фортель* ‘прибегать к какому-н. ловкому трюку, к неожиданной выходке’ исследователи выводят из немецкого слова *Vorteil* ‘уловка’, которое было техническим термином военного языка, а выражение *выкинуть фортель* употреблялось в значении ‘показывать какие-л. шутки, фокусы, ловкость, проворство’ [1, с. 596–597]. В художественном тексте глагольный компонент заменен семантически равноценным, но стилистически маркированным *выкидывать*→*выбрыкивать* (от *брыкаться*), состав выражения расширен местоимением *такой* и наречием *молчком*: – ...*Что же ты, Иван,*

говорю ему, *фортель такую молчком выбрыкиваешь?* [10, с. 147]. Помимо изменений компонентного состава, автор привносит грамматические изменения, используя форму жен. р. для существительного *фортель*, что придает ФЕ просторечную стилистическую окраску.

7. Грамматические трансформации. Фразеологизм *куда конь с копытом, туда и рак с клешнями*, иноск. 'о неподходящем' М. И. Михельсон связывает с вариантом басни «Лягушка и вол». Рассказывается, что ковали коня, а рак подставил свою клешню, чтобы и его подковали [6, с. 376]. В тексте повести писатель преобразовывает фразеологическую единицу, изменяя категорию числа имени существительного: – *Может, сама специфика нашего производства не требует этого, а мы – куда конь с копытами, туда и рак с клешнями* [10, с. 159].

Используя замену падежных форм, писатель трансформирует такие фразеологизмы: *бок о бок* 'совсем рядом, близко друг к другу' [11, с. 35]: *Первая неприятность случилась у самого входа в парк. Чинно расположив машины, бок к боку, они открыли было багажники, чтобы извлечь оттуда содержимое, когда к ним приблизился пожилой старшина милиции взял под козырёк...* [10, с. 152]; *по пальцам можно пересчитать (сосчитать) кого, что, разг. 'о небольшом количестве кого-л., чего-л.'* [11, с. 477]: – *Будто не можете на пальцах пересчитать подлецов, окопавшихся на нашем заводе* [10, с. 232]; – *С детства не люблю намёков, – отрубил Евгений. – И подлецов на пальцах считать не собираюсь* [10, с. 233].

Полагаем, что такие изменения служат для приближения повествования к широкому кругу читателей, а в речи персонажей они используются для придания ей большей выразительности.

Таким образом, применяя различные способы трансформации узуальных фразеологизмов, В. Титов создает яркие речевые характеристики своих героев, придает выразительность повествованию, фразеологические единицы используются для характеристики психологического состояния персонажей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с. – ISBN 5-288-02132-5; ISBN 5-7627-0103-4. – Текст: непосредственный.
2. Большой академический словарь русского языка в 30 т. / под. ред. К. С. Горбачевича, А. С. Гердта и др. – Т. 3. – СПб.: Наука, 2006. – 826 с. – ISBN 5-02-028491-2. – Текст: непосредственный.
3. Васильев, А. И. Фразеологический словарь языка М. А. Шолохова. Т. 1 / А. И. Васильев. – Sterlitaмаk: Фобос, 2015. – 420 с. – ISBN 978-5-94947-186-9. – Текст: непосредственный.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. – Текст: электронный. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/index.php (дата обращения: 18.10.2024).
5. Мигранова, Л. Ш. Фразеология романа «Анна Каренина» как фрагмент языковой картины мира Л. Н. Толстого : специальность 10.02.01 «Русский язык»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Мигранова Лилия Шатлыковна; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2010. – 26 с. – Место защиты: Башкирский государственный университет. – Текст: непосредственный.

6. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. – СПб.: Типография Акционерного общества «Брокгауз-Ефрон», 1912. – 1046 с. – Текст: непосредственный.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с. – ISBN 978-5-373-01386-4. – Текст: непосредственный.
8. Словарь русских народных говоров. – Вып. 9. – Л.: Наука. – 1972. – 362 с. – Текст: непосредственный.
9. Словарь русского языка : в 4-х т. – Текст: электронный / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 18.10.2024).
10. Титов, В. А. Грёзы старого парка // Титов, В. А. Грёзы старого парка : Повести / Сост. Р. П. Титова; Вступ. ст. М. Ф. Слабошпицкого. – К.: Рад. пысьмэннык, 1988. – С. 15–273. – ISBN-5-333-00087-5. – Текст: непосредственный.
11. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель : АСТ, 2008. – 878, [2] с. – ISBN 978-5-17-049014-1 (АСТ) (С.: BIBLIO); ISBN 978-5-271-19014-8 (Астрель). – Текст: непосредственный.
12. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. А. Н. Тихонова / Сост. : А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание : В 2 т. – Т. 2. – М.: Флинта : Наука, 2004. – 832 с. – ISBN 5-89349-476-8 (Флинта) ISBN 5-02-002975-0 (Наука). – Текст непосредственный.

УДК 82.02

*Л. В. Ельшова
г. Луганск*

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА

Жизнь и творчество писателя Владислава Андреевича Титова тесно связаны с нашим краем. Он давно стал одним из символов Луганщины, заслуженно поставлен в ряд личностей, которые определили суть понятия «донбасский характер».

В 1953 году, окончив среднюю школу, он приехал из Липецкой области России в Луганск, называвшийся тогда Ворошиловградом, учиться шахтерской профессии в горном техникуме. Здесь жизнь подарила ему судьбоносную встречу с девушкой Ритой, ставшей впоследствии его женой, и надежных – на всю жизнь – друзей.

Учебу, прерванную службой в армии, Владислав завершил в городе Боково-Антрацит, куда был переведен техникум. Направленный на работу в Донецкую область, он получил должность горного мастера на шахте Ханженково-Северная. Зарекомендовал себя как грамотный и ответственный специалист, принимал активное участие в жизни рабочего коллектива, шахтерского поселка. Планировал продолжить образование в вузе по своей специальности. Однако налаженный, счастливый ход жизни был в одночасье нарушен.

Предупреждая серьезную аварию на шахте, Владислав Титов был поражен током высокого напряжения, получил травму, которую медицинский опыт квалифицировал как не совместимую с жизнью. Но он выжил. Однако за спасение товарищей в шахте пришлось заплатить высокую цену – из больницы молодой двадцатипятилетний шахтер вышел без обеих рук. Глубокая, по плечи, ампутация не позволяла надеяться на рабочие протезы.

Владислав с женой возвращаются в Луганск. Ему назначена пенсия. Однако положение пенсионера по инвалидности не устраивало молодого человека с активной жизненной позицией.

С детства он был приучен к труду. Как рассказал в повести «Жизнь прожить...», ему пришлось заменить отца, ушедшего на фронт, и в девять лет он уже умел пахать землю, сеять, хлеб убирать, то есть делать то, что раньше ложилось на плечи взрослых мужчин. Теперь, лишенный возможности трудиться, бывший шахтер чувствует себя выбитым из седла [3, С.130]. «Самое трудное, – напишет он позже в своей первой повести, – это сознание собственной ненужности. Потерять руки, пережить кошмары операций – еще не самое страшное. Остаться за бортом жизни в расцвете сил, почувствовать свою ненужность обществу – вот самое жестокое испытание, которое может выпасть на долю человека» [2, С. 118-119].

Не хотелось быть обузой, и бывший шахтер стал искать себе занятие. «Я искал дело... Мне необходима была работа. Все равно какая, только бы с ней управиться, и чтобы она приносила пользу людям. Хотя бы самую малость...», – делился он с корреспондентом «Литературной газеты» Наумом Маром [1, С. 24].

Помог случай. Владислав много читал. Зажатый зубами карандаш, которым он переворачивал страницы, оставил след на бумаге. Подумалось, что так можно научиться писать. Большой силы воли, терпения потребовалось, чтобы освоить технику письма карандашом, зажатым зубами, но он с этим справился. Это позволило начать активный поиск своего нового места в жизни.

Школьником Владислав попробовал себя в поэтическом творчестве, в период службы выступил в армейской газете с заметками о жизни части. Вполне логичным выглядит его стремление связать свою жизнь с журналистикой. И бывший шахтер подает документы на факультет журналистики МГУ им. М. М. Ломоносова. Очень тактично секретарь отборочной комиссии дает понять, что профессия журналиста будет для него обременительной и советует выбрать философию или историю.

В. А. Титов выбирает философию, обучается он на условиях самообразования, университет оказывает методическую помощь. Однако мысли о литературной работе его не оставляли. Откликнувшись на просьбу журнала «В мире книг» к своим читателям, он пишет о своей домашней библиотеке, обращает на себя внимание редакции и получает новые задания. Появляются его публикации и в луганской газете «Молодая гвардия».

В повести «Жизнь прожить...» эти опыты он охарактеризует так: «...мне удалось написать и опубликовать несколько критических статей о вышедших в свет в ту пору книг различных авторов. Это были скорее аннотации, иногда попытка осмыслить проблемы и жизнь, затрагиваемые в произведениях».

Появилась уверенность в своих силах, и начинающий автор пробует себя в жанре короткого рассказа, приступает к занятиям по теории литературы и связывается с Литературным институтом им. М. Горького в Москве. По его просьбе, высланы программы вуза по всем отделениям. Все программы более чем добросовестно были проштудированы в течение нескольких лет. Появляются его публикации в добринской районной газете на родине.

В начале 1963 года в редакцию журнала «В мире книг» уходит отрывок из новой работы В. Титова, который произвел сильное впечатление на редактора отдела В. Погребного. Высказав ряд критических замечаний, редактор тем не менее настаивает: «И обязательно нужно написать задуманную повесть. Это выстрадано и пережито, и пока ее не сделаете, Вы не сможете написать что-нибудь другое».

Эта повесть станет известна широкому кругу читателей в 1967 году. Она выйдет в свет в первом номере журнала «Юность» под названием «Всем смертям назло...» и сразу будет

поставлена в ряд с такими известными произведениями, как роман Н. Островского «Как закалялась сталь» и «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого.

О том, что заставило автора повести поделиться с миром своим «выстрадавшимся и пережитым», он поведал корреспонденту «Литературной газеты» Н. Мару: «Я испытывал острую потребность рассказать парням и девушкам о судьбе их молодого современника-шахтера, попавшего в тяжелую беду. Пусть задумаются над его судьбой и, измерив свою жизнь, определяют в ней собственное место.

С чем была связана эта потребность – я тогда еще не понимал. Знал лишь, что надо рассказать всем вслух о том, что мы с Ритой пережили. Вслух и непременно всем, чтобы горе наше принесло кому-то пользу» [1, С. 25-26].

В повести «Жизнь прожить...» В. Титов называет и еще одну причину, заставившую взяться за перо – «изобразить бы, доказать всем – есть и в наше время настоящая любовь! Не может она измельчать или перевестись, пока жив человек!» [3, С. 131].

Побывав на грани между жизнью и смертью, пройдя тяжкий путь реабилитации и вновь встав в строй, нельзя не задуматься о главных вопросах бытия. О том, что такое есть жизнь, зачем человек приходит на эту землю, о вечной борьбе добра и зла много передумал и Владислав Титов. На эти вопросы он ищет ответ через призму пережитого им самим и опыта не одного поколения. Способствовали в этих поисках и его занятия философией.

Так что же такое жизнь в понимании В. Титова? Откроем повесть «Всем смертям назло...». Жизнь, по его убеждению, – прежде всего ценность, данная человеку, а вот как он распорядится ею, зависит уже только от него самого, от его жизненной позиции:

– Жизнь дорога каждому человеку. Каким бы он ни был. Жизнь – постоянная надежда на лучшее. Одни подразумевают под этим лучшим материальное состояние, другие – материальное удовлетворение, третьи, и их большинство, и то и другое. Разнит людей вопрос: что в их деятельности первично – моральное удовлетворение или материальное состояние. И из этого вытекает: одни любят жить, другие – жизнь. Одни говорят: я дышу – значит существую; другие: я приношу пользу людям, – значит, живу. Но умирать не хочется никому из них. Первый надеется пожить, второй – испытать гордую радость от сознания, что он нужен людям. Третьего не дано [2, С. 109].

Герой повести, как и ее автор, смысл жизни видит в труде: «В чем смысл жизни? Сколько копий поломано на этом вопросе! Смешно, как вспомню сейчас те дискуссии! О каком смысле может идти речь, если во главу угла не ставить труд. Будничный, повседневный, честный труд. Отбери у человека возможность трудиться – все блага жизни теряют смысл» [2, С. 119].

В повести «Жизнь прожить...» эти мысли писатель развивает, расширяет и поле своих размышлений о жизни и человеческих ценностях.

Шахтер Владислав Титов не искал виноватых в обстоятельствах, чьей жертвой стал он в шахте. Сама человеческая жизнь – это в известной мере постоянный, каждодневный риск, как замечает он на страницах повести. И стало быть требует от человека мужества. На вопрос, что такое мужество, Титов отвечает так – честное исполнение долга.

Честно исполнять свой долг нужно учиться с детских лет. Об этом писатель говорил десятиклассникам средней школы № 10 г. Чимкента в письме, которое приводит в повести: «Вы только вступаете в жизнь, учитесь преодолевать трудности. Сейчас у вас прекрасный, светлый период. Но и от него зависит, какими вы выйдете в большую жизнь – мужественными борцами или жалкими хлюпиками, трудолюбивыми, целеустремленными людьми или безвольными, жалкими приспособленцами. Если у тебя сегодня не хватило терпения выучить трудный урок, не достало настойчивости решить сложную задачу, то завтра ты можешь струсить в опасной ситуации (потому что это трудно), ты можешь пройти мимо человеческого страдания (потому что помочь – это тоже трудно), а потом ты можешь предать (потому что что-то не сделать легче, чем сделать). Человеческая жизнь складывается по

крупницам, как море из капелек. Не все приходит сразу, моментально, ни твердость характера, ни настойчивость, ни целеустремленность, ни мужество» [3, С. 147-148].

В юности нужно определиться, «делать жизнь с кого». А значит надо знать историю, литературу, собирать необходимый жизненный багаж, который поможет сделать правильный выбор в трудную минуту:

– Очень трудно в человеческой психике, даже в своей, все разложить по нумерованным полочкам. Вот там–то вспомнил Корчагина – стал мужественнее и победил, вот тут Матросова – и выстоял, вот здесь декабристов – и стал смелее, потом молодогвардейцев – решительней, потом революционеров – и стал убежденней и настойчивее. Ни одно из этих качеств, даже малая толика его, не приходит в один миг, по принципу – вспомнил, пришло. Все это впитывается в нашу плоть и кровь с годами. И если по-настоящему впиталось, то не лежит на поверхности, а сидит где-то глубже и проявляется тоже не демонстративно, а исподволь, но решительно и сильно. Ведь фраза «безвыходных положений не бывает» не пришла сама собой, не явилась от умозрительных упражнений. Она выведена опытом, и если ты веришь в нее, то видишь за ней жизнь многочисленных людей, в тебе сидят яркие примеры, и не просто сидят, а стали твоим убеждением, твоим кредо [3, С. 270].

Характер человека, его взгляды и чувства не складываются вне времени и общества – убежден В. Титов. Изначальные элементы воли человека, его эмоций, симпатий и антипатий – категории мировоззренческого характера – кристаллизуются на родной почве. Здесь, на уровне рода происходит передача эстафеты от одного поколения другому. «Когда сыну становится трудно, он приходит к отцу, – рассуждает писатель. – ...Человек идет к своей изначальности, к земле своей, где рос, и у нее берет те силы, которых недостает ему. Исподволь является сила. Здесь жили мои деды и прадеды, эту землю они лелеяли и защищали, поливали кровью и потом и нам завещали стоять на ней гордыми и сильными. Без Родины человек ничто, без нее он слаб. Человек может недопонимать историю своих отцов, но знать ее он обязан. Сын всегда обязан знать все о своем отце, только тогда не прервется эстафета человеческого добра и мужества... Жизнь наших отцов и дедов – яркий пример беззаветного служения земле, народу, Родине. Мы даже в минуты отчаяния не имеем права на слабость и малодушие, если мы хотим быть достойными продолжателями их дел» [3, С. 272].

Непременным условием активной жизни считает писатель участие в делах современности. Сам он обладал острым ощущением своего времени, которое охарактеризовал в повести «Жизнь прожить...» как беспокойное, ищущее, созидательное. «Гордо сознавать себя не бездеятельным наблюдателем его, а участником», – признавался он в цитируемом выше его письме старшеклассникам. Не раз приходилось наблюдать ему молодых прожигателей жизни, и он сетует по этому поводу: «...неужели дела себе не найдут! Ведь пролетит жизнь в этом полупохмельном, блатном гитарном бренчании, и оглянуться не успеют. А одумаются, оглянутся – поздно будет. Ничего ведь сзади не останется, никакого следа. Стыдно им станет. Больно станет. Муторно станет» [3, С. 131-132].

Человек несет ответственность за свою жизнь не только перед собой, но и перед всем миром, и очень важно осознать это как можно раньше. «К каждому подступит тот срок, – пишет В. Титов, – когда человек спрашивает у самого себя: зачем явился на эту Землю? Что оставил после себя? Добро? Зло? Любовь? Ненависть?». Писатель сознает, что жизнь соткана из противоречий, но убежден: «...на Земле ведь бессмертно только Добро, только Любовь. Зло тоже живет, но оно умирает сразу же, как только умирает породивший его» [3, С. 132]. В беседе с внуком Л. Н. Толстого Сергеем Николаевичем он вновь возвращается к этой теме: «...что ж, зло, оно есть и, наверное, еще долго будет... Но чем больше каждый из нас сделает добра, тем меньше останется зла» [3, С. 289].

А что же есть Добро? Во главу этого понятия Владислав Титов и как человек, и как писатель ставит любовь к людям и глубинное, подлинно народное целомудрие, которое

между прочих ценностей диктует и отношение к жизни как к бесценному дару. «Люди, любите жизнь!», - это он хотел крикнуть миру, еще только вынашивая в мыслях свою первую книгу. После выхода книги в свет, на пресс-конференции осенью 1967 года, о которой он вспоминает в повести «Жизнь прожить...», его спросили, что он в жизни больше всего любит. «Знаете..., – прозвучал ответ, – вот когда встанешь рано утром, подойдешь к раскрытому окну... город в дымке и розовое небо на востоке. Через минуту встанет солнце, заискрится в листьях роса... Или в поле... Вы когда-нибудь ходили босиком по теплым, мягким зеленым? И знаете, когда подумаешь о том, что вполне могла бы уже в пояс зарости могила бурьяном, то...» [3, С. 276].

Да, он смотрел смерти в лицо. Преодолев судьбу неимоверными усилиями ума, души, воли, он получил право громко заявить: «Для жизни смерти нет. Жизнь бессмертна. Только когда человек за свою жизнь не сделает ничего хорошего, не совершит доброго дела, он умирает. Самой настоящей, самой страшной смертью.

Человек, не украсивший землю своим трудом, навсегда уходит в небытие, ибо после него ничего не остается, что жило бы в делах и памяти потомков» [2, С. 120-121].

Эту веру в вечное и неистребимое течение жизни, в ее торжество Владислав Титов сохранил до конца своих дней. Это не означает, что он не думал о смерти, как неизбежности в жизни каждого человека, но принимал эту реальность со спокойствием и мудростью человека, честно прожившего свой век, выполнившего свое предназначение. Эти думы он доверил герою своей последней повести «Грезы старого парка» Селивану.

Старый, отживающий свой век человек, осенней порой в городском парке задается вопросом, зачем дереву так много семян. «Для потомства, – размышляет он, – хватит и одного такого красавца. А остальные?.. Остальные как благодарность земле и солнцу за подаренную жизнь» [4, С. 95].

Любуясь красотой дуба, погладив шершавую кору его, потрогав лист, Селиван пошел дальше, глубоко задумавшись.

Старик любил осень, в ней он постоянно находил созвучие своим чувствам и мыслям, особенно в последние годы. «Как ни странно, осень не навевала в душу грусть, – описывает В. Титов его чувства, – наоборот, ему казалось, что в природе произошло повзросление, она обрела мужество жизни, дошла до понятия ее смысла, стала едина в своей мудрой красоте и всепонимании.

Старику становилось легче жить, дышать, думать. Уходили мысли о приближении смерти, а если и появлялись, то были не такими страшными, как вьюжной зимой или буйно суетящейся весной, когда появлялась броская пышность и не было спокойного постоянства и определенности».

К ногам Селивана лег лист дуба, и, глядя на этот лист, зубчатый, с палым налетом по зелени, напоминающий потускневший изумруд, окаймленный червленым золотом, старик сам находит ответ на волнующий его вопрос.

«Нет! – твердо сказал Селиван, словно с кем-то споря. – Он благодарен родителю и уступает место другим. Он погибнет, сгниет под снегом, но на его место придут другие. Это будет продолжаться бесконечно. Живая мудрость, напоминающая человеку, что жизнь конечна и ей нет конца» [4, С.95].

«Жизнь прожить – не поле перейти» – эту народную мудрость писатель проверил на себе, осмыслил и поделился с нами. Откройте его книги – и вы получите заряд силы. Силы жить наперекор ударам судьбы, силы любить жизнь во всех ее проявлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мар Н. Когда отступает смерть / Наум Мар. – Москва: Знание, 1968. – 64 с. – 46 700 экз. – Текст: непосредственный.

2. Титов В.А. Всем смертям назло... // Жизнь прожить... Повесть. Предисл. Б. Полевого / В.А. Титов. – Москва: Молодая гвардия, 1975. – С. 9-124. – 100 000 экз. – Текст: непосредственный

3. Титов В. А. Жизнь прожить. Как бы исповедь? / Жизнь прожить... Повесть. Предисл. Б. Полевого / В. А. Титов. – Москва: Молодая гвардия, 1975. – С. 125-301. – 100 000 экз. – Текст: непосредственный.

4. Титов В.А. Грезы старого парка. // В. А. Титов. Грезы старого парка. Повести / Сост. Р.П. Титова; Вступ. ст. М.Ф. Слабошпицкого / В.А. Титов. – Киев: Радянський письменник, 1988. – С. 9-124. – 50 000 экз. – ISBN -5-333-00087-5. – Текст: непосредственный.

УДК 821.161.1-32

*И.П. Зайцева
г. Луганск*

ЦЕННОСТНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОДНОЙ ИЗ РЕАЛИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ (на материале повести В. А. Титова «Грёзы старого парка»)

Художественная литература, будучи одним из видов искусства – искусством художественной словесности, – играет в жизни человека весьма важную роль, связанную как с осмыслением окружающей его *внешней действительности*, так и с постижением уникальности *внутреннего мира* каждой личности. Это наделяет литературно-художественные произведения многообразием различных качеств, изучение которых сосредоточивается в рамках отдельных исследовательских аспектов. В. Е. Хализев среди основных аспектов литературно-художественной тематики выделяет *антропологический*, необыкновенно богатый и неизменно значимый, по его мнению. Этот аспект включает образно-ценностное осмысление «собственно духовных начал человеческого бытия с их антиномиями (отчуждённость и причастность, гордыня и смирение, готовность созидать или разрушать, греховность и праведность и т. п.); во-вторых, сферу инстинктов, связанную с душевно-телесными устремлениями человека ...; в-третьих, то в людях, что определяется их полом ...; и, наконец, в четвёртых, это надэпохальные ситуации человеческой жизни, исторически устойчивые формы существования людей (труд и досуг, будни и праздники; мирная жизнь и войны либо революции; жизнь в своём доме и пребывание на чужбине либо странствия; гражданская деятельность и частная жизнь и т. п.)» [12, с. 86]. Не менее значимым является и *культурно-исторический* аспект литературно-художественной тематики, поскольку «**наряду с универсалиями вселенского, природного и человеческого бытия (и в неразрывной связи с ними)** искусство и литература неизменно запечатлевают культурно-историческую реальность в её многообразии и богатстве» (выделено мною. – И. З.) [12, с. 87].

При практически неисчерпаемости многообразия отражаемых в литературно-художественных произведениях фактов и процессов культурно-исторического характера очевидно, что исследования, интерпретирующие обозначенные феномены, почти всегда являются *актуальными*, так как в каждом конкретном случае, помимо фиксации последних, передают и *своеобразие* (а нередко – и *уникальность*) мировидения и мироощущения художника слова – автора произведения художественной литературы.

Писатель, запечатлевающий в своих произведениях современную ему действительность, непременно – в большей или меньшей – степени отражает и *социально-культурный контекст* описываемого времени, поскольку художественная литература представляет собой «род дискурсивной практики и формируемую этой практикой особую

область культуры: сферу писательского творчества, т. е. письменной речевой деятельности (порождение текста), являющуюся одновременно и деятельностью эстетической (формирование эстетического объекта)» [10, с. 115]. *Дискурсивная же практика*, иногда определяемая синонимичным термином *дискурсия*, наряду с собственно высказываниями по тому или иному поводу непременно предполагает и учёт обрамляющего эти высказывания дискурсивного контекста: экстралингвистических факторов различного характера, повлиявших на формирование и функционирование этих высказываний, на их взаимодействие последних и т. п., что – при некоторой неоднозначности отношения исследователей к трактовке данного понятия – отмечается во всех определениях дискурсивных его практик. Так, например, в определении, помещённом в «Новейшем философском словаре», находим: «ДИСКУРСИЯ, дискурс (франц. discours – речь) – в широком смысле слова представляет собой сложное **единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста**, т. е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения» (выделено мною. – И. З.) [3, с. 332].

Владислав Андреевич Титов – русский советский писатель, творчество которого относится ко второй половине минувшего столетия (ушёл из жизни в 1987 году), в своих произведениях изображает преимущественно современную ему действительность. Изображаемое нередко сопровождается *экскурсами в прошлое* – как, например, в повести «Ковыль – трава степная», где главный герой, взрослый мужчина Евгений Кудряшов, постоянно возвращается в своих мыслях к собственному детству, подростковому периоду, юности и т. п., осознавая, что многое происходящее с ним сегодня «корнями» уходит именно в те далёкие и не очень годы.

Произведения этого писателя для сегодняшнего читателя представляют безусловный интерес с культурно-исторической точки зрения – именно потому, что при изображении многих явлений, в том числе и уже ушедших либо уходящих (по причинам научно-технического прогресса и иным), они осмысливаются автором на пересечении *разных* точек зрения, *различных* вариантов восприятия; при этом читатель, в основном, не замечает какого-либо авторского «давления» на формирующееся у него мнения по тому или иному поводу – это, собственно, является одним из показателей мастерства писателя.

Стремление Владислава Титова организовывать в своих произведениях повествование таким образом, чтобы читатель, определяясь с собственным отношением к прочитанному, не чувствовал при этом никакого авторского принуждения, отмечали и критики его литературного творчества. М. Ф. Слабошпицкий в предисловии под названием «Нравственные твердыни человека» к сборнику произведений В. А. Титова «Грёзы старого парка» рассуждает об этом так: «Характерно, что Владислава Титова интересовали не только вопросы того, о чём писать, зачем писать, но и (как каждого серьёзного профессионала) как писать. **С первых же литературных опытов он искал созвучные содержанию формы, пройдя от исповедально-публицистических повестей до произведений с тщательно объективированной манерой изложения, в которой автора не видно и не слышно, он как бы начистую отсутствует** («В родной земле корням теплее»). Читателю кажется, что он попадает в водоворот кипящей жизни, не загоняемой в литературные схемы и не эстетизированной» (выделено мною. – И. З.) [4, с. 14].

Такого рода подход реализуется автором не только при создании образов персонажей, но и при изображении *социокультурного контекста*, в котором разворачиваются описываемые в произведении события, априори связанных с социальными и культурными факторами, которые влияют на коммуникацию. Социокультурный контекст понимают как среду, отличающуюся дискурсивностью в широком смысле. При этом «социокультурную реальность невозможно построить и описать без языка и понимания, потому что она

порождается в познании, общении и дискурсивных практиках. В человеческой коммуникации дискурс не сводится только к текстуальному содержанию того, что говорится и пишется или к вербальной стороне общения: он включает экстралингвистические, прагматические, социокультурные компоненты» [2, с. 23].

В то же время многие элементы социокультурной реальности, запечатлённой в литературно-художественном произведении, функционируют в прозаическом повествовании и как носители сформировавшихся у участников изображаемого дискурса представлений о них, закрепившейся за ними символики и иных *ценностных* и /или *ценностно-образных* характеристик.

Цель настоящей публикации – выявление ценностно-образных смыслов, сформированных в авторском повествовании у обозначения одной из распространённых реалий описываемого социокультурного контекста – позднего периода существования советской действительности (70–80-х годов советского времени).

Материал и методы. Материалом в данном случае послужил текст одной из новелл повести В. А. Титова «Грёзы старого парка» – новеллы «Телефон-автомат» [8, с. 129–148]. При проведении исследования, помимо общенаучных методов (наблюдения, систематизации и сопоставления), использовались: метод контекстологического анализа, метод лингвокультурологического анализа и интерпретационный метод.

Результаты и их обсуждение. Произведение В. А. Титова «Грёзы старого парка» по жанру представляет собой состоящую из нескольких новелл *лирико-психологическую повесть*. Этот жанр отличает «смысловая и образная насыщенность и многомерность, усложнённость тропов и суггестивность. Явления, факты действительности излагаются не в естественной их последовательности, а «излучаются» в порядке их осмысления, душевного освоения, воспоминания, непосредственного созерцания, предположения, обобщения, по принципу ассоциации и аналогии». В то же время этот жанр отличается и некоторыми признаками эпичности – «присутствием ... сюжета (в ослабленной, редуцированной форме), фокусировкой внимания на объёмности характера (прежде всего главного героя) и всесторонним его раскрытием, привнесением и осмыслением социальных связей, системой мотивировок, а также установкой на познание мира – с помощью индивидуального сознания» [7, с. 450].

Рассматриваемому произведению В. А. Титова свойственны практически все из характеристик, перечисленных в довольно развёрнутом описании данного жанра, принадлежащем О. В. Соболевской, фрагмент из которого приведён выше. И все они так или иначе присутствуют в осмыслении элементов социокультурного контекста, изображённого в повести. Одним из таких элементов является номинация *телефон-автомат*, послужившая и названием одной из новелл, чем подчёркивается помещение этой реалии в центр авторского внимания.

В толковых словарях XX и XXI веков данная номинация получила лексикографическое осмысление в качестве элемента системы русского языка. Насколько нам удалось установить, впервые она была зафиксирована в словарной статье «Телефон» академического «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах, известного как БАС (соответствующий том выпущен в 1963 году): «**ТЕЛЕФОН** ... 3. <> Т е л е ф о н -автомат. Автоматический телефонный аппарат общего пользования для разговора за определённую плату. [Серёжа] *мог набрать номер по телефону-автомату, различал теплоходы по контурам*. Павлен. Степн. Солнце, 6. [Юлька] *по телефону-автомату позвонила домой. Подошла Лариса. Юлька сказала ей, что всё хорошо, пятёрка, чтобы она передала домашним*. Панова, Времена года, II, 7» [6, стб. 219].

Сходное описание содержащегося в данной номинации смысла – как аппарата для связи – помещено во втором издании «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, известного также как МАС; в этом случае значение толкуется через обращение к понятию

таксофон (соответствующий том выпущен в 1984 году): «**ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ**, То же, что таксофон» [5, с. 348]; «**ТАКСОФОН** ... Телефонный аппарат общего пользования, в котором соединение с вызываемым абонентом происходит после опускания монеты или специального жетона, телефон-автомат» [5, с. 335]. Примечательно, что в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н. Ю. Шведовой (издание 2011 года) значение интересующей нас номинации толкуется аналогичным образом: «**ТЕЛЕФОН** ... 2. Аппарат для передачи информации таким способом. *Телефон-автомат* (таксофон)» [9, с. 975].

И лишь в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (издание 2000 года) отмечено ещё одно значение данной номинации, сформировавшееся в процессе её функционирования на основе значения первичного (в данном случае можно, по нашему мнению, говорить о языковой *синеκдохе* – как разновидности языковой *метонимии*): «**ТЕЛЕФОН-АВТОМАТ** ... 1. Телефонный аппарат общего пользования, в котором соединение с вызываемым абонентом происходит после опускания монеты, жетона или с помощью магнитной карты; таксофон. *Междугородный, внутригородской телефон-автомат*. 2. Будка с установленным в ней таким аппаратом. *Зайти в телефон-автомат. Позвонить из телефона-автомата. Забыть сумку в телефоне-автомате*» [1, с. 1312].

Начало новеллы «Телефон-автомат» в повести В. А. Титова «Грёзы старого парка» не оставляет у читателя сомнений в том, что для писателя при осмыслении изображаемого социокультурного контекста актуальны оба значения введённой в художественное прозаическое повествование номинации; при этом начало новеллы свидетельствует о превалировании на данном участке текста второго из них:

«Будка телефона-автомата примостилась неподалёку от кирпичного навильона, где с утра до вечера щёлкали бильiardные шары и тихо потели за шахматными столиками убелённые сединой и обременённые житейским опытом пенсионеры и задиристые, взъерошенные юнцы. Краска на будке изрядно облупилась, и в разных местах была разной, так что определить её многослойный цвет вряд ли кто бы взялся.

Но не это удивляло. Мало ли что происходит круглый год под открытым небом. И дождь, и снег, и жара, и холод... Удивительным было то, что все оконца в будке, включая и узенькую застеклённую дверь, были целы-целехоньки, а телефон-автомат будто только что поставили, правда, чёрный кабель, соединяющий трубку с аппаратом, был густо обвит выдавшей виды поржавевшей цепью.

Телефонных будок в парке было много, но вот такой, с исправным аппаратом, а главное, с трубкой, в которую можно было говорить и слушать, был единственным. И старый клён, что прикрывал от летнего солнца южный бок будки, тоже был не таким, как все клёны в парке, а какой-то поджарый и жилистый, непонятно почему вытянувшийся тонким стволом слишком высоко и наклонённый к крыше странной, витой ветвью, похожей на шею неуклюжего гусака, обросшую толстой, но чересчур густой щетиной.

Когда случался сильный дождь, то вода, стекая по этой шее, дробно стучала по железной крыше, и тогда казалось, что клён просится в будку, то ли желая спрятаться от непогоды, то ли намереваясь позвонить кому-то по очень срочному и важному делу» (выделено мною. – И. З.) [8, с. 129].

В приведённом фрагменте основным описываемым объектом является, безусловно, именно **телефонная будка**, которую часто называют **телефоном-автоматом**: конкретизирующих именно это значение контекстуальных элементов (слов, словосочетаний) в приведённом фрагменте текста около 10, тогда как о телефоне-автомате как об устройстве для передачи связи в нём упоминается лишь дважды. При этом характер изображения объекта позволяет представить его во всех подробностях, очень зримо: в описании упоминаются оконца, застеклённая дверь, железная крыша будки, её бок – причём часто с

введением в повествование оценочных элементов: дверь – узенькая; оконца и дверь – целы-целёхоньки и т. п.

Столь детальное описание будки телефонного автомата настраивает адресата-читателя на ожидание продолжения этой истории – тем более что существование будки телефона-автомата и всякого рода изменения в нём тесно увязаны с образом олицетворённого клёна, который и *прикрывает* будку телефона-автомата *от летнего солнца*, и *просится спрятать его от непогоды* (а возможно – *желает при этом позвонить* «кому-то по очень срочному и важному делу»). И действительно, через несколько страниц эти ожидания оправдываются: будка телефона-автомата фигурирует в художественном прозаическом повествовании уже как элемент социокультурного контекста, наделённый при этом не только образной и отчасти оценочной семантикой, но и определённой символикой, которая сформирована в процессе её пребывания в старом парке в течение долгого времени. Однако такое осмысление описываемой реальности воплощается в том социокультурном окружении, которое ограничивается представлениями довольно небольшой группы людей – тех, кто в изображаемое время живёт в городе, где есть парк, в котором и находится конкретная будка телефона-автомата, играющая в жизни этого микросоциума довольно существенную роль, о чём будет подробнее сказано позже.

Для контекста, охватывающего значительно большее по объёму социокультурное пространство – существовавшую в период написания произведения страну – Советский Союз, – более актуально представление о телефоне-автомате как о техническом устройстве, размещённом чаще всего в соответствующем строении (будке), с помощью которого, так же, как со стационарного телефона в квартире или учреждении, связаться с кем- или чем-либо. И это представление ожидаемо находит отражение в повести «Грёзы старого парка – в качестве фиксации действий введённых в повествование эпизодических персонажей, которые подходили к будке телефона-автомата, направлялись к ней, заходили в неё и т. п. и / или пользовались находящимся в ней устройством именно с целью установления связи. С этой же целью не раз заходит в будку телефона-автомата Ярослав, главный герой новеллы беспокоящийся о заболевшем маленьком сыне. Это подтверждают приводимые далее фрагменты:

«К телефонной будке с коричневым «дипломатом» в руке быстрым шагом приближалась женщина. ... женщина хлопнула дверкой и скрылась в будке телефона-автомата. буке, включая и главного героя новеллы Ярослава,

Сквозь чащобу теней от деревьев плеснуло солнце, парк просветлел и ожил. Ярослав вышел на улицу, достал сигарету, тщательно размял её в пальцах и, чиркнув спичкой, зашагал к телефонной будке» [8, с. 131–132];

«Пелена дождя рассеивалась, на окошко оседали маленькие капли, будто утренняя роса. Деревья воспрянули, тянулись листвою к небу, словно не напились вдоволь влаги и просили ещё. К телефонной будке споро шёл мужчина с портфелем, и влюблённая парочка выпорхнула наружу, как перепуганные скворцы из скворечника» [8, с. 137];

«Набрав номер телефона, Ярослав уже сам намеревался повесить трубку, если только послышится голос тестя. Но на звонок ответила тёща. Он не ожидал этого и на миг растерялся» (во всех выделено мною. – И. З.) [8, с. 145].

Однако, конечно же, с собственно интригой этой, явно лирико-психологической, новеллы связано в первую очередь представление, сформировавшееся именно об уличной кабине телефона-автомата: эта реальность постоянно возникает в сознании Ярослава по разным поводам, вызывая в его памяти и картины из счастливого прошлого, и раздумья другого характера – как правило, куда менее позитивные. Это будку телефона-автомата они с любимой девушкой, затем ставшей его женой, Валентиной, привыкли считать *своей*, о чём оба не забыли и в период разлада – именно этот момент в жизни супружеской пары запечатлён в произведении В. А. Титовым; ср., например:

«Они, находясь на противоположных концах телефонного провода, молчали и не опускали трубок.

– Ты любишь меня? – как-то невзначай сорвалось с его губ.

– Ты откуда звонишь? – упавшим голосом размягчённо спросила она.

– Из парка.

– Из телефона-автомата?

– Да, – ответил он.

– Из нашего?

– Да.

– Как там?.. Нет, не то я хотела сказать. – Она вдруг всхлинула и, вероятно, закрыла микрофон ладонью» (выделено мною. – И. З.) [8, с 133–134].

Это, глубоко личностное и, судя по контексту, весьма эмоциональное, осмысление совершенно обычной для жизненного уклада того времени реалии – будки телефона-автомата – становится в новелле ведущим смысловым пластом, служащим фоном для изображения внутреннего мира главного героя Ярослава, любых движений и трансформаций в его душевном состоянии – как откликов на происходящее с ним во время изображаемых событий, так и на постоянные воспоминания о прошлом.

Для словесного оформления движений души этого героя, изменений под влиянием происходящего в его психике и иных особенностей внутреннего облика Ярослава автор использует систему оригинальных, в большинстве своём с явным индивидуальным оттенком, средств и способов, которые, с нашей точки зрения, заслуживают отдельного рассмотрения.

Заключение. Подводя итог проведённым наблюдениям (безусловно, ни в коей мере не претендующих на исчерпанность), отметим, что они всецело подтверждают мнение В. Е. Хализева о том, что «наряду с универсалиями вселенского, природного и человеческого бытия (и в неразрывной связи с ними) искусство и литература неизменно запечатлевают культурно-историческую реальность в её многоплановости и богатстве. Человечество едино, но это не однородная глыба, не монолит. Бытию людей присуща пространственно-временная разнокачественность, которая (как и универсалии) неизменно преломляется в произведениях искусства» (выделено мною. – И. З.) [12, с. 87].

Думается, что лирико-психологическая повесть В. А. Титова «Грёзы старого парка» наглядно демонстрирует, насколько широк диапазон способов и приёмов авторского осмысления пространственно-временной разнокачественности человеческого бытия в художественной прозе. Немаловажно заметить при этом, что критики обращали внимание на совершенствование от произведения к произведению писательской манеры В. А. Титова как художника слова. Так, во вступительной статье к повести «Грёзы старого парка» М. Ф. Слабошпицкий говорит об этом следующим образом: «В «Грёзах старого парка» был уже новый Владислав Титов. Такая проза – для него экспериментальная. В ней автор искал для себя новое художественное качество. Возможно, начиналась принципиально новая страница прозы Владислава Титова» [4, с. 14].

Остаётся лишь сожалеть о том, что повесть «Грёзы старого парка», состоящая из оригинальных и по форме, и по содержанию новелл, стала последним из созданных этим, безусловно талантливым автором, произведений...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Знаков, В. В. Психология понимания мира человека / В. В. Знаков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. – 488 с.
3. Новейший философский словарь: 2-е изд., перераб. и дополн. – Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – С. 332–333.

4. Слабошпицкий, М. Ф. Нравственные твердыни человека / М. Ф. Слабошпицкий // Титов, В. А. Грёзы старого парка : Повести / В.А.Титов. - К.: Рад. письменник, 1988. – С. 5–14.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз., под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. 4. С–Я. – М.: Русский язык, 1984. – 794 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. – Т. XV. –Т. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 1286 стб.
7. Соболевская, О. В. Лирическая проза / О. В. Соболевская // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А. Н. Николюкин.. – Минск: Интелвак, 2001. – Стб. 450–452.
8. Титов, В. А. Грёзы старого парка / В. А. Титов // Титов, В. А. Грёзы старого парка : Повести / Сост. Р. П. Титова; Вступ. ст. М. Ф. Слабошпицкого. – К.: Рад. письменник, 1988. – С. 16–273.
9. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
10. Тюпа, В.И. Дискурс / В.И. Тюпа // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко]. – М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 60.
11. Тюпа, В.И. Литература художественная / В. И. Тюпа // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тamarченко]. – М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 115–117.
12. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В. Е. Хализев. – 6-е изд. испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 432 с.

УДК 821.161.1-31:81'23:155.955

*К. А. Захарченко,
С. А. Кузнецова,
А. В. Рыбак*
Научный руководитель –
И. П. Зайцева
г. Луганск

**ВНУТРЕННЯЯ РЕЧЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПАРАМЕТР СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ
ПЕРСОНАЖЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА
(на материале повести «Ковыль – трава степная»)**

Своеобразие *языка произведений художественной литературы*, или *художественной речи*, в принципе представляющего собой уникальное явление, большинство исследователей выявляют в сопоставлении его с языком, используемым преимущественно в практических целях (в первую очередь – для передачи какой-либо информации), т. е. с *речью нехудожественной*. Так, например, известный лингвист Ю. С. Степанов в словарной статье «Язык художественной литературы», помещённой во втором издании энциклопедии «Русский язык», первое из двух приводимых значений этого понятия определяет так: «1) язык, на котором создаются художественные произведения (его лексикон, грамматика, фонетика), иногда, в некоторых обществах, совершенно отличный от повседневного, обиходного («практического») языка» [6, с. 666]. Как известно, словесно-художественные произведения относятся к одному из литературных родов: традиционно это *эпос, лирика и драма*, хотя ряд исследователей обосновывают положение о существовании

ещё одного литературного рода – *киносценария*, а также выделяют произведения, не соответствующие параметрам ни одного из существующих литературных родов.

Словесно-художественное прозаическое произведение, с точки зрения последних достижений научного знания (см., например, работы А. И. Горшкова [3], Н. А. Кожевниковой [4] и других исследователей), представляет собой структуру, в рамках которой взаимодействует несколько *композиционно-речевых зон*. Основными из этих композиционно-речевых структур в художественной прозе являются зона *автора*, зона *рассказчика* (*автора-рассказчика*) и зона *персонажей* (где речь разграничивается как минимум на *внешнюю* и *внутреннюю*), а также *несобственно-прямая* (*несобственно-авторская*) речь, где речь автора (автора-рассказчика) и персонажей находятся во взаимодействии. Внутри всех перечисленных композиционных коммуникативно-речевых образований – в зависимости от типов и форм речи, реализуемых в каждом конкретном случае, – выделяются менее объёмные композиционно-речевые фрагменты (например, речь *диалогическая* и *монологическая*). Исследование этих композиционно-речевых структур представляет **актуальную** для стилистики художественной речи проблему, поскольку, во-первых, в творчестве каждого талантливого писателя их воплощение, как правило, отличается индивидуально-стилистическим своеобразием; во-вторых – непосредственным образом соотносится с воплощением в литературном произведении концептуально-эстетической позиции автора.

Одним из коммуникативно-речевых позиционирований как персонажа, так и автора в прозаическом произведении является ***внутренняя речь*** – феномен, у которого исследователи выделяют несколько ипостасей, на характеристике основных из которых остановимся подробнее. Внутренняя речь – это, во-первых, «планирование и контроль «в уме» речевых действий. В этом смысле внутренняя речь близка мышлению и может рассматриваться как одна из форм его реализации» [5, с. 71]. Во-вторых, внутренняя речь – это «внутреннее проговаривание – беззвучная речь «про себя», выполняющая те же функции планирования и контроля и возникающая в определённых ситуациях деятельности (особенно при затруднениях в принятии решений, в условиях помех и т. п.)» [5, с. 71].

Цель данной публикации – выявление и систематизация конструкций, заключающих внутреннюю речь главного героя повести В. А. Титова «Ковыль – трава степная» с последующей их интерпретацией в аспекте их роли в раскрытии психологического облика персонажа.

Материал и методы исследования. Материалом в данном случае послужил текст одной из глав повести В. А. Титова «Ковыль – трава степная» – начальной главы произведения под названием «Волчий лог».

В ходе проведения исследования использовались как ***общенаучные*** методы: *наблюдения, сопоставления, систематизации и обобщения*; а также ***специальные филологические*** методы – *композиционный, метод контекстуального анализа и интерпретационный* метод.

Результаты и их обсуждение. Уже по приведённым выше формулировкам внутренней речи можно судить о том, что процесс коммуникации такого рода самым тесным образом связан с мыслительной деятельностью человека, с процессами, протекающими в его сознании. Это подтверждается наблюдениями психологов, которые, в частности, отмечают: «Посредством внутренней речи происходит логическая переработка сенсорных данных, их осознание и понимание в определённой системе понятий, даются самоинструкции при выполнении произвольных действий, **осуществляется самоанализ и самооценка своих поступков и переживаний**. Всё это делает внутреннюю речь весьма важным и универсальным механизмом умственной деятельности и сознания человека» (выделено нами. – К. З., С. К. и А. Р.) [1, с. 69].

Именно поэтому конструкции, в которые заключается внутренняя речь персонажей, оказываются весьма выразительным средством создания *психологического портрета* последних, передачи их эмоционального состояния в отдельные моменты жизни и т. п.

В. А. Титов, как показывает обращение к его произведениям, не только активно пользуется этим приёмом, но и, как представляется, проявляет при этом заметное писательское мастерство, раскрывая мир персонажей его произведений через посредство их внутренних монологов, небольших реплик, иногда мысленных размышлений героев повестей и рассказов с самими собой и т. п.

Конструкции с внутренней речью являются важным средством характеристики **Евгения Кудряшова**, главного героя повести «Ковыль – трава степная» [6], которого автор изображает в непростой период его жизни – в период, когда он многое переосмысливает, принимает важные для себя решения. Это отражено во многих его высказываниях, имеющих форму внутренней речи, обилие которых свидетельствует о практически постоянном его внутреннем напряжении, находящем выражение и в постоянных размышлениях.

Приведём ряд наиболее показательных, с нашей точки зрения, конструкций, в которые заключена внутренняя речь Евгения Кудряшова. Бóльшая часть размышлений этого персонажа связана с его разладом с женой – настолько значительным, что он подумывает о разводе:

1) *«Маме как-нибудь объясню. Она поймёт. Она всегда меня понимала. Успокоюсь, а там видно будет. А как же дочь? Неужели вот так, разойдёмся в разные стороны, как чужие?»* [с. 115]⁵;

2) *«Сам без отца вырос и девчонку сиротишь», – скажет мама. «Людочка сирота... Почему сирота? Что ж я, умер, что ли? Буду проведывать, письма писать... Без отца...»* (с. 116);

3) *«Без отца... А если и Наташа так же скажет моей дочери? Но ведь я живой, и я её отец. И Иван Ильич живой, и он мой отец. Но ведь у них совсем другое. Мать с ним не жила вместе. В их жизни война была... Вот я и оправдание нашёл. Сам себя оправдал. А Людочка какое оправдание найдёт? Захочет ли искать? И нужно ли будет ей оправдывать меня? Может, просто решит: нет его – и привет! Паутина какая-то... Без отца... Что ж я, убит, похоронен?»* (с. 116).

Исследователи отмечают, что функционирующие в словесно-художественных структурах конструкции с внутренней речью обычно отличаются особым «рисунком» словесного пространства, который непосредственно участвует в выражении содержащегося в литературных произведениях смысла. Этот рисунок создаётся в результате использования автором определённых выразительно-изобразительных средств и способов организации словесного материала – *стилистических фигур*. В приведённых примерах обращает на себя внимание активное использование вопросов, которые в основном *адресуются* Евгением *самому себе*, т. е. в значительной степени *риторических*, сообщение в которых всегда бывает связано «с выражением различных эмоционально-экспрессивных значений. Их основой является то, что **риторический вопрос возникает всегда в условиях противодействия как эмоциональная реакция протеста**. Поэтому для риторического вопроса характерно также противоречие между формой и содержанием по признаку утвердительность – отрицательность» (выделено нами. – К. З., С. К. и А. Р.) [2, с. 424–425]. Кроме того, в приведённых высказываниях можно наблюдать обилие многоточий – пунктуационных знаков, которые в конце предложения обозначают «незаконченность высказывания или синтаксической структуры (функция обрыва предложения)» [8, с. 239]. Незаконченные высказывания в данном случае передают взволнованность состояния

⁵ Здесь и далее текст повести «Ковыль – трава степная» приводится по изданию, указанному в библиографическом списке: [7]; далее в скобках указывается страница по этому источнику.

Евгения, которое обусловлено его внутренним разладом с самим собой, побуждающим к поискам в создавшейся ситуации верных решений, и т. п.

Третий из приведённых фрагментов, кроме того, наглядно демонстрирует, что в своих размышлениях взрослый Евгений всё чаще соотносит собственную судьбу с судьбой своей матери, осознавая, насколько жесток он был в детстве и в юности, категорично осуждая её. Эти же мысли присутствуют и в его дальнейших размышлениях, оформленных как конструкции с внутренней речью:

1) *«Пишеница... – Кудряшов всей грудью втянул в себя воздух. – Лог теперь высох. Камыш в пояс. Мама испечёт блины... «Сынок, ты же любил Наташу!» Любил... Конечно, мама, любил. Не пыль же мы на ветру и не скоты какие-нибудь! Но кто виноват в том, что я оставил её, дочь и вот качу к тебе, как бездомный бродяга? Эх, мама, мама... Как было легко и просто под твоим крылышком! Так легко, что и не понимал, как трудно тебе. Нам бы с Наташкой твою веру, твоё терпение»* (с. 117);

2) *«Маму сколько ни звал в Донбасс, не поехала. «Как же я там, Женюшка, без своих-то?» А тут кто свой? Иван Ильич? Свой ли? Старенькая теперь. Три с лишним года дома не был. И в прошлый отпуск Наташа не пустила: «Присохнешь там к своей пустыне!» Вот так каждый раз. И письмами не радовал. Всё некогда. Нам всегда некогда...»* (с. 117);

3) *«Если б приехал с Людочкой, пришлось бы ждать до утра на вокзале. Иду обрадовать старуху мать. Ушёл от Наташи, дочь оставил. – Он горько усмехнулся. – Как дезертир явлюсь в родной дом. Чёрт бы побрал такую жизнь! Всё вверх тормашками! Никогда ещё не ходил по этой дороге в таком гадком настроении. Разве только в тот вечер, когда она уехала в Сибирь. Наташка... Что же произошло у нас с тобой? Не любим друг друга? Наверное, так... Неужели наше счастье на других дорогах, а мы хотим присвоить чужое? Люди всегда находят то, чего не ищут. Им только кажется, что нашли то, что искали, нашли своё счастье, а потом оказывается – это тень от счастья, обман. Перо из хвоста павлина. И слишком поздно обнаруживаю это. Вот так и у нас с тобой, Наташка»* (с. 119);

4) *«Кудряшов вспомнил: вчера. Перед тем как заснуть, подленькая мысль пришла ему в голову. «Как я мог подумать, что мать устроила свою жизнь и й теперь не до сына! – бичевал он себя сейчас. – Как я мог додуматься своей дурной башкой, что я ей теперь не нужен! Боже мой!.. И это я о своей маме смел так думать! Ввалился, как бездомный бродяга, и их заставляю мучиться»* (с. 160);

5) *«Хорошо...» – с непонятной иронией подумал Кудряшов и вздохнул. Две звезды светились ровным, немигающим светом. Сейчас они показались ему очень одинокими, хотя и были рядом. «Может, мама права? Всё уляжется, утрясётся? Нет, не утрясётся? Мосты для отступления разрушены. А какие мосты? Кто их разрушал? – Будто кто-то другой слабо укорил его. – Там же дочь, моя дочь... как жить без неё?»* (с. 174).

В приведённых фрагментах автором образно и выразительно раскрыта суть отношений, связывающих мальчика Женю с его матерью и взрослого Женю дочерью. Эти отношения иллюстрируют не только глубокое чувства вины и сожаления героя, но и его стремление к восстановлению утраченных связей. Так, Евгений, находясь в состоянии эмоционального кризиса, часто не осознаёт, как его поступки влияют на близких ему людей, что приводит к внутренним конфликтам и терзаниям. Тем не менее, в этих отношениях воплощена искренняя любовь и желание понять своих родных, пересмотреть свое отношение к их поступкам, примерить ситуацию на себя и найти единственно правильное решение – сохранить семью. Эти переживания по своей глубине и сложности могут соперничать с самыми сильными человеческими чувствами. Стремление Евгения к примирению и восстановлению связи с любимыми людьми подчеркивает важность отношений в жизни каждого человека и демонстрирует, как ошибки прошлого могут стать основой для личностного роста и развития.

При характеристике главного героя повести, Евгения Кудряшова, автор обращается к включению в повествование конструкций с внутренней речью весьма активно. К примеру, такие конструкции часто используются при изображении в повести воспоминаний этого персонажа, которые всплывают в его памяти, пока он, приехав в родные края после довольно долгого перерыва, идёт к дому матери:

1) «Домой Евгений шёл с каким-то раздвоенным чувством. Вместе с удовлетворением где-то глубоко в душе, как маленькая острая игла, сидело беспокойство. Сначала он даже не мог разобраться, отчего оно, но, подходя ближе к дому, ощутил, как эта маленькая игла становится всё больше, острее и всё больнее колет его. *«Ну что ж, с мебелью подождём. Не сошёл же клином свет на ней!»* – подумал он, но боль не проходила. – *Наташка поймёт, она у меня умная, рассудительная,* – уговаривал Евгений иглу, всё плотнее подступавшую к сердцу. – *Конечно, примет это без особой радости. Но...*»

На какой-то миг ему расхотелось идти сейчас домой. Будто что-то было недодумано, что-то окончательно не решено. Но он опять успокоил себя: *«Не может она не понять!»* (с. 124)

2) «...Жена стучала кулаком по столу и требовала немедленно пойти и отказаться от этого дурацкого пятого участка.

«Всё равно я прав, – неожиданно спокойно подумал Евгений. – *Пусть себе кричит!»* И будто закрыл на крепкий замок свою душу от Наташки...» (с. 126).

Приведённые фрагменты, в которых Евгений Кудряшов вновь переживает в своих воспоминаниях один из моментов, где очевидной стала существенная разница в жизненных ценностях его и жены Натальи, безусловно, помогают читателю понять и поступки героя в настоящем, и его психологическое состояние, эти поступки сопровождающее. Кроме того, более «очерченным», чётким становится для адресата произведения и собственно характер Евгения, который, несмотря на противостояние с женой, не собирается идти на какие-либо компромиссы в своих убеждениях, однако при этом закрывает свою душу «на крепкий замок» от неё, что впоследствии привело супругов и к гораздо более глобальному непониманию.

Этот приём – приём ретроспективного изображения наиболее существенных для понимания характера героя жизненных моментов – один из самых распространённых используемых писателями-прозаиками для углубления в произведениях психологизма, к которому, как можно убедиться, В. А. Титов обращается весьма искусно.

«Вернувшись» в реальность, Евгений продолжает размышлять и по поводу того, что с ним происходит в настоящий момент, и по поводу минувших событий:

1) «Крадучись, он сделал круг метрах в двадцати от костра и вновь остановился. В руке скрипнул чемодан. Евгений затаил дыхание и присел. Лежавший на земле человек приподнялся, достал из костра головешку и прикурил от неё. *«Дядя Миша табуңи́к не курит,* – отметил Кудряшов. – *Кто же это может быть?»* Он подкрался ближе» (с. 127);

3) «И сейчас Евгений хотел повернуться и уйти, скрыться в ночи, но ноги не слушались, а всё тело обмякло и ослабло. *«Дурак!»* – зло обругал себя Кудряшов. – *Кого боюсь? Нет, дело не в этом. О чём я с ним говорить буду? Чужой он мне»* (с. 128);

4) «Резко, не таясь, Кудряшов повернулся и пошёл от костра. Его не заметили. Пройдя немного, опять остановился. Сел на чемодан и закурил. Руки дрожали, по лицу катились крупные капли пота. *«Так нельзя,* – подумал он и обхватил голову руками. – *Надо сходить к Чайке»* (с. 131).

Вернувшись в родные места, Евгений, вновь с особой остротой возвращается в своих размышлениях к тому, что не давало ему покоя, и даже мучило, в детские и подростковые годы: к мыслям об отце, о том, как ему относиться к этому человеку – одновременно и родному по крови, и чужому по многому другому. Примечательно, что даже в своих мыслях Евгений не называет Ивана Ильича, голос которого он узнаёт среди расположившихся у

костра, отцом, и по-прежнему воспринимает его как неродного (*О чём я с ним говорить буду? Чужой он мне.*). При этом писателю лаконично, но с высокой степенью экспрессии удаётся передать, как непросто даётся такое решение Евгению (*Руки дрожали, по лицу катились крупные капли пота.*), с каким трудом он пытается внушить самому себе мысль о том, что с отцом ему говорить не о чем... Именно в таком состоянии он всё-таки находит силы сказать самому себе: *Так нельзя!* (ещё, видимо, не определив точно, что именно он не должен себе позволять, однако чувствуя, что поступает не совсем верно, вопреки своим жизненным установкам). И, чтобы принять верное решение, понять, как ему действовать дальше, Евгений пытается «ухватиться» за то, что было очень дорого в детстве и сохранилось в памяти как одно из самых светлых воспоминаний, – за дружбу с Чайкой, могилу которой он решает навестить, надеясь привести себя в более уравновешенное состояние.

Заключение. Таким образом, рассмотренные фрагменты, заключающие внутреннюю речь Евгения Кудряшова – главного героя повести В. А. Титова «Ковыль – трава степная», которые включены в авторское повествование при описании различных жизненных этапов персонажа, не оставляют сомнений в том, что значимость их в анализируемом произведении оказывается весьма существенной, что находит отражение в наделении этих участков художественного прозаического текста несколькими функциями.

Во-первых, это очевидная роль означенных конструкций в создании многогранного *психологического портрета* героя повести – портрета, отражающего движение его мысли в разных ситуациях, чаще всего – при рефлексировании по поводу своих отношений с родными людьми: женой, дочерью, матерью и отцом – человеком, с которым Евгению особенно сложно выработать линию поведения, воспринимаемым им и как неродной, и родной одновременно. Конструкции с внутренней речью значительно *углубляют* линию психологизма в произведении, что становится особенно ощутимым при соотнесённости их с проявлениями внешней речи героя, не всегда совпадающими с последними как по содержанию, так и по эмоциональной тональности.

Во-вторых, рассмотренным конструкциям принадлежит существенная роль в *композиционном оформлении* прозаического текста, в котором активно реализуется принцип *ретроспективной* подачи материала: именно конструкции с внутренней речью выполняют функции *связи* между фрагментами, заключающими описание прошлого и настоящего и, соответственно, показа Евгения в минувшем (детство и другие, более ранние, периоды жизни) и в изображаемой в повести реальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой психологический словарь / Под редакцией Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – 4-е изд., расш. – М.: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2009. – 811 с.
2. Валимова, Г. В. Риторический вопрос / Г. В. Валимова // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С. 424–425.
3. Горшков, А. И. Русская словесность : От слова к словесности / А. И. Горшков. – М.: Просвещение, 1996. – 336 с.
4. Кожевникова, Н. А. Типы повествования в русской литературе / Н. А. Кожевникова. – М.: Институт русского языка РАН, 1994. – 336 с.
5. Леонтьев, А. А. Внутренняя речь / А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С. 71–72.
6. Степанов, Ю. С. Язык художественной литературы / Ю. С. Степанов // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С. 666–669.
7. Титов, В. А. Всем смертям назло / В. А. Титов. – М.: Советская Россия, 1975. – 320 с.

8. Шварцкопф, Б. С. Многоточие / Б. С. Шварцкопф // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С. 239.

УДК 81:1

*Г. В. Звёздова,
Л. С. Гакова
г. Липецк*

**ИДЕЙНО-ПРАВСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТВОРЧЕСТВА ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА
КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ. ПОВЕСТЬ «ВСЕМ СМЕРТЯМ
НАЗЛО»**

Библейские истины «Сначала было Слово», «Словом Божиим небеса утвердились» и другие, хотя и являются расхожими в наше время, но глубокому осмыслению со стороны общества до недавнего времени фактически не подвергались, за что человечество заплатило самой дорогой ценой. В своей основной массе общество не оказалось готовым к страшной информационной войне, в которую его ввергли зримые и незримые управленцы планеты с их мощным отрядом циников-олигархов, упорно реализующих идею «золотого миллиарда».

Именно через слово внедрялись в наше общество, особенно в России, архетипически чуждые нашей ментальности ценности и идеалы, которые насильственно насаждались в сознание граждан России, в очередной раз взявшей на себя миссию лидерства в противостоянии современной западной евро-американской политике, выстраивающей и допускающей единственную модель человеческой культуры, человеческих отношений и человеческого бытия [2].

В этой связи творчество Владислава Андреевича Титова не только актуально в своем идейно-нравственном содержании, но и уникально: оно обнажает глубинным образом корни и характер русской ментальности. О ней (русской ментальности) теперь все больше говорят не столько в национально-этническом плане, сколько по сути и характеру ее содержания. Отсюда и определения «русские евреи», «русские армяне» и т.д. То есть речь идет о ментальности россиян. Не будем, однако, забывать о русском языке как государствообразующем феномене. Именно по этой причине Россия смогла выстоять в небывалой в истории войне и победить «коричневую чуму». Россия изначально зарождалась как империя с государствообразующим русским языком, который сыграл главную роль в консолидации российского общества и позволил создать великую художественную литературу [2].

Переход от эпохи 60-х годов XX века, так полно и всесторонне отраженный в повести В. А. Титова, к эпохе 90-х, «единой и единственной матрицей» которой стал европейский либерализм с приоритетами и императивами всего западного мира, поставил под сомнение сам факт существования человека как рода и носит катастрофический характер.

Герой XX и XXI вв. устал от «окровавленных рек» и чувствует себя «нечеловеком» (Вл. Соколов). В эту мрачную историю современного человечества прекрасным гимном человеческой природе и ее божественному происхождению звучит повесть В. Титова «Всем смертям назло» [8]. Этот гимн рожден особой ситуацией и страшной трагедией в жизни во многом обычного русского парня, который нашел в себе силы и неудержимое желание, несмотря на трагедию остаться жить и быть так нужным не только людям рядом с ним, но и многим другим, с которыми его разделяют огромные расстояния. Он становится другом и помощником для всех тех, кто пережил или переживает какую-то страшную беду в своей

жизни. Вторая часть повести «Ковыль – трава степная» строится на жизненном материале такого рода. Но ведь именно в экстремальной ситуации удивительно полно и выразительно проявляется русская ментальность, о чем свидетельствуют самые страшные события в истории нашей Родины.

В многочисленных наблюдениях и рассуждениях о менталитете и ментальности в научной литературе даются самые разные определения этому феномену (начиная от 30 и далее). Изначально характеристика его рождается на базе проникновения в глубины национальных корней того или иного народа. И уже на первом, самом очевидном уровне мы видим противопоставленность русско-славянской ментальности западно-европейскому менталитету. «Ментальность в нашем смысле – нечто душевно мягкое, понятие скорее этическое, чем логическое, и даже не понятие, а представление, которому определение дать столь трудно, что никто его и не дает. Это взгляд на мир той человеческой породы, которая «гасіо» ставит на присущее ему место, предпочитая *logos* – то неуловимое единство мысли и чувства, которое и создает, и крепит русские общинные предрасположения <...> Двуетьединство духовной сущности менталитета и разумной сущности духовности собирательно можно назвать ментальностью» [4, с. 12-13].

В условиях современной глобализации наиболее четко можно наблюдать несоединимость тех материальных, в особенности духовных ценностей, которые разделяют Россию с одной стороны, и американо-западное сообщество – с другой. Самые крупные ученые Запада вполне понимали это уже в начале XX века. Так, А. Вебер, анализируя архетипические особенности русского духа, отмечал: «Всякому, кто имеет хотя бы отдаленное представление о России, известно: пусть она открывает себя несущему цивилизацию воздействию Запада, в созданным им экономическим и, возможно, политическим формам, и даже как это происходит теперь, подчиняется господствующему влиянию западных идей в том виде, какой они обрели в Германии – но англосаксонского духа, его сути и представлений она не приемлет, наподобие того, как огонь чурается воды. Она, словно шипя и преисполняясь ярости, будет всегда противиться английскому прагматизму и порожденному им типу человека; для того, чтобы избежать с ним соприкосновения, она в духовном отношении скорее устремится назад, в самые отдаленные уголки Азии и в степь. Не только по своей участи, но и в самом глубинном смысле по свойствам духа и души она противостоит ему, исходя из тех же основ, что и вся Азия» [1, с. 192].

Черты русскости обладают глобальной значимостью, что и позволяет говорить не просто о русском государстве, но и о русской цивилизации как таковой. На эту тему существует обширная научная литература [См. 5, 7, 9 10 и др.]. Большим бредом можно было бы назвать в шутку высказывание, что истинно русские – это украинцы, а не «москальи» (идея, которая бродит по миру), если бы за этим не стояли античеловеческие инициативы недобитых фашистов и американо-европейских политиков, которые не могут простить России её великой победы над фашизмом. Славяне, особенно южные и восточные, всегда находились и находятся под их прицелом. Ярким примером тому события в Югославии и на Украине, задуманные уже очень давно, сразу же после окончания Великой Отечественной войны.

В процессе генезиса и развития славяно-русской культуры были заложены базовые ценности, которые сохранялись в течение многих веков и даже тысячелетий, например культ добра и правды.

Правда – исконно русское «царь-слово» с его многочисленным богатейшим лексическим гнездом: править, поправить, выправить, исправить, направить, правитель, правый, правосудие, право, праведник, православие и т.д. Кстати, праведник и праведничество – чисто русское явление. Вспомним, как назывался первый свод законов на Руси – «Русская Правда».

В силу ведущей роли духовности в нашей ментальности юридический закон и свобода в западно-европейском понимании весьма мало способствуют и способствовали выстраиванию жизни русского, российского общества согласно нашему мировосприятию. Ибо корень в слове свобода носит индоевропейский характер корня «свой», отсюда в русском мировосприятии он противостоит его западному пониманию. Отсюда демократия в России – явление весьма малосостоятельное и связано, как правило, с массой бед и утратой во многом своего национального своеобразия. И не случайно в русском языке параллельно существует слово «свобода» и «воля», которое составляет специфику как раз русской ментальности. В русском обществе свободе противостоит воля, чисто русское явление нашей ментальности.

Категория совести является ведущей в отношениях между людьми для русских. Именно проблеме совести посвящены русские произведения нашей классики (Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и др.). Все это тесно связано с явлением соборности в нашей ментальности, общинности и вытекающими отсюда свойствами нестяжательности и примата духовности над материальным, а также всемирной отзывчивости. Ибо именно эти ценности представлены как раз в русском языке, в котором наиболее отражена также целостность восприятия мира его носителем. Именно об А. С. Пушкине, который является творцом национального жизнеречения, можно сказать что он «всемир» и «всемер». Модель русской ментальности включает в себя оба полюса мирового сообщества при ведущей роли в ней славяно-русского мировосприятия.

Всё это отражает идейно-нравственное и духовное содержание автобиографической повести Владислава Титова «Всем смертям назло», потрясшей читателей (и зрителей одноименной пьесы), обнаженной правдой страшной беды и стойкостью главных героев [8]. Сюжет ее прост. Сергей Петров, парень 25 лет, спасает товарищей от смерти, а катастрофа и гибель в создавшейся аварийной ситуации в забое была неминуемой, накрывает своим телом горящий кабель под напряжением в 6 тыс. вольт, чудом остается жив (Господь помогает ему), но теряет обе руки и становится, понятно, глубоким инвалидом. За его жизнь боролась не только жена, по-настоящему любящая его, но и все шахтеры, которых беда эта сплотила и пробудила в них все лучшие человеческие качества, а также многие, многие другие люди. Благодаря этой всеобщей заботе Сергей не только выжил, но и становится весьма нужным человеком и не только для своей семьи, друзей, но и для всех тех, кто понял его жизненную ситуацию и вник в нее, а также тех, кто сам пережил или переживает большую беду. Отсюда Сергею и Тане (его жене) начали приходить многочисленные письма, особенно после того, когда люди познакомились с его повестью или поставленной по ней пьесой. Сергею с людской и Божьей помощью удалось не только выжить, но и раскрыть, развить свой дар слова. Еще до беды друзья немного знали о литературном таланте Сергея.

Авторы многих писем из США, Европы прямо говорили, что не верят во все это и видят в этой истории лишь плод коммунистической пропаганды. Они искренне были уверены в этом, ибо индивидуализм – главная ипостась самоутверждения личности в западном буржуазном мире. Он и только он (индивидуализм) может обеспечить уважение и авторитет среди окружающих в подобном мире. Это и создает героя в подобном обществе: расчет только на свои силы. В противопоставленность этому еще в XIX – начале XX века русские историки и этнографы справедливо рассуждали о роевом образе жизни, общинном характере русского народа, в первую очередь крестьянства (См. работы Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского, А. П. Щапова, и др.) [5, 3, 11].

Всё это сопутствует безмерной любви к жизни, что раскрывается на многих страницах повести [8, с. 112, 152 и др.]. Жизнь ощущается героем как великий дар, которым следует бесконечно дорожить [8, с. 112 и мн. др.]. При этом герой и большая часть тех, кто ему пишет, задумываются часто над тем, что жизнь без идеалов и возвышенного отношения к ней кажется серой и тусклой, утрачивает свою прелесть и ощущение радости и счастья [8, с. 145].

Отсюда постоянно возникают мысли и у героя, и самого автора о литературе как учебнике жизни. Именно русские создали великую литературу, которая заключает в себе национальные и общечеловеческие идеалы. Роль книги, роль художественного слова в своем государстве уже глубоко осознавал Ярослав Мудрый, который провозгласил, что «книги – это ведь реки, напояющие Вселенную» (запись под 1037 годом в «Повести временных лет»). Об этом же пишут в своих письмах авторы из других стран, например ГДР, Польши и т.д., отмечая, что в повести сталкиваются «мужество, преданность и святость»; «Ваш труд посеял семена подвига и святости» [8, с. 145].

Повесть Титова прямо называют гимном верности, мужеству и преданности [8, с. 146].

От кого только не получал письма Сергей Петров (герой автобиографической повести В.Титова). Был среди авторов и солдат фюрерской армии, который выразил восхищение подвигом Сергея, его личностью и страной в целом [8, с. 151].

В то же время некоторые письма полны злой иронии и в них пытаются разрушить весь кодекс нравственности Сергея как советского человека. Например, письмо из Испании (Миро Гудинья) [8, с. 152, 148].

Только немногие близкие Сергею по духу понимали, как долго и трудно он шел к вершине своего творчества, рос как личность, покоряя вершины творческого труда. Вместе с усталостью и трудностями где-то в перерыве между переделками своей главной повести он ощущал величие творчества, ибо дети Творца именно в творчестве ощущают свое великое предназначение. При этом поражает, что творчество понимается в повести в самом широком смысле – как вдохновенный труд. Удивляет поэтизация шахтерского труда, когда даже этот очень тяжелый труд формирует силу нравственных параметров человека-творца [8, с. 3 и мн. др.].

Удивительно также и то, что несмотря на отсутствие прямых молитв в тексте повести и непосредственных обращений к Богу, ощущается православный дух повести, ибо она полна любви к слову, к миру, полна любви к святости происхождения человека и чуткости к данной природе. Ведь сейчас все больше философы говорят о православии как уникальном феномене вероисповедания, идущего из глубины веков и соединяющего язычество и христианство. Знатоки русской древности (прежде всего В. В. Колесов) считают, что языческое поклонение «Божьей твари» спасло Русь от американо-западного рационализма и меркантилизма, не вытравило душу [5].

Не будем говорить о трансформации русской ментальности в последние 30 лет, когда были искажены, а иногда и почти полностью уничтожены многие наши ценности, в том числе семейные, в том числе и соприродность. В повести же на протяжении всего повествования чувство любви и близости к природе просто пленяет читателя, особенно чувство родной земли, за которым стоит большая и малая родина. Ведь для героя Донбасс стал родным. Здесь его любимая работа, семья, любовь и дружба. Песня «Цвети, мой любимый Донбасс», «песня священная», сильно щипнула за сердце героя [8, с. 3]: «залетевший в подземелье запах весны... вдруг загрустил по широким просторам земли, по безмятежным далям планеты» [8, там же].

Уже в начале повести мы видим, что чувством близости охвачено всё и вся вокруг: от травинки до космоса. И далее идет потрясающе тонкое описание природы и родной земли, чувств, которые всю жизнь, как выяснилось, переполняли Сергея [8, с. 3, 4, 131, 127]. Особенно к цветам, которые казались ему живыми (вспомним последний армейский день Сергея и прыжок с парашютом). Даже картина самой трагедии неотделима от штрихов набирающей силу весны [8, с. 6, 7, 8]. А в заключении автобиографической повести дается прекрасное описание бабьего лета в родном городе с пронзительным чувством красок, цвета и света (когда герой приехал в Липецк, чтобы увидеть спектакль, поставленный по его повести) [8, с. 165]. Он вдыхал и не мог насыщаться воздухом своей малой родины [8, с. 167, 168].

«Вчувствование» в природу главного героя сопровождается постоянно философствованием, размышлением о жизни, бытии и своем месте в мире. Это так свойственно всем русским. Помнится, еще А. Блок был потрясен склонностью самых простых русских мужиков к философии. Очень верное наблюдение. Это способность уходить в глубину осмысления своего жития-бытия, общественного бытия, умения подняться над последними в любой ситуации спасают нас в моменты больших катаклизмов и нежелательных перемен. Все эти черты, свойства и чувства дают возможность выстоять нашему народу и сейчас, в очень тяжелое время для русских, для всей России.

Мы воскрешаем память и о таких героях, как Владислав Титов (в повести Сергей Петров), который и сейчас дает нам силы, рождая волю к победе. К сожалению, в той ситуации, в которую нас поставила страшная информационная война, переросшая в тяжелую прямую битву за страну, за нашу родину, за народ, мы теряем самое дорогое – прекрасных наших мальчишек, русский и российский генофонд. Но память наша как когда-то и о временах Великой Отечественной войны не может предавать забвению ни тех, ни других героев. (В повести Великая Отечественная война – то событие, которое всегда живет с героями). Ни тех, кто жертвовал собой тогда, ни тех, кто жертвует собой сейчас, отстаивая нашу родину от новой «коричневой чумы», мы не должны забывать. Повесть «Всем смертям назло» вписывает в книгу нашей героической истории прекрасную страницу русского, российского подвижничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер, А. Германия и кризис европейской культуры / А. Вебер // Вебер А. Избранное : Кризис европейской культуры : пер. с нем. – СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 169-198.
2. Звездова, Г.В. Родное слово – основа мировосприятия, путь и инструмент познания. Специфика русской школы / Г.В. Звездова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://terra.lgaki.info/socium/rodnoe-slovo-osnova-mirovospriyatiya-put-i-instrument-poznaniya-spetsifika-russkoy-shkolyi.html?yscli> (Дата обращения: 29.10.2024)
3. Ключевский, В. О. Русская история / В.О. Ключевский. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 351 с.
4. Колесов, В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. - Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2007. – 619 с.
5. Колесов, В.В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – М.: Юна, 2000. – 448 с.
6. Костомаров, Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа: Утварь, одежда, пища и питье, здоровье и болезни, нравы, обряды, прием гостей / Н. И. Костомаров. – М.: Экономика, 1993. – 397 с.
7. Мирошниченко, О.Ф. Тайны русского алфавита. Аз буки ведаю / О.Ф. Мирошниченко. – М.: Епифанов, 2007. – 144 с.
8. Титов В. А. Всем смертям назло. Всем смертям назло. Ковыль – трава степная. [Послесл. Б. Полевого]. – Ленинград: ЛЕНИЗДАТ, 1980. – 399 с.
9. Савельева, Л. В. Русское слово: конец XX века / Л.В. Савельева. – СПб.: Logos, 2000. – 215 с.
10. Семенцов, В.В. Корнесловно-смысловой подход в образовании / В.В. Семенцов. – СПб. : Царское Село, 2016. – 164 с.
11. Шапов А.П. Избранное / А.П. Шапов; [Редкол.: А.С. Маджаров (гл. ред.) и др.]. – Иркутск: Оттиск, 2001. – 363 с.

УДК 821.161.1-31:502:7.01

*А. В. Зюбан,
М. А. Мадеева,
А. А. Покаленко*
Научный руководитель –
И. П. Зайцева
г. Луганск

**ПРИРОДНЫЕ ОБРАЗЫ КАК ЭЛЕМЕНТ АВТОРСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ:
ЭСТЕТИЧЕСКАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ
(на материале повести В. А. Титова «Грёзы старого парка»)**

Язык художественной литературы, или художественная речь, представляет собой особую систему, своеобразие которой чаще всего выявляется в сопоставлении с речью нехудожественной, или языком, используемым прежде всего в практических целях. Это связано в первую очередь с тем, что для языка художественной литературы, который находит воплощение в различных жанрах словесно-художественного искусства – литературных произведениях, приоритетной является эстетическая функция. «В отличие от литературного языка, язык художественной литературы (как и другие языки духовной культуры) благодаря своей «установке на выражение» органически связан с содержанием, непосредственно его в себе заключает. В словесном искусстве достигается единство формы и содержания, если не полное, то хотя бы частичное: здесь может быть семантизирован какой угодно элемент внешней языковой структуры» [10, стб. 1257–1258]. К выполнению эстетической функции в литературно-художественном произведении авторами привлекаются самые различные средства языка, причём у каждого талантливого писателя они всегда – в той или иной мере – отличаются индивидуальностью, воспринимаемой читателями и любыми другими адресатами произведений как черты индивидуально-авторской манеры художника слова. Исследование способов воплощения индивидуальных особенностей стиля в литературных произведениях разных жанров в настоящее время является одной из актуальных проблем стилистики художественной речи.

Цель данной публикации – анализ особенностей воплощения в художественном прозаическом произведении функционирующих в авторском повествовании природных образов.

Материал и методы. Материалом для данного исследования послужил текст одной из новелл повести В. А. Титова «Грёзы старого парка» [6] – новеллы «Венок из одуванчиков».

При проведении исследования использовался ряд общенаучных методов: *наблюдения, описательный, систематизации и обобщения*; а также специальные филологические методы: *контекстуального и семантико-стилистического анализа, интерпретационный метод*.

Результаты и их обсуждение. «Формы присутствия природы в литературе многообразны. Это и мифологические воплощения её сил, и поэтические олицетворения, и эмоционально окрашенные суждения о ней (будь то отдельные возгласы или целые монологи), и описания животных, растений, их, так сказать, портреты и, наконец, собственно пейзажи (фр. *пays* – страна, местность) – описания широких природных пространств» [9, с. 219]. В том, *как именно эстетически осмысливает писатель природные образы, которые вводятся им в словесно-художественное произведение, как правило, отражаются те или иные особенности индивидуально-авторской манеры, поэтому такого рода исследования всегда целесообразны. Среди природных образов, включённых в словесное пространство новеллы «Венок из одуванчиков», значимое место занимают образы деревьев – им посвящены наиболее обширные фрагменты текста.*

Новелла начинается с пространного описания тополя, старого и могучего: «*Тополь старел. Ранней весной, когда он ещё не проснулся, из его северного бока выпилили*

полувысохший сук. Сквозь дрёму Великан *слышал* жужжание пилы по мёрзлому телу, скорбный хруст отторгнутой от него части, но ни боли, ни облегчения **не почувствовал**. Наверное, уже **перестал интересоваться** происходящим в нём самом и в окружающем его мире.

Прошлым летом он старательно **залечил** глубокую ножевую рану от «пылкой» любви «Феди и Вали», а осенью, когда в паутине и листопаде кружилось бабье лето, другой человек рваной бороздой опять прорезал аж до белого тела: «Люблю Олю».

Сколько лет потребуется теперь на заживание? Да и хватит ли сил и отпущенных ему этой землёй и солнцем лет? А может, люди **не дадут прожить** и это отпущенное?

В тёплых гнёздах пицали грачата, молчаливые и сосредоточенные, с пищей в клювах, меж тополиных ветвей сновали грачи-родители. Старый тополь всегда **любил** птиц.

Они не причиняли ему вреда, а несколько сотен гнёзд не тягчали ствол, наоборот, давали возможность *ощутить* упругость сучьев и силу молодых ветвей. Он **грустил**, когда птицы покидали гнёзда, надолго *отправляясь* в неизвестные ему края. Неживыми, холодными становились гнёзда, **холодел** он сам, **ронял** листву и, **теряя интерес к жизни, засыпал**. А **проснувшись**, с радостью *ощущал*, как оживали гнёзда, **согревался** под неумолкающий гомон грачей. От корней по стволу к самым дальним ветвям с птичьими гнёздами текла живительная влага, набухали почки, припекало яркое солнце – жизнь продолжалась.

Многое в этой жизни повидал **Великан**. А память у него была неисчерпаема, как бездонный колодезь» (выделено нами. – А. З., М. М., А. П.) [6, с. 78]⁶.

Описанию тополя посвящён и заключительный абзац новеллы: «Серебристый Великан тянул влагу по стволу к самым верхним молодым побегам, вдоволь поил их, давал окрепнуть. Что с ним будет, когда придёт человек с пилой и топором? Ведь он уже очень стар. Так стар, что потерял счёт времени. Оно стало для него чем-то незыблемым, постоянно и непрерывно текущим, разделяемое только на холодные и тёплые промежутки бытия» (с. 90).

Как можно наблюдать, основным средством образного осмысления тополя является приём олицетворения, который заключается в переносе человеческих качеств на неодушевлённые предметы, причём писатель реализует его использование нескольких приёмов. Во-первых, это находит выражение в именовании тополя, для которого автором привлекается переведённая в имя собственное (путём написания его с прописной буквы) номинация **великан (Великан)**, одновременно являющаяся и характеризующим тополь речевым средством, поскольку оценочность заложена в самой её семантике – ср. трактовку основного значения данной номинации в одном из популярных толковых словарей: «**ВЕЛИКАН** ... О человеке очень большого роста, обладающем большой физической силой» [2, с. 116].

Во-вторых, приём олицетворения реализуется в обширной системе **метафор** – самого распространённого в художественной речи тропа, который представляет «способ переосмысления значения слова на основании сходства, по аналогии. Ср. обручальное кольцо – кольцо блокады» [4, с. 324]. Приведённый фрагмент содержит множество олицетворяющих метафор, при помощи которых автором осмысливается образ **тополя (Великана)**: **тополь старел**; **тополь не проснулся**; **Великан слышал**; <Великан> ни боли, ни облегчения **не почувствовал**; <Великан> **перестал интересоваться**; (люди) **не дадут прожить** <Великану>; <тополь> **любил птиц**; <Великан> **грустил, холодел, ронял листву и, теряя интерес к жизни, засыпал**; **проснувшись**, <тополь> **ощущал**, как оживали гнёзда, **согревался**; (многое в этой жизни) **повидал Великан**.

На достаточно небольшом отрезке словесного пространства, функционирует система, состоящая из более чем **10 (!) глагольных метафор** различной структуры: бинарные (**тополь**

⁶ Здесь и далее текст новеллы цитируется по изданию, указанному в списке литературы; в дальнейшем в скобках указывается страница по этому источнику.

старел и т. п.); осложнённые различными распространителями (*Великан ни боли, ни облегчения не почувствовал* и т. п.); развёрнутые (*Великан грустил, холодел, ронял листву и, теряя интерес к жизни, засыпал* и т. п.). Образная конкретизация, осуществляемая автором, способствует не только проекции всего, что происходит с тополем, на человеческое существование, но и передаёт динамичную картину всех состояний, которые испытывает человек, оказавшийся в подобных ситуациях, разнообразных чувств, эти состояния сопровождающих.

Помимо метафор, для характеристики тополя используются *эпитеты* – «выразительные художественные определения, противопоставленные обычным определениям по своей стилистической окрашенности» [5, с. 544]. Среди этих эпитетов: *скорбный хруст отторгнутой от него части, глубокая ножевая рана, от корней по стволу ... текла живительная влага*.

Как можно заключить из приведённых фрагментов, отношения Великана-тополя с людьми складывались совсем не лучшим образом: именно люди – возможно, сами того не желая, не задумываясь над этим – постоянно причиняли ему боль, приносили страдание, и это, конечно же, способствовало не весёлым размышлениям Великана о своём существовании – о том, сколько ему ещё удастся прожить в подобных условиях, и т. п.

Совсем иные отношения складываются у олицетворённого тополя с *птицами*, которых он встречает на своих ветвях каждую весну – с семейством грачей; для передачи характера этих отношений также используются образные средства. Это, в первую очередь, *контрастирование* тех речевых средств, с помощью которых писатель изображает жизнь тополя с птицами и без них. Так, например, когда птицы покидали его, тополь *грустил, холодел, засыпал*; когда птицы вновь возвращались, тополь радовался, согревался, просыпался (в данном случае контрастная организация текста создаётся прежде всего употреблением глаголов-антонимов, хотя это, безусловно, не единственное средство такого рода).

Олицетворение деревьев, и тополя, в частности – явление нередкое для русской литературы. Его можно наблюдать в лирическом творчестве поэтов-классиков XIX века – в стихотворениях Аполлона Григорьева «Тополю», где тополь осмысливается как *товарищ* лирического героя: *Но свеж и здоров ты, и строен и прям, / Молись же, товарищ, ночным небесам!* [3, с. 132], и «Тополь» Афанасия Фета, где тополь представлен как, образно говоря, *собеседник-оппонент* лирического субъекта: *Лишь ты один над мёртвыми степями / Таишь, мой тополь, смертный свой недуг / И, трепеща по-прежнему листьями, / О вешних днях лепечешь мне как друг* [8, с. 296].

Однако у каждого талантливого художника слова свой тополь, своеобразие в изображении которого достигается в значительной степени в результате привлечения индивидуально-авторских средств и способов организации речевого материала. Именно поэтому тополь в образном осмыслении В. А. Титова даже при опоре на сложившиеся в русской литературе традиции ощущается очевидное индивидуальное мировосприятие, которое в первую очередь и ценно для воспринимающей его произведения читательской аудитории.

В новелле выведен образ ещё одного дерева – *осины*, образное осмысление которого также отличается оригинальностью: *«Корни осины пролегали к самой воде и, выйдя на поверхность, походили на щупальцы диковинного животного или на хитроумный аппарат с разнокалиберными шлангами. Осина впрямь тополю была могучей и старой, только на ней не виделось столь отчётливо скорого увядания, то ли по причине близкой воды, то ли жизнь её отличалась от тополиной и без времени воспринимался иным образом.*

Топор и пила человека щадили её, по непонятной причине обходили стороной и острые ножи влюблённых. Ран на стволе осины не было» (с. 84).

Несложно заметить, что авторское осмысление образа осины определённым образом *диссонирует* с осмыслением образа тополя, что находит отражение и в системе используемых для характеристики осины изобразительно-выразительных средств. В изображении осины отнюдь не ощущается та авторская симпатия, которая, безусловно, проявляется в осмыслении им тополя; напротив – в описании осины присутствует, с нашей точки зрения, некая насторожённость по отношению к этому дереву, что закономерно находит воплощение в привлекаемых образно-оценочных средствах. Сравнение корней осины со *щупальцами диковинного животного* и *хитроумным аппаратом с разнокалиберными шлангами* передаёт авторское отношение именно такого характера, чему способствуют единицы языка с негативными коннотациями (*щупальцы* – ‘подвижные выросты тела, расположенные обычно около рта у многих червей, моллюсков, членистоногих и некоторых других животных’; *хитроумный* – одно из значений ‘о хитром, изворотливом человеке’ [2, с. 1511; с. 1443]).

Возможно, такое осмысление осины базируется на символике, свойственной этому дереву в народном восприятии восточных славян: «**ОСИНА** (*Populus tremula*) – в народных представлениях восточных и отчасти западных славян «нечистое» и проклятое дерево; ... неплодовое (проклята и лишена плодов) и дикорастущее дерево, которое не сажают около жилья» [1, с. 570]. И в этой связи можно предположить, что закрепившейся за осиной символикой объясняется и куда меньшее к ней, нежели к тополи, внимание людей, которые сторонятся (не исключено, что по большей мере бессознательно), хотя такое невнимание сказывается на «самочувствии» осины только позитивно.

Весьма заметное место занимают в новелле «Венок из одуванчиков» и *образы* разных *птиц*, хотя посвящённый им текст в словесном пространстве произведения занимает значительно меньшее место, нежели отведённое описанию образов деревьев.

Как уже было отмечено, впервые образ птиц – семейства *грачей* – появляется в начальном фрагменте новеллы, где представлена развёрнутая характеристика тополя. К этому птичьему семейству олицетворённый тополь относится исключительно позитивно – каждый весенний прилёт грачей символизирует для него жизненное обновление, а появление на его ветвях множества гнёзд вовсе не доставляет неприятностей, а, напротив, даёт возможность не только ощутить собственную нужность, но и почувствовать прилив сил: «*Старый тополь всегда любил птиц. ... Они <грачи> не причиняли ему вреда, а несколько сотен гнёзд не тягчали ствол, наоборот, давали возможность ощутить упругость сучьев и силу молодых ветвей*» (с. 78).

Для осмысления *семейства* этих птиц – *грачей-родителей* и *птенцов-грачат* – автор прежде всего опирается на такое образное средство, как *эпитеты*, в том числе и олицетворяющие: *в тёплых гнёздах*; (*пищали*) *грачата*, *молчаливые* и *сосредоточенные*. Тем самым в авторском повествовании делается особый акцент на значимости *семейных* отношений, на важности преемственности поколений, которая всегда проявляется в заботе старших о младших, в поддержке, которую обеспечивает незримая, но всегда ощутимая связь между родителями и детьми, если в семье по-настоящему ценят и всячески берегут, стремятся сохранить и укрепить эту связь.

Безусловно, отношения тополя и семейства грачей, которое он и воспринимает как неотъемлемую часть своей жизни – это авторская «проекция» на взаимоотношения между людьми, которым отводится приоритет в жанре лирической повести, частью какой является новелла «Венок из одуванчиков», и в прозаическом творчестве В. А. Титова в принципе.

Образы птиц – весьма разноплановые – фигурируют ещё в нескольких фрагментах текста новеллы:

1) «*Шумит листвою тополь, кричат грачи, плачут синички, сквозь густую листву солнечные лучи тонкими шпалами режут тень. День обещает быть безветренным и жарким*» (с. 80);

2) «Александр расставил руки, с наигранно грозным видом двинулся на жену. Но сделал шаг, остановился и, рассмеявшись, опустился на землю. Глаза погрузнели, он о чём-то задумался. Набежавший ветер шевельнул осину, листья блеснули на солнце полированной зелёной гладью. На Великане застрекотала **сорока**, где-то поблизости гаркнул **грач**» (с. 87);

3) «Над головой Настеньки чиркнула стая **стрижей** и с хриплым визгом взмыла ввысь. У киоска с мороженым к важно расхаживающему **голубю** кралась кошка. Затаив дыхание, она словно срослась с землей, шевелились только длинные чёрные стрелки усов. Но и **голубь** был начеку. Бусинки глаз сторожко поглядывали на хищницу. Вздёрнув хвостом, кошка сделала мощный прыжок, **голубь** взмыл вверх, и на этом поединок закончился» (во всех случаях выделено нами. – А. З., М. М., А. П.) (с. 88).

В приведённых фрагментах обращает на себя внимание ряд особенностей отбора и организации языковых средств, которые, как представляется, позволяют глубже и полнее понять особенности писательской манеры В. А. Титова.

Сюжет, заключённый в третьем из приведённых фрагментов (поединок голубя и кошки), так же, как и описанные выше «взаимоотношения» тополя и семейства грачей, ассоциативно без труда накладываются на взаимоотношения между людьми, чему в немалой степени способствует наделение обоих «оппонентов» качествами людей. Это достигается с помощью введения повествование олицетворяющих изобразительно-выразительных средств – эпитетов и метафор – ср., например: **важно расхаживающий голубь**; **кошка кралась, затаив дыхание**.

Ещё одной особенностью индивидуально авторской манеры писателя является, на наш взгляд, характер *образной конкретизации* воплощённой в произведении «птичьей» картины. В создании этой картины существенную роль играет разнообразие *звуковой палитры* – звуков, принадлежащих различным представителям пернатых: **кричат грачи, гаркнул грач; пикают синички, застрекотала сорока, стая стрижей с хриплым визгом (взмыла ввысь)**. Используемые для передачи звуковой картины глаголы разнообразны не только по семантике (причём часть из них используется прежде всего для описания действий человека, а в данном случае переносится на действия птиц), но и по своим *стилистическим характеристикам* – ср., например: **гаркнуть** – ‘громко и отрывисто крикнуть’ (*просторечное*) [7, с. 145].

Ещё одна группа слов и выражений, включённых в повествование рассматриваемой новеллы, где ведущая роль также отводится глаголам, акцентирует внимание на *постоянном движении*, которое в природном мире ни на миг не прекращается: стая стрижей – **чиркнула и с хриплым визгом взмыла ввысь**; кошка – **сделала мощный прыжок**; голубь – **взмыл вверх** (для образной конкретизации движения, как можно убедиться, использованы различные средства: глагол *чиркнуть* входит в состав метафоры; выражения *взмыть вверх* и *взмыть ввысь* принадлежат к устойчивым, отличающимся безусловной образностью).

Таким образом, привлечённые автором *глаголы*, разнообразные по своим семантико-стилистическим характеристикам, придают повествованию, с одной стороны, *динамичность*, с другой – очевидную *экспрессивность*, подчёркивающую тесную, иногда неразрывную, связь человека и окружающего его природного мира. Этот мир, как можно заключить из воплощаемой в произведении авторской эстетической концепции, видится повествователю куда более гармоничным, чем сосуществование людей, и последним не мешало бы многое у него перенять.

Ещё одна природная стихия, «сопутствующая» изображению выведенных в новелле человеческих характеров, поступков героев и т. п., – это *мир цветов*, который представлен не особенно развёрнуто, но имеет безусловную значимость для реализации в произведении эстетической функции.

Номинация **одуванчики** вынесена в название новеллы, что, безусловно, у талантливого писателя не может быть случайным.

Однако более обширные фрагменты с описанием цветов читатель встречает в повествовании значительно позже, во второй части новеллы:

*«Настя встала, тихонько отошла от родителей, принялась собирать цветы. На полянке, метрах в десяти от осины, там, где трава пониже, их росло много. Ярко-жёлтыми островками выделялись **одуванчики**, ещё не дозревшие до невесомого пуха, а чуть в стороне крохотными солнышками пестрели **ромашки**. Опыт по отбору цветов на венок у Насти был. Прошлой ранней весной Александр и Надя вместе с друзьями поехали в лес и взяли с собой Настю»* (с. 80);

*«Потом они вместе плели венок. Выбирали **подснежники** покрупнее, поцветастей, примеряли к Настенькиной головке и не переставали удивляться поразительной схожести цвета **подснежников** с цветом её глаз.*

*Венок получился на славу. Он до сих пор висит на стене под большим цветным портретом Насти. Высох, поблёк, но в памяти постоянно пробуждает тот яркий радостный день и счастливый смех **среди синего разлива цветов**.*

*Вот и теперь, в парке, Настя со знанием дела придирчиво отбирает **одуванчики**. Венок должен быть красивым и ничуть не хуже того, весеннего»* (с. 83) (во всех случаях выделено нами. – А. З., М. М., А. П.).

Образное осмысление цветов – так же, как и уже рассмотренных природных образов – в значительной степени осуществляется автором путём привлечения различного рода изобразительно-выразительных приёмов. Номинации цветов являются компонентами тропов – в частности, *развёрнутых сравнений*: **одуванчики**, ещё не дозревшие до невесомого пуха, выделялись, **ярко-жёлтыми островками** (в данном случае перед нами синкретичный троп – *сравнение* (выделено в приведённом примере), осложнённое двумя эпитетами, один из которых сам по себе представляет развёрнутую конструкцию; **крохотными солнышками пестрели ромашки** (также синкретичный троп – *сравнение*, осложнённое эпитетом). С помощью эпитетов – среди которых присутствуют явно индивидуально-авторские, отличающиеся безусловной оригинальностью – характеризуются подснежники: (*выбирали*) **подснежники покрупнее, поцветастей**; (*не переставали удивляться*) **поразительной схожести цвета подснежников с цветом её** <Настенькиных> **глаз**.

Примечательно, что второй из приведённых выше фрагментов (с описанием усердных действий Настеньки, плетущей венок из одуванчиков) предваряется фрагментом явно философского характера, в котором образно-концептуальному осмыслению цветка – **подснежника** – отводится весьма значимое место: *«Пробуждающаяся к жизни природа всегда вызывает у человека смутные надежды и желания. Кто скажет, отчего это происходит? Может, в каждом из нас до последнего вздоха сидят ощущения ребёнка, который познаёт жизнь, как радость. И вот мы ждём, что она возвратится своим изначальном поразительном многообразии, в волнующей и малопонятной прелести. Вот и светятся **среди весеннего ноздреватого снега голубые свечечки подснежников, как надежда и радость, как мерцающий свет того далёкого маяка изначальной надежды**»* (выделено нами. – А. З., М. М., А. П.) (с. 83).

Этот, явно философского свойства, участок текста новеллы, в котором заключены авторские размышления о связи душевного состояния человека, его настроения с окружающей природой, её состояния в тот или иной момент, завершается развёрнутым, явно индивидуально-авторского характера, *синкретичным* тропом: метафора **свечечки подснежников** распространена эпитетом **голубые** и двумя развёрнутыми подчёркнуто образными сравнениями: **как надежда и радость** и **как мерцающий свет того далёкого маяка изначальной надежды**. Это, безусловно, придаёт сформулированным философским мыслям не только яркую образную конкретизацию, но и убедительность, способствуя более эффективному восприятию адресатом / читателем литературного произведения.

Сплетённый *из подснежников* (что само по себе необычно) венок стал для маленькой Настеньки напоминанием о том «ярком радостном дне», к которому её постоянно возвращают воспоминания. И, видимо, поэтому, в ещё один счастливый день, когда она окружена любовью находящихся рядом родителей, она стремится и этот день сохранить в памяти, сделать что-то, что будет постоянно о нём напоминать. Девочка *«со знанием дела придирчиво отбирает одуванчики»* (сейчас в природе время именно для них!), потому что *«венки должны быть красивыми и ничуть не хуже того, весеннего»*. Отношение девочки – внимательное, старательно-трепетное – к венку, который она плетёт, создавая тем самым себе то, что будет напоминать об одном из счастливых дней её детства, как бы ни сложилась в дальнейшем её судьба, видимо и было одним из оснований для вынесения обозначения *символа счастливого летнего дня* этого в название новеллы.

Заключение. Проведённый анализ образного осмысления лишь некоторых из природных образов, фигурирующих в новелле «Венок из одуванчиков», как представляется, убедительно подтверждает их безусловную значимость, даже необходимость, для наиболее полного восприятия воплощённой в литературно-художественном произведении эстетической концепции. Именно на фоне природных образов автору удаётся полнее и многограннее показать внутренний мир персонажей произведения, подчеркнуть индивидуальные особенности их характеров, т. е. придать словесному пространству новеллы очевидный психологический колорит.

Даже проведённый фрагментарный анализ подтверждает мнение В. Е. Хализева о том, что «образы природы (как пейзажные, так и все иные) обладают глубокой и совершенно уникальной значимостью. В многовековой культуре человечества укоренено представление о благодати и насущности единения человека с природой, об их глубинной и нерасторжимой связности. Это представление художественно воплощалось по-разному» [9, с. 219].

Индивидуальный писательский стиль В. А. Титова, воплощённый в лирической повести «Грёзы старого парка», – одна из талантливых иллюстраций мнения известного учёного, приведённого выше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина, Т. А. Осина / Т. А. Агапкина // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под общей ред. Н. И. Толстого. – Т. 3 : К (Круг) – П (Перепёлка). – М.: Международные отношения, 2004. – с. 570–573.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
3. Григорьев, А. А. Тополю / А. А. Григорьев // Григорьев, А. А. Избранные произведения / Под ред. Г. П. Макогоненко. – Л.: Советский писатель, 1959. – 616 с.
4. Емельянова, О. Н. Метафора / О. Н. Емельянова // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 324–327.
5. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.
6. Титов, В. А. Грёзы старого парка / В. А. Титов // Титов, В. А. Грёзы старого парка : Повести / Сост. Р. П. Титова; Вступ. ст. М. Ф. Слабошпицкого. – К.: Рад. письменник, 1988. – С. 16–273.
7. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
8. Фет, А. А. Тополю / А. А. Фет // Фет, А. А. Полное собрание стихотворений / Под ред. Б. Я. Бухштаба. – Л.: Советский писатель, 1959. – 897 с.

9. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник для студ. учреждений высш. проф. Образования / В. Е. Хализев. – 6-е изд. испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 432 с.

10. Шапир, М.И. Язык художественной литературы / М. И. Шапир // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 1258–1263.

УДК 130.2

Н. С. Ищенко
г. Луганск

КОММЕМОРАЦИЯ ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА В РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТЕ

Луганск и Луганщина с 2014 года переживают период социокультурных трансформаций, вызванных нападением Украины на Донбасс, созданием Республик Донбасса и постепенной интеграцией в российское культурное пространство. Процесс интеграции усилился с 2022 года, когда ЛНР вошла в состав РФ. В этой ситуации актуальными являются топосы культурной памяти, общие для разных регионов России, облегчающие культурную интеграцию. Одним из таких топосов является советский писатель Владислав Титов (1934–1987), потерявший обе руки во время аварии в шахте, известный в советский период далеко за пределами Луганска. В данной работе Титов будет интересовать нас не как человек своей эпохи, а как символ целого комплекса процессов коммеморации, актуализирующих этот топос в современном социокультурном пространстве ЛНР. Рассмотрим, как в русскоязычном Интернете для рядового пользователя представлен Владислав Титов и проанализируем особенности коммеморации этого писателя в наши дни в контексте культурной интеграции ЛНР и других регионов России.

К коммеморативным практикам относятся проведение дней памяти, мемориальных церемоний, создание мемориальных комплексов и музеев [Москвина, с. 274]. Культурная память выражается также в создании архивов, библиотек и целого спектра мероприятий по включению их материалов в культурную жизнь общества, соединяя индивидуальную память людей с коллективной идентичностью [5, с. 131–132]. К коммеморативным практикам относятся возведение и уничтожение памятников, наименование и переименование улиц и населенных пунктов, открытие музеев, выставок и экспозиций, учреждение праздников, создание новых или воссоздание старых ритуалов и традиций, освещение события в медиа-пространстве, проведение торжественных собраний и чествование участников памятного события, научная репрезентация и многое другое [2, с. 8].

Память о какой-либо личности не существует в неизменном виде. Сохранение памяти о прошлом зависит от настоящего. Как показал Морис Хальбвакс, «в зависимости от времени и обстоятельств общество по-разному представляет себе прошлое; оно видоизменяет свои конвенции. Поскольку же каждый из его членов подчиняется этим конвенциям, то он и воспоминания свои переориентирует вместе с эволюцией коллективной памяти» [17, с. 325]. Другими словами, в настоящем складываются договоренности о том, что в прошлом заслуживает сохранения, а что нет, какие элементы важны, а какие можно проигнорировать. Таким образом, память о конкретной личности напрямую зависит от тех коммеморативных практик, которые ее сохраняют.

В коммеморации функционирует культурная память, включающая образы и идеи, привязанные к определенным местам. Это могут быть как места в географическом пространстве, так и места в символическом пространстве культуры: исторические события, географические локации и топонимы, имена и события из жизни исторических деятелей, литературных и фольклорных персонажей. Реальные события в жизни людей представляют

собой в когнитивной теории культуры Д'Андрара «поток материала», то есть любые феномены, которые не получили значения в культуре и потому не совсем воспринимаются ее носителями [9, с. 196]. Реальные события, деятели, их биографии могут остаться в традиции, попав в культурную память, способную хранить информацию только в виде топоса, явленного как символ. Поэтому реальные события, хранимые в культурной памяти, неизбежно приобретают символический характер и превращаются топоры – культурные константы символической природы. В современной философии культуры топоры исследуются как места памяти.

Места памяти активно изучают во всем мире со второй половины XX века. Начало этому изучению положили французские историки во главе с Пьером Нора, работавшие над проектом по созданию мест памяти Франции. Как пишет Нора, интерес к местам памяти возникает в особые, переломные периоды истории, когда исчезает память социальных групп. Места памяти приобретают особое значение в десакрализованном и деритуализованном современном мире, где старые социальные группы исчезают или теряют идентичность под напором демократических тенденций и глобализации. «Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности... Это ритуалы общества без ритуалов, преходящие святыни десакрализующего общества, верность партикулярному в обществе, которое отвергает партикуляризм, фактические различия в обществе, принципиально стирающем их, знаки признания и принадлежности к группе в обществе, которое стремится распознавать только равных и идентичных индивидов» [16, с. 26].

Теорию мест памяти Нора можно дополнить, указав, что трансформация общества, вызывающая особый интерес к местам памяти, может быть следствием не только демократизации, но и любого изменения устоявшейся системы общества, включающей сложившиеся социальные группы со своей культурной памятью. Трансформация социальной структуры общества приводит к трансформации коллективной памяти. Капсулированная в группах идентичность не может адекватно отразить изменившуюся структуру социума. Размытие социальных границ и появление новых социальных групп выражается и в структуре коллективной памяти, которая принимает форму памяти-наследия. Как показывает Пьер Нора, «под памятью-наследием не следует понимать ни резкое расширение понятия, ни недавние проблематичные попытки растянуть его на все предметы-свидетели национального прошлого, но гораздо более глубинную трансформацию в общественное достояние и в коллективное наследство традиционных ставок в борьбе внутри самой памяти» [16, с. 56].

Соединение разных топоры в памяти-наследии приводит к тому, что советские писатели и их творчество приобретают новое значение в изменившемся обществе. Коммунистическая идеология перестает играть решающую роль в интерпретациях, а на первое место выходят актуальные в период СВО ценности: отвага, способность рисковать и преодолевать трудности, самопожертвование. Все эти качества проявились как в биографии, так и в творчестве луганского писателя Владислава Титова. Проследим, как эта символическая фигура представлена в сети для рядового пользователя Интернета.

В Луганске существует музей-квартира Владислава Титова, филиал музея истории и культуры Луганска. Музей-квартира открыта в 1988 году по адресу г. Луганск, кв. Гаевого, 18/62 [11]. Информация о музее-квартире на сайте «Луганский вернисаж» создана в 2012 году. Данные о музее-квартире Титова приводятся на нескольких сайтах: РуВики [13], Википедия [12], Командировка.ру [6], а также в Группе Луганска в социальной сети вконтакте [4]. Как легко убедиться, все эти ресурсы копируют старую информацию 2012 года. Никаких ссылок на более позднюю информацию в них нет. Новой информации о квартире-музее Титова времен ЛНР в сети нет.

Такая странная ситуация стала возможна из-за непонимания специфики информационных и когнитивных войн нашего времени менеджерами культуры в ЛНР, а также

в силу особенностей функционирования системы культурных учреждений на прифронтовых территориях. Информационная война ведется с помощью ярких образов и постоянного потока новостей. Недостаточно того, что музей работает с посетителями в реальной жизни. Чтобы оказывать влияние на широкую сетевую аудиторию, он должен быть представлен в сети на постоянной основе, быть генератором новостей, пространством диалога разных версий культурной памяти, причем в цифровой форме. В ЛНР же цифровизация делает только первые шаги, и как правило работает за счет труда и личной инициативы немногих энтузиастов. Сотрудники музея могут обеспечить его работу как места памяти, но их личных усилий недостаточно, чтобы музей-квартира была представлена в сети в цифровой форме как топоним культурной памяти-наследия. Для этого нужна особая инфраструктура, которая в ЛНР не создана и необходимость ее создания осознается немногими любителями литературы и культуры Луганщины. Системного подхода к процессу цифровизации культурной памяти-наследия в республике пока нет, и музей-квартира Титова является заложником этой непростой ситуации.

На сайте Луганского краеведческого музея пользователь может найти информацию о том, что Владислава Титова помнят и в Республике: новость от 10 января 2017 года рассказывает об обновлении экспозиции «Они прославили наш край», впервые открытой в 2004 году. На стендах музея представлена информация о нескольких десятках наших земляков, среди которых космонавты Г. Шонин и В. Ляхов, кинорежиссер А. Птушко, поэт М. Матусовский, а также писатель Владислав Титов. Каких-то новых данных о Титове здесь не приводится [1].

Библиотека Горького как центр литературной и научной жизни Луганщины уделяет ожидаемо большое внимание Владиславу Титову, в том числе в годы Республики и нового государственного строительства. На сайте Библиотеки в разделе «Выдающиеся деятели Луганщины» размещена биография Владислава Титова, включающая библиографию его сочинений на русском и украинском языках с 1970 по 1995 год [15].

Также на сайте Библиотеки Горького представлена информация об Областных краеведческих чтениях, посвященных 75-летию со дня рождения Владислава Титова в 2010 году, а также опубликованы материалы чтений, включающие полный текст докладов луганских ученых Т.Н. Власовой, Д. Гнутова, Т. А. Дейнегиной, Л. В. Ельшовой, Б. Г. Нагорного, К. В. Носова, В. Р. Пепенина, Я. А. Смоляренко, Л. В. Черниенко, Н. Л. Юган о жизни и творчестве Титова. В ходе чтений исследовались такие вопросы как жизненные источники романа «Проходчики», парадигма жизненного и творческого подвига Титова, индивидуальный творческий метод Титова. В сборник включены также мемуарные материалы и эссеистика [14].

Три мероприятия, касающиеся деятельности Владислава Титова, отражены на сайте Библиотеки Горького в 2024-м году: книжная экспозиция, библиотур и краеведческие студии. Книжная экспозиция «Луганск литературный» действовала в библиотеке в сентябре 2024 года, состояла из нескольких тематических разделов, в один из которых, «Они прославили наш край», включены книги В. И. Даля, В. М. Гаршина, В. А. Титова, Б. Л. Горбатова, М. Л. Матусовского, Т. В. Снежиной [7]. Библиотур «Прогулки по Луганску» в сентябре 2024 года проводился для студентов-первокурсников и включал посещение разных отделов библиотеки. О творчестве Титова посетители могли узнать в отделе абонемента [3].

Краеведческие студии «Преодоление. Мужество. Судьба» посвящены 90-летию Владислава Титова. Мероприятие состоялось 23 октября 2024 года. Людмила Ельшова, заведующая музеем-квартирой Титова, рассказала о жизненном пути писателя. Кроме того, слушатели узнали о судьбах наших современников, луганчан, которые столкнувшись с жизненными невзгодами не только не опустили руки, но и сумели достичь новых высот. Это писатель Артем Аргунов, тренер-преподаватель Оксана Головащенко, мастер спорта по пауэрлифтингу Сергей Ванюшенко, мастер спорта Екатерина Скрипица [8]. В этом

мероприятии подчеркнута другая, не писательская сторона жизни Титова, раскрыт его характер, показа вдохновляющий пример для преодоления трудностей.

Итак, информацию о Владиславе Титове пользователь Интернета может найти прежде всего в Википедии, которая ссылается на публикацию сайта «Луганский вернисаж» за 2021 год (сайт не активный и заархивированный), а также на туристических сайтах и группах о достопримечательностях Луганска, где описывается музей-квартира Владислава Титова в Луганске. Эта информация копирует довоенные украинские источники и морально устарела. В биографии Титова на первом месте стоит его общественная деятельность в СССР, подчеркивается его награда – Государственная премия СССР имени Т. Г. Шевченко (1981), нет никакой информации о месте Титова в русской литературе и в истории Донбасса, не показана актуальность его творчества в наши дни. Луганский краеведческий музей и Библиотека Горького включают Титова в списки известных луганчан и писателей, прославивших Луганщину, и сохраняют память о нем с помощью следующих коммеморативных практик: организывает выставки и экспозиции, а также предоставляет доступ к книгам Титова читателям в абонентском отделе. Библиотека Горького также организовала тематическое мероприятие, посвященное Титову не только как писателю, но и как человеку, преодолевшему инвалидность и включившемуся в полноценную творческую жизнь после катастрофы, что особенно актуально в Донбассе в период СВО.

Подводя итоги, следует заметить, что Владислав Титов представлен в сети не так полно, как этого заслуживает его творчество, его биография и его место в русской культурной памяти. Коммеморация Титова включает ряд мероприятий, при всей их важности относящихся к доцифровой книжной эпохе работы с информацией и формирования личности. Проведение круглого стола и в перспективе научных конференций, посвященных Владиславу Титову, позволит подключить к коммеморации научные и образовательные институты Луганщины, а впоследствии и других регионов Российской Федерации, начиная с Воронежской области, где родился русский писатель Владислав Титов. В условиях социокультурных трансформаций, вызванных СВО и вхождением новых регионов в состав РФ, творчество Титова и его жизненный подвиг получают новые интерпретации и смогут послужить примером жизненной позиции не только для его земляков, но и для всего Русского мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Они прославили наш край» // Луганский краеведческий музей. – URL: <https://lkm-lnr.ru/ekspozicii-i-vystavki/ekspozicii/44-oni-proslavili-nash-kray.html> (дата обращения: 30.10.2024). – Текст: электронный.
2. Андрющенко, И. А., Степанцевич, Т. В. Коммеморативные практики как механизм культурного наследования в условиях массовой культуры / И. А. Андрющенко, Т. В. Степанцевич // МедиаВектор. – 2021. – № 1. – С. 7–12.
3. Библиотур «Прогулки по Луганску» // ЛПУНБ им. М. Горького. – URL: <https://lib-lg.com/sobytiya/novosti/10541-bibliotur-progulki-po-lugansku> (дата обращения: 30.10.2024). – Текст: электронный.
4. Достопримечательности Луганска // Вконтакте. – URL: https://vk.com/wall-128431930_5073 (дата обращения: 30.10.2024). – Текст: электронный.
5. Запороженко, Г. М. Новые тенденции в области общественной памяти / Г. М. Запороженко // Гуманитарный вектор. – 2021. – Том 16, № 6. – С. 129–138. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-129-138.
6. Квартира-музей Титова // Komandirovka.ru. – URL: <https://www.komandirovka.ru/sights/lugansk/kvartira-museum-v-titova/> (дата обращения: 30.10.2024). – Текст: электронный.

7. Книжная экспозиция «Луганск литературный» // ЛРУНБ им. М. Горького. – URL: <https://lib-lg.com/sobytiya/gorkovka-rekomenduet/10483-knizhnaya-ekspozitsiya-lugansk-literaturnyj> (дата обращения: 30.10.2024). – Текст: электронный.
8. Краеведческие студии «Преодоление. Мужество. Судьба» к 90-летию В. Титова [Электронный ресурс] // ЛРУНБ им. М. Горького. – URL: <https://lib-lg.com/sobytiya/novosti/10018-kraevedcheskie-studii-preodolenie-muzhestvo-sudba-k-90-letiyu-v-titova> (дата обращения: 30.10.2024). – Текст: электронный.
9. Лурье, С. В. Об особом классе культурных феноменов. Православная культурология путем советских психологов-марксистов / С. В. Лурье // Тетради по консерватизму. 2021. № 2. С. 173–207. DOI 10.24030/24092517-2021-0-2-173-207.
10. Москвина, И. К. Политика и проблемы коммеморации в современной культуре России / И. К. Москвина // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (см. в книгах). 2008. Т. 180. С. 268–274.
11. Музей истории и культуры Луганска // Луганский вернисаж. Архивировано из оригинала 15 августа 2013 года. – URL: <https://web.archive.org/web/20130815131805/http://lgvernissage.org.ua/muzei/muzei.htm> (дата обращения: 30.10.2024). – Текст: электронный.
12. Музей-квартира Владислава Титова // Wikipedia. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Музей-квартира_Владислава_Титова (дата обращения: 30.10.2024). – Текст: электронный.
13. Музей-квартира Владислава Титова // РуВики. – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Музей-квартира_Владислава_Титова (дата обращения: 30.10.2024). – Текст: электронный.
14. Областные краеведческие чтения, посвящённые 75-летию со дня рождения Владислава Титова (2010 г.) // ЛРУНБ им. М. Горького. – URL: <https://lib-lg.com/eshchjo/kollegam/nauchno-issledovatel'skaya-deyatelnost-lrunb-im-gorkogo/129-oblastnye-kraevedcheskie-chteniya-posvyashchjonnye-75-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-vladislava-titova-2010-g> (дата обращения: 30.10.2024). – Текст: электронный.
15. Титов Владислав Андреевич // ЛРУНБ им. М. Горького. – URL: <https://lib-lg.com/eshchjo/kraevedam/vydayushchiesya-deyateli-luganshchiny/literatura/328-titov-vladislav-andreevich> (дата обращения: 30.10.2024). – Текст: электронный.
16. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; Пер. с фр. Д. Хапаевой; Науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. 328 с.
17. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

УДК 82.03

*М. Ю. Конькова,
г. Луганск*

НАРРАТИВ «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ» В КОНТЕКСТЕ ПОВЕСТИ В.А. ТИТОВА «В РОДНОЙ ЗЕМЛЕ КОРНЯМ ТЕПЛЕЕ»

Повесть В. А. Титова «В родной земле корням теплее» (1983) представляет собой эстетически яркий пример развития «деревенской прозы», литературного направления, которое было широко распространено в середине XX века. Сам писатель не соотносил сюжет повести с аспектами «деревенской прозы», при этом рассматриваемое художественное произведение В. А. Титова характеризуется любовью к родной земле, описанием традиционных для русского человека ценностей.

Для того, чтобы определить сущность элементов «деревенской прозы» в повести В. А. Титова, следует проанализировать роль рассматриваемого направления в литературном процессе XX века. Популярность «деревенской прозы» приходится на 1960-1980-е годы, что было вполне логичным при анализе социально-экономического развития советского общества. В этот период прогрессирует индустриализация, отмечается увеличение роли урбанизации в жизни граждан. Поэтому проблематика «живого» и «железного», затронутая еще в поэтическом творчестве С. А. Есенина, стала вновь возрождаться в культурном пространстве русской литературы. Среди основных нарративов «деревенской прозы» отметим следующее:

1. Пафос сохранения всего ценного в русской деревне.
2. Пантеистическое восприятие красоты природы.
3. Использование речевых средств, передающих локальный колорит деревенского быта.
4. Доминирование в повествовательных стратегиях форм народной, крестьянской морали.

Как правило, выделяется две ветви направления «деревенской прозы»:

1. Лирическая.
2. Социально-аналитическая [1, с.36].

Приведенное деление является, прежде всего, условным. Следовательно, четкое разграничение «деревенской прозы» на отдельные эстетические ответвления не представляется возможным. Скорее можно отметить, что это не структурные ветви направления, а стадии его развития: лирическая ветвь относится преимущественно к 1960-ым годам, а социально-аналитическая – к 1980-ым годам. Если опираться на представленную эстетическо-хронологическую характеристику «деревенской прозы», то повесть В. А. Титова «В родной земле корням теплее» относится к социально-аналитической форме.

По мнению Л. В. Елышовой, раскрытие сложного семантического пространства духовной ценности деревенской жизни в творчестве В. А. Титова стало возможным благодаря богатому опыту писателя, который был также связан с жизнью в сельской местности, с коммуникацией с различными слоями общества: «В. А. Титов пришел в литературу из шахты, из забоя. Школьный опыт стихосложения, позже заметка в армейской печати – вот багаж, с которым ступает он на писательскую тропку. Жизненный опыт куда богаче: детство в глубинке липецкой земли в военное лихолетье, тяжелый послевоенный быт в большой многодетной семье, крестьянский трудовой опыт, учеба в горном техникуме, прерванная трехлетней службой в армии, отточка характера в горняцкой работе. Успел он посмотреть в глаза смерти и выстоять в борьбе с нею» [3, с.29]. Таким образом, можно отметить, что к периоду созданию повести «В родной земле корням теплее» осуществляется целостное становление не только писательского таланта автора, но и его картины мира, охватывающей разные концепты жизни русского человека.

Заметим, что В. А. Титов неоднократно обращался к проблематике деревни, сохранения духовно-моральных ценностей деревенской жизни, что прослеживается на материале таких художественных произведений, как «Ковыль – трава степная», «Раненый чибис», «Сапун-гора», «Полые воды». Следует отметить, что проблематика деревенской жизни воспринимается в произведениях В. А. Титова вместе с квинтэссенцией подвигов человека – моральных и трудовых. На примере повести «В родной земле корням теплее», написанной в 1983 году, целостно реализуются итоговые размышления писателя о судьбе русской деревни, о необходимости сохранения духовных ценностей для русского человека [2, с.67].

Безусловно, в контексте повести В. А. Титова не наблюдается символического ухода и разрушения деревни, как это отмечается на примере сюжета классического образца «деревенской прозы» – повести «Прощание с Матёрой» В. Г. Распутина. В повести «В родной земле корням теплее» В. А. Титова осуществляется дискурсивное разделение персонажей на

представителей топоса города и топоса деревни. Так, Матрена Антоновна и Устин Иванович относятся к топосу деревни. Оказавшись в городе, в гостях у дочери Зинаиды, они не могут найти себе места. Постоянным лейтмотивом в их размышлениях является возвращение домой, а также выражение концепта «пространственности», под которым понимается широта русской земли. Топос города представляют Зинаида и Николай, воплощающими его духовно-нравственные законы жизни. Примечательно, что в сюжете произведения внук Максим представляет собой символический ориентир, выраженный в освоении урбанистических форм жизни, но при этом стремлении к познанию деревенского начала. Таким образом, следует отметить представление топоса деревни и урбанизации на основании выделения отдельных персонажей, что способствует расставлению основных морально-этических акцентов.

Нарратив «деревенской прозы» реализуется в сюжете повести «В родной земле корням теплее» через призму соотнесения персонажей, которые относятся к топосу деревни, с персонажами города. Для В. А. Титова важно продемонстрировать на примере повести то, что и город, и деревня являются местом для развития человека. При этом необходимо сохранять память о своем происхождении, что подчеркивается в самом названии произведения. Образ Зинаиды, дочери Матрены Антоновны и Устина Ивановича, является эмотивным выражением того, как человек может забыть всё то, что представляло для него ценность в прошлом. Так, Зинаида полностью позиционирует себя в качестве городского жителя, брезгливо отзывающегося о деревенской жизни. На примере образа Зинаиды осуществляется потеря ощущения Родины, концепции «пространственности», о которой говорит Устин Иванович. По мнению В. А. Титова, самым худшим становлением человеческой души является потеря связи человека с малой Родиной, что и демонстрируется на примере образа Зинаиды. Ее ментальная жизнь стала сосредоточенной исключительно на обыденных городских делах, утратив поэтичность восприятия жизни. В отличие от дочери, Устин Иванович крепко ощущает неразрывную связь с родной деревней, с истоками своего происхождения. Об этом говорит, прежде всего, выражение сентиментальных чувств Устина Ивановича, когда он слышит лирическую песню о степи, близкой ему сердцу:

Постелите мне степь,
Занавесьте мне окна туманом,
В изголовье повесьте
Упавшую с неба звезду [4, с.349].

Примечательным является то, что воспоминания Устина Ивановича соединяются в единый комплекс в восприятии героя, выстраивая категории его эмотивной жизни:

1. Любовь к родному краю.
2. Воспоминания о фронтовых годах.
3. Потеря сына на войне.

Таким образом, Устин Иванович представляет собой человека старшего поколения, сохранившего связь с традиционными корнями и родной землей. Автор передает через образ героя имплицитное транслирование тех ценностей, которые являются значимыми не только для деревенского жителя, но и в целом для человечества. К таким ценностям можно отнести следующее: трудолюбие, уважение к предкам, привязанность к морально-духовному наследию прошлых поколений. Так, старшее поколение, представленное Устином Ивановичем и Матреной Антоновной, изображается в повести В. А. Титова в качестве моральных ориентиров для последующих поколений.

Отметим, что в контексте повести «В родной земле корням теплее» реализуется эстетическая концепция «реалистического романтизма», выстроенной на основании того, что обыкновенный человек может быть представлен в исключительном свете в определенных жизненных обстоятельствах: раскрытие этого концепта становится возможным на соотнесении жизни героев топоса деревни с урбанистическими реалиями. Дополнение

эмотивного обрамления «реалистического романтизма» реализуется также на уровне пантеистического отношения автора к природе, что является характерным для классических традиций русской литературы. В. А. Титов ставит в приоритет жизнь живой природы над городом, который полностью «оброс асфальтом» [4, с.351]. Для писателя в сюжете повести становится важным прославление естественной жизни, красоты природы, в которой есть место «ромашковому лугу», «крику чибисов» и т.д. В таком восприятии деревенской жизни творчество В. А. Титова становится близким к таким русским писателям, как В. Распутин, А. Астафьев, В. Шукшин.

Примечательно, что основной вопрос, который ставит автор в центре сюжета повести, связан с тем, как человек относится к своим корням, к восприятию родных мест. У В. А. Титова мы можем видеть две принципиально разные точки зрения героев на привязанность к малой Родине. Так, Устин Иванович остается в постоянном состоянии неприятия городской среды. При этом это состояние выстраивается не на основании негативных коннотаций города, а на исключительно положительных чувствах по отношению к деревне, как воплощению всего хорошего и дорогого: «В груди поселилась обида и на эту темную чужую ночь, и на то, что бросила его судьба, хоть и по собственной воле, вдаль от родных мест, за сотни верст от приземистой хатенки, где в тесных стенах чувствовал себя просторней, чем в этих дочерниных хоробах» [4, с.379]. Лейтмотивом рефлексии героя является мысль о возвращении домой: «Каждый день, наблюдая сутолоку большого города, решал: завтра надо ехать» [4, с.378].

На примере семьи Зинаиды и Николая демонстрируется эмотивное непонимание между супругами. Изначально писатель подчеркивает то, что Зинаида имеет деревенское происхождение, а Николай – городское. При этом это различие никаким образом не влияло на взаимопонимание между героями. В. А. Титов подчеркивает, что Николай сохраняет связь со своими родными местами, а Зинаида – теряет. Поэтому героиня не может найти соответствия между своим прошлым и настоящим. Героиня забывает о деревенских знакомых, для нее теряет принципиальное значение состояние жизни в родных местах, о чем говорит, прежде всего, тот факт, что она не часто писала письма родителям. В контексте сюжета повести ощущается состояние потери Зинаиды чувствительности. Героиня как будто не может понимать целостно переживания родителей, их отношение и заботу к внуку, что часто приводит к пониманию с родителями: «У Матрены на глаза навернулись слезы, она сдержала их, не пустила наружу, и только частые морщинки на лбу удлинились и стали глубже. Мелко подрагивала нижняя губа, бледнели щеки. Устин редко видел жену такой. Это случилось тогда, когда ее обижали до боли в сердце, а она не хотела, чтобы эту боль видел обидчик» [4, с. 398]. В. А. Титов подчеркивает то, что самым страшным для человека является потеря связи с «родными корнями». Необходимо сохранить ощущение «пространственности», которое позволяет человеку оставаться собой. Сохранение собственных ценностей и традиций должно превалировать в сознании человека, в его картине мира. Если обратиться к анализу образа Зинаиды, то становится понятным, что и ранее героиня не понимала всю ценность деревенской жизни, которая была дорогой для ее родителей: «Материнской радости не было границ, когда Зинушка приехала домой на каникулы. Матрена не сводила с нее слезящихся от счастья глаз, не знала, где посадить, чем потчевать. К домашней работе не подпускала, да дочь не больно и рвалась к ней» [4, с. 401]. Не испытывая тяги к труду, любви к родным, деревенским местам Зинаида нашла отклик в городе, где могла получать нужные ей материальные ценности, участвовать в светских беседах и т. д.

Следует отметить, что основной эмотивный смысл повести «В родной земле корням теплее» целостно раскрывается в финальных эпизодах произведения. Устин Иванович и Матрена Антоновна постоянно думают о возвращении домой, о том, как живут их соседи. Примечательно, что здесь принципиально важным является понимание общности жизни в деревне, когда каждый человек несет ответственность друг за друга в противовес жизни в

городе, когда все люди живут исключительно на категориях эгоцентричности. Когда Устин Иванович получает телеграмму с новостью о смерти соседа, то он не может найти себе места. Зинаида не понимает расстройств родителей, подчеркивая, что сосед не является родным человеком: «Я-то думала, я-то думала... А они – сосед. Сказано: что стар, что мал» [4, с.404]. Переживание родителей воспринимаются Зинаидой в качестве странности, непонятной ей. Такого же мнения придерживаются и гости Зинаиды, исконные городские жители: «Зачем вы, Устин Иванович, так убиваетесь по чужому человеку? Мало ли людей мрут, гибнут. Сотни, тысячи... Всех не оплачешь. Успокойтесь, Матрена Антоновна. У меня на лестничной клетке четыре квартиры, и вы думаете, я всех соседей знаю? Ну, знаю одного-двух, а с остальными встречаюсь на улице – не узнаю» [4, с. 408].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что нарратив «деревенской прозы» в повести В. А. Титова раскрывается на уровне эмотивных мотивов, связанных с раскрытием общечеловеческих ценностей и близких русскому человеку традиций. В сюжете повести В. А. Титова ключевое место занимает анализ темы связи человека и природы. Лейтмотив художественного произведения заключается в утверждении ценности самоидентификации человека, недопустимости разрыва с родными корнями.

Одной из ключевых черт «деревенской прозы» является выстраивание сюжета на описании детализированных сцен из сельской жизни, иллюстрируемые при помощи ретроспекции. Примечательно, что ретроспективные картины жизни в деревне проникнуты душевными переживаниями и состоянием единения с природой. Элементы описания сельской жизни представляют собой не только фон для повествования, но и важной частью нарратива, позволяющего раскрывать глубину раскрытия характера персонажей. В. А. Титов использует элементы идеализации деревенской жизни. По мнению автора, в природной простоте и трудолюбии заключается истина, гармоничное отношение человека к окружающему миру, что подчеркивается в самом заглавии повести.

Таким образом, В. А. Титов в произведении «В родной земле корням теплее» реализуется эстетическая трансформация основ «деревенской прозы», образного воплощения проблематики семейных ценностей и отношений между разными поколениями. Содержание повести В. А. Титова является высоко художественным и эмоциональным, раскрывающим большое количество концептов, характерных для ментальной жизни русского человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байбородин, А. Г. Деревенская проза: истоки и судьба / А. Г. Байбородин // Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории: Материалы III Международной научно-практической конференции, Краснодар, 17–18 мая 2019 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. – С. 7-14.
2. Зайцева, И. П. Эстетически мотивированное осмысление региональных лингвокультурных особенностей в повести В.А. Титова "Всем смертям назло" / И. П. Зайцева // Лингворегионоведение в восточнославянском пограничье: российско-белорусский локус: сборник научных статей. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. – С. 77-83.
3. Ельшова Л. В. Воплотить в своем творчестве время... // Высота Владислава Титова. – Луганск: Изд-во ЛОУНБ, 2010. – 64 с. – С.28 – 40. ISBN 978-966-1589-36-9. — Текст: непосредственный
4. Титов В.А. Грезы старого парка: Повести / Сост. Р. П. Титова; Вступ. ст. М. Ф. Слабошпицкого. – К.: Рад. п'исьм'янык, 1988. – 552 с. ISBN-5-333-00087-5. – Текст: непосредственный.

**СТИЛИСТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В РАССКАЗЕ В. ТИТОВА
«САПУН-ГОРА»**

Изучение языка произведений советской эпохи в лице общественно значимых представителей помогает понять ведущие тенденции развития как литературного языка, так и языка художественного произведения. По мнению Л. А. Исаевой, особенность художественного стиля речи заключается в выполнении образно-познавательной и идейно-эстетической функции [5, с. 94]. В произведениях авторы передают личный опыт и отношение к миру, важную роль при написании поэтических или прозаических сочинений играют характерные черты стиля: эмоциональность, экспрессивность, наглядность, многозначительность, использование тропов в художественной речи.

Языку художественной литературы присущ синкретичный характер состава, или набора, языковых средств литературного языка с точки зрения их стилевой принадлежности, экспрессивно-стилистических признаков [8, с. 325]. С одной стороны, содержание литературного языка может включать в себя нелитературные элементы: просторечие, диалектизмы, жаргонизмы, окказионализмы, иноязычные вкрапления. С другой – все, используемые автором языковые средства, приемы должны быть понятны читателю не только в коммуникативном, но и эстетическом аспектах.

Особую роль в произведениях выполняют разнообразные группы так называемой «сниженной» лексики: разговорной, просторечной, и лексики, ограниченной по сфере использования: диалектной, жаргонной. Например, при помощи разговорной и просторечной лексики автор передает языковые особенности речи героев, манеру общения, что позволяет создавать наиболее достоверные образы, акцентирует внимание читателя на внутреннем состоянии говорящего, передает колорит описываемой эпохи, местности и т. д. [1, с. 80–82]. В произведениях В. А. Титова особенно ярко представлена разговорная и просторечная лексика.

Разговорная и просторечная лексика находятся в постоянном взаимодействии, часто их разграничение затруднено, поэтому в справочной литературе нашел отражение термин разговорно-просторечная лексика. Она формирует общее понятие «разговорности», прежде всего, связанное с явлением «прозаизации» художественной литературы. Этот фактор проявляется в простоте речевых средств (бытовые понятия и конкретные действия), отсутствии тропов, конкретности изображаемых событий, явлений, послуживших основой авторского переживания.

В произведениях В. А. Титов стремится представить читателю все то, что видит и слышит, выразить свое восприятие и отношение. «Есть писатели необычных, особенных судеб, особенно емко, полно воплощающие в своем творчестве время, в которое живут, ... лучшие черты современников, с которыми работают, общаются. К таким писателям относится наш земляк, прозаик, лауреат Государственной премии УССР им Т. Г. Шевченко Владислав Титов», – писал Г. С. Довнар в преддверии 50-летия Титова [4, с. 5].

В качестве материала исследования нами выбран рассказ Владислава Титова «Сапун-гора» (1968), в котором рассказывается о сельском парне Петре Малыхин, идущем на Сапун-гору, спустя двадцать пять лет после окончания войны, искать могилу старшего брата Николая, который погиб во время войны в Севастополе, не дожив всего лишь месяц до двадцатилетия.

Из рассказа выбраны более 30 лексических единиц (ЛЕ), которые мы разделили на группы в зависимости от их частеречной принадлежности.

1. Имена существительные.

1.1. Имена собственные:

– неофициальные формы имен персонажей, отмеченные различной коннотацией. Так, например, фамильярность проявляется в использовании различных вариантов имен в условиях непринужденного общения:

«Двадцать пять... Толику уже пятнадцать. Он зовет меня дядей. Но это так, для порядка. Маме приятней. Племянников у меня не будет. Верка ждала...» [3, с. 524];

Тучный мужчина в белом развевающемся кителе, поддерживая рукой живот, бежал к нам.

– *Боже мой, Гришка?!* [3, с. 525];

«Говорят, есть зов крови.... Почему было так? Почему Витька бросился с канатом в руке под лед, чтобы спасти тонущий колхозный трактор? Ведь накануне его похабно изругал сам председатель колхоза... <...> Тот же Витька, будь он жив, сказал бы мне: «Чудак, иди к парторгу, он объяснит. У него все по полочкам» [3, с. 525];

Подошел к нему... Насте, говорит, напиши и часы Володьке... и все... –Иван помолчал и развел руками: мол, а что ж еще, война была [3, с. 526];

– ласкательные имена, как правило, передают отношения теплоты, симпатии, любви, дружбы. Для их образования используются суффиксы -очк- (-ечк), -оньк- (-еньк-) и другие:

Мать на минуту умолкала, отрешенно смотрела в угол, на мерцающие в свете лампадки лики святых, мотала растрепанными волосами и, неловко хлясь на бок, глухо вскрикивала:

– *Колюшка, детиночка ты моя!* [3, с. 523];

«Двадцать пять... Толику уже пятнадцать. Он зовет меня дядей. Но это так, для порядка. Маме приятней. Племянников у меня не будет. Верка ждала...» [3, с. 524];

Она прибежала к маме под вечер. Радостная, сияющая. Письмо от Коли получила. «Верочка! Бьем фрица. Впереди Севастополь! Скоро окончательная победа. Жди меня, ласточка моя сизокрылая» [3, с. 525];

– *Петенька, прости меня, прости меня, Петенька,* – всхлинула Верка, упала на колени, обхватила мои ноги [3, с. 530];

В пятом классе вот эти деревья сажали, а сегодня вот... аттестаты зрелости... Послезавтра Гена и Стасик уедут... [3, с. 531];

– кличка животного (собаки), образованная при помощи ласкательного суффикса -ушк-:

– *Полканушка...* – хрипло, нараспев проговорила она и безвольно опустила руки на его голову. – *Зачем ты сегодня так зло лаял на меня?* [3, с. 530].

1.2. Наричательные имена существительные. В рассказе разговорные и просторечные лексемы используются в различных целях.

1.2.1. Портретная характеристика персонажа:

верзила, разг. ‘об очень высоком человеке’ [2, с. 119]:

– *В-в-выключи!* – заикаясь, крикнул он.

Патлатый верзила перестал шмыгать ногами.

– *Тебе чего, дядя?*

– *Я г-говорю – в-в-выключи или изобью каа-ак ска-а-а-тину!* [3, с. 529];

Парни остановились и выключили транзистор. С минуту молчали. Потом все трое повернулись и пошли прочь. Верзила оглянулся:

– *Ври, дядя! В то время и джазов-то не было!*

«Вот она, пуповина. Тронь ее – болит. Неужели у этих ребят ее нет? Или она где-то глубже?» [3, с. 529];

ровня, разг. ‘человек, равного другому по каким-либо признакам’ [7]:

Гырманист... Лучшие бы Митрия позвали. Безотказный мужик. А уж играет... не ровня этому забубенному [3, с. 528].

1.2.2. Номинация лиц:

бабка, разг. сниж. ' = бабушка ' [2, с. 54]:

*Пришла **бабка** Матрена. Молча положила на стол четыре картошки, испеченную свеклу и, смахнув передником слезу, ушла* [3, с. 523];

– *Ишь, хромой черт, назююкался!* – беззлобно ворчала **бабка** Матрена, хлопоча у изголовья больной мамы [3, с. 528];

мужик, прост. 'мужчина' [7]:

– *Ишо стакан и спать хряснется. Гырманист... Лучшие бы Митрия позвали. Безотказный **мужик*** [3, с. 528];

мальчуган, разг. 'ласк. к мальчик' [9, с. 285]:

– *Мама, а на танках нас покатают?* – тянулся к уху матери курносый **мальчуган** [3, с. 530];

*Я уходил с Сапун-горы. Я не нашел того места, где упал мой брат. Впереди меня, смешно косолапя, шествовал **мальчуган*** [3, с. 531].

1.2.3. Наименование документа, используемого для передачи информации:

похоронка, прост. 'официальное извещение родным о гибели военнослужащего' [6, с. 1332]:

*Полкан вздрогнул и отбежал в сторону. Верка торопливо взяла «**похоронку**» и сверила даты. Письмо было отправлено одним днем раньше* [3, с. 525]. Слово **похоронка** образовано с помощью суффикса -ка-, который обозначает результат действия.

1.2.4. Соматизм:

пятерня, разг. 'пять пальцев руки вместе с ладонью' [7]:

– *Ребята! Гена и Стасик уходят в армию, надо же, а... – Он замолчал, **пятерней** расчесал густую копну волос и обвел взглядом своих сверстников* [3, с. 530].

2. Глаголы. Среди различных классификаций глагола выделяют семантическую, которую, на наш взгляд, целесообразно использовать для разграничения ЛЕ, употребленных автором в художественном тексте.

2.1. Глаголы действия, деятельности.

2.1.1. Глаголы звучания, обозначающие издание каких-либо звуков, шумов при помощи голосового аппарата:

хныкать, разг. 'плакать, издавая монотонные негромкие звуки' [2, с. 1447]:

Я спрыгнул с лавки и лег рядом с матерью. Она каталась по полу и, всхлипывая, дрожала.

– *Мам, не надо, мам...* – **хныкал** я, а потом ударил Полкана по морде и заревел [3, с. 523];

ныть, разг. 'издавать тягучие, жалобные звуки' [7]:

На гумне скулил Полкан, за печкой отрывисто свиристел сверчок.

– *Мам, пошли спать, – **ныл** я* [3, с. 523]. Глаголы действия в художественном тексте использованы автором для раскрытия образа персонажа перед читателем: изображая героя, В. Титов не только создает реальный образ, но и пытается проникнуть в психологию, внутренний мир описываемого. С помощью приведенных лексем писатель придает динамизм описанию, создавая при этом энергию и напряженность повествования.

2.1.2. Глагол движения:

шмыгать, разг. 'двигаться шаркающей походкой' [6, с. 2261]:

*Где-то рядом взвизнула джазовая музыка. Джаз резал слух и казался кощунственным. Трое парней в расклешенных брюках, приплясывая, **шмыгали** туфлями по асфальту* [3, с. 529].

2.1.3. Глаголы физиологического действия, обозначающие деятельность человека с биологической точки зрения (потребность в еде, питье, воздухе и др.):

нализаться, грубо-прост. 'напиться пьяным' [7]:

– *Слушай, парень, ты хоть под ноги смотри!*

– Простите, пожалуйста.

– *Хоть бы сюда пьяными не ходили! Налижутся, понимаешь!.. Ну и молодежь пошла!* [3, с. 527];

назююкаться, грубо-прост. ‘напиться пьяным’ [7]:

– *Ишь, хромой черт, назююкался! – беззлобно ворчала бабка Матрена, хлопоча у изголовья больной мамы* [3, с. 528].

2.1.4. Глагол речевой деятельности:

горланить, разг.-сниж. ‘говорить, кричать или петь слишком громко, во все горло’ [2, с. 220]:

Полкан бросился вслед, и, зло лая, обогнал тройку. На следующей подводе горланили песни, и дядя Гриша во все плечо рвал свою трехрядку [3, с. 528]. Эта глагольная лексема, определяющая акустико-физиологическую сторону речи, в тексте экспрессивно характеризует поведение персонажей.

2.1.5. Глаголы физического воздействия на объект (нередко разрушительного):

колотить, разг. ‘бить, наносить побои’ [6, с. 697], **влететь**, разг. ‘попасть, достаться (за какую-л. вину, проступок)’ [7]:

Меня били, колотили, / Резали, как борова, / За тебя, моя подружка, / Мне влетело здорово! [3, с. 528].

3. Имена прилагательные:

жиденькая, разг. ‘ласк. к прил. жидкий’ [7]:

Мать увидела почтальона в соседнем переулке, прижала меня к себе и стала нервно расплетать жиденькую русую косу [3, с. 530];

забубенный, прост. ‘бесшабашный, удалой, разгульный’ [7]:

Лучше бы Митрия позвали. Безотказный мужик. А уж играет... не ровня этому забубенному [3, с. 528];

патлатый, прост. ‘с патлами; косматый’ [7]:

– *В-в-выключи! – заикаясь, крикнул он.*

Патлатый верзила перестал шмыгать ногами [3, с. 529].

Таким образом, имена прилагательные в тексте рассказа «Сапун-гора» использованы для создания портретных характеристик и описания характера персонажей.

4. Наречие:

здорово, прост. ‘очень, сильно’ [7]:

Меня били, колотили, / Резали, как борова, / За тебя, моя подружка, / Мне влетело здорово! [3, с. 528]. ЛЕ используется для придания выразительности повествованию.

5. Частица:

ишь, прост. ‘употребляется для выражения удивления, недовольства, негодования’ [7]:

– *Ишь, хромой черт, назююкался! – беззлобно ворчала бабка Матрена, хлопоча у изголовья больной мамы* [3, с. 528]. В. Титов вводит в «канву» повествования просторечную частицу *ишь* для выражения недовольства, негодования сложившейся ситуацией, придания экспрессивности речевой характеристике.

Таким образом, лексемы в тексте рассказа «Сапун-гора» выполняют характеризующую и экспрессивную функцию, которые часто совмещаются в словах автора и персонажа, участвуют в коммуникативной ситуации; использование стилистически маркированной лексики повышает экспрессию, оценочность, что позволяет автору выразить свое отношение к содержанию речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева, Г. А. Стилистически маркированная (окрашенная) лексика в произведениях Г. Щербаковой / Г. А. Авдеева // Уральский филологический вестник. Язык.

Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2013. – № 3. – С. 79–92. – Текст : непосредственный.

2. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с. – 8000 экз. – ISBN 5-7711-0015-3. – Текст : непосредственный.

3. Владислав Титов. Собрание сочинений / сост. Т. Н. Власова, Л. В. Ельшова. – Луганск : ООО «Виртуальная реальность», 2010. – 600 с. – ISBN 978-966-492-168-5; ISBN 978-966-492-170-8. – Текст : непосредственный.

4. Довнар, Г. С. Всем смертям назло... / Г. С. Довнар // Ворошиловградская правда. – 1984. – С. 5–8. – Текст : непосредственный.

5. Исаева, Л. А. Языковые особенности рассказов М. М. Зощенко // Л. А. Исаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7 (61). – С. 93–96. Текст : непосредственный.

6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва: Азъ, 1994. – 2314 с.; 27 см.; ISBN 5-85632-007-7. – Текст : непосредственный.

7. Словарь русского языка : в 4-х т. – Текст : электронный / РАН, Ин-т лингвист. исслед.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 26.10.2024).

8. Стилистика и литературное редактирование: учебник / под ред. проф. В. И. Максимова. – Москва: Гардарики, 2007. – 656 с. – ISBN 5-8297-0146-4. – Текст : непосредственный.

9. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – Москва: Аделант, 2013. – 800 с. – ISBN 978-5-93642-345-1. – Текст : непосредственный.

УДК 821.161.1-31:808.5

А. Р. Лепихова,

А. В. Малахова,

В. А. Малиюкина

Научный руководитель –

И. П. Зайцева

г. Луганск

ПЕРСОНАЖ ПРОЗАИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В РЕЧЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ

(на материале повести В.А. Титова «Ковыль – трава степная»)

Художественное прозаическое произведение представляет собой одну из разновидностей словесно-художественного творчества, которая принадлежит к одному из трёх литературных родов – эпическому. В нём действительность, осваиваемая автором-писателем с позиций присущей ему концептуально-эстетической точки зрения, предстаёт перед читателем в *художественно преобразованной* форме. «Наиболее крупные единицы словесно-художественного мира – персонажи, составляющие систему, и события, из которых слагаются сюжеты. Мир включает в себя то, что правомерно назвать *компонентами* изобразительности (художественной предметности): акты поведения персонажей, черты их наружности (портреты), явления психики, а также факты окружающего людей бытия (вещи, часто подаваемые в рамках интерьеров; картины природы – пейзажи). При этом художественно запечатлеваемая предметность предстаёт и как обозначенное словами внесловесное бытие, и как **речевая деятельность в виде кому-то принадлежащих**

высказываний, монологов и диалогов» (выделено нами. – А. Л., А. М., В. М.) [4, с. 176]. Как следует из приведённого мнения, принадлежащего одному из авторитетных отечественных филологов В.Е. Хализеву, анализ речевой деятельности выведенных в художественном произведении героев (персонажей) является фактором, учёт которого весьма важен для понимания заложенного в словесно-художественной структуре содержания. Это, соответственно, определяет **актуальность** анализа такого характера в рамках проблематики стилистики художественной речи – раздела языкознания, исследующего особенности последней – и некоторых междисциплинарных научных областей с очевидным филологическим компонентом (психолингвистика, коммуникативная стилистика художественного текста и ряд других).

Цель данной публикации – выявление и систематизация форм речевой деятельности, в которых проявляет себя главный герой повести В.А. Титова «Ковыль – трава степная» – Евгений Кудряшов, с последующей их интерпретацией с позиций значимости для раскрытия внутреннего мира персонажа.

Материал и методы исследования. Материалом в данном случае послужил текст одной из глав повести В.А. Титова «Ковыль – трава степная», вышедшей в свет в 1975 году – главы «Чайка», в которой описываются детские годы главного героя повести. Для проведения исследования использовались как **общенаучные** методы: *наблюдения, сопоставления, систематизации и обобщения*; так и **специальные филологические** методы: метод *контекстуального анализа* и *интерпретационный метод*.

Результаты и их обсуждение. В творческом наследии Владислава Андреевича Титова – одного из представителей русской советской прозы второй половины минувшего столетия – повесть «Ковыль – трава степная» занимает довольно заметное место. В одной из аннотаций к книге, в которую вошли два произведения писателя – его самое известное произведение повесть «Всем смертям назло...» и интересующая нас в данном случае повесть, о последней сказано: « ... *Повесть «Ковыль – трава степная» также посвящена нашим современникам, их мужеству и высокой нравственной красоте*» [1]. Ещё в одном сборнике произведений писателя, включающем повесть «Ковыль – трава степная», также в аннотации находим: « ... *В таких произведениях, как «Ковыль – трава степная», «Раздел», «Полые воды», «Раненый чибис», писатель прикоснулся к сокровенным нравственным глубинам народной жизни, создавая удивительные по своей цельности и человеческой красоте характеры рядовых людей нашего времени*» [2]. Таким образом, даже познакомившись лишь с лаконичными сведениями, содержащимися в аннотациях, можно предположить, что в повести «Ковыль – трава степная» существенное внимание автор уделяет изображению внутреннего мира персонажей, поскольку иным образом изобразить нравственные проблемы довольно сложно, если вообще не невозможно.

Главный герой повести В. А. Титова, Евгений Кудряшов, показан автором в разные периоды его жизни, которые в разворачивающемся в произведении действии изображаются не последовательно (от детства – к юности, затем – к возрасту взрослого человека), а с явным композиционным «нарушением». В первой главе повести – «Волчий лог» перед нами взрослый человек: уже состоявшийся в профессии, имеющий семью – жену и дочь; человек, который пытается разобраться в возникшими у него в семье проблемах и едет к себе на родину навестить мать с надеждой, что места, где он провёл детство, как-то ему в этом помогут.

Во второй главе повести – «Чайка», которая и послужила в данном случае материалом исследования, изображено детство главного героя, когда его, ученика младших классов, все звали Женей или Женькой (*Чайка* – кличка лошади, ставшей для Женьки самым близким другом, гибель которой ему тоже пришлось пережить). Впрочем, из текста повести становится очевидно, что проблем у Женьки было ничуть не меньше, чем у взрослого Евгения Кудряшова, и размышлять над их решением ему часто приходилось «по-взрослому».

Речевые проявления Жени Кудряшова занимают в прозаическом повествовании довольно значимое место; при этом они отличаются разнообразием и могут быть объединены в несколько групп: 1) *высказывания, обращённые к Чайке*; 2) *диалоги с другими персонажами* – в основном, с матерью; 3) *мысли, оформленные как конструкции с внутренней речью*.

Остановимся на более подробном рассмотрении каждой из выделенных групп.

Значительную часть текстового пространства главы «Чайка» занимают высказывания Жени, обращённые к лошади Чайке, с которой он очень сблизился во время летних каникул, будучи табунщиком, а по наступлении осени вынужден был разлучиться: *«Целое лето нас он колхозный табун, вольной птицей летал по степи на быстроногой Чайке, и вот... Наступил сентябрь, звякнул школьный звонок, и жизнь Женьки стала похожа на какой-то кошмарный сон. Он пошёл в четвёртый класс, а его место у табуна занял Колька Кащей»* [3, с. 139]⁷. Далее приводятся наиболее показательные фрагменты общения Жени с Чайкой.

1) «– *Что ты, глупая!* – ласково сказал он. – *Чего испугалась? Разве я обижу тебя? Болит ножка, да?*

И Чайка успокоилась. Смирно лежала на боку, смотрела на Женьку фиолетовым глазом, и ему показалось, что лошадь поняла его слова. Глаз был большим и очень грустным. Мальчишке как-то сразу до слёз стало жаль животное. Спотыкаясь, снимая на ходу фуражку, он побежал по степи и, увидев Поляну с густой травой, упал на колени.

– *Сейчас, сейчас я накормлю тебя. Потерпи ещё капельку!* – бормотал он, торопливо наполняя фуражку кормом» (с. 141);

2) «Но лошадь, к его величайшему удивлению, при виде корма нетерпеливо фыркнула и отвернулась.

– *Ты чего?* – обиделся Женька.

Чайка повернула голову и, оскалив зубы, заржала.

– *Вот ещё!* – испуганно отпрянул он в сторону» (с. 142);

3) «Женька открывает глаза, и в мутном сереющем рассвете ему чудится степь, пронзительно свистят суслики, трубно ржут лошади, он стремительно мчится на Чайке и чувствует, как набегающая струя воздуха упруго пузырит рубаху.

– *Чаячка!* – нежно, почти про себя шепчет Женька, и губы его тянутся в улыбку.

Смешно! В тот первый день он и клички-то её не знал. Это уж потом сам придумал. Да и вся она была не такой, какой стала теперь.» (с. 141);

4) «Степь звенела птичьими голосами, айкалась сытым гогом лошадей, резвящихся на лугах, а он сидел рядом с Чайкой и, чуть не плача, уговаривал ее:

– *Ну чего ж тебе, хорошая моя?.. Хочешь, я хлеба принесу? У нас его, правда, нет, но я займу. Хочешь? Что же мне делать с тобой?»* (с. 142);

5) «– *Чайка!* – Мальчик подпрыгнул от радости. – *Уррррр-а! Чайка встала!* – вопил он в диком восторге и вприпрыжку мчался к ней навстречу.

Лошадь тихо ржала, прижимая уши, кружилась вокруг своего спасителя и терлась о его голову изогнутой шершавой шеей. Женька впервые видел Чайку в полный рост. Он сразу же отметил, что она не такая, как остальные кони в его табуне. Было в ней что-то удалое, и у него так и зачесались руки от желания сжать саблю и со свистом взмахнуть ею над головой.» (с. 147).

В приведённых фрагментах автором образно и выразительно раскрыта суть отношений, связывающих мальчика Женю и его лошадь Чайку, которые и являются центральной темой повествования в данной главе повести. Эти отношения иллюстрируют не только очевидную привязанность мальчика к животному, но и их дружбу во всей её многогранности. Так, Женя – как правило, из-за своей неопытности, детской наивности и других, характерных для его возраста, особенностей – не всегда понимает, что выражает, «хочет сказать» ему Чайка

⁷ Здесь и далее текст повести «Ковыль – трава степная» цитируется по изданию, указанному в списке литературы: [3]. Далее в скобках указывается только страница по этому изданию.

своими действиями, движениями – иногда даже весьма болезненными для него. И тем не менее в этих отношениях воплощена глубокая, полностью захватившая десятилетнего мальчика любовь к животному, которая по степени заботы о своём друге, по сопровождающим это чувство различным эмоциям, по искренности вполне может сравниться с человеческими отношениями.

И, конечно, способность мальчика испытывать такие чувства, проявлять их – залог того, что и став взрослым, он не утратит способности по-настоящему дружить и любить, сопереживать и стремится понять всех, с кем ему придётся общаться, выстраивать отношения, создавать семью.

Во вторую группу целесообразно объединить *диалоги Жени с другими персонажами* – в основном, с матерью; далее приводятся фрагменты такого характера.

1) «Женька вспомнил, какой захудалой стала Чайка, как жалобно горел её фиолетовый глаз, и тихо всхлипнул.

– Ты чего, Жень? – проснулась мать.

Голос матери был сонный и такой ласковый, что Женька не выдержал и заплакал.

– Иди ко мне, сынок, – позвала она.

Шлёпая босыми ногами по полу, Женька подошёл к её кровати и, шмыгая носом, юркнул под одеяло. Почувствовав рядом мать, он успокоился.

– Тебе сон плохой приснился? – спрашивает она и гладит его по голове.

– У него... у него проволока на конце! – вновь всхлипывает Женька и всем телом прижимается к матери, словно прячется от режущего удара Кашеева кнута.

– Какая проволока? – недоумевает мать.

– За что он бьёт их? Кашей проклятый! И Чайку... Им же больно! – захлёбываясь слезами, вскрикивает он.

– И-и-и-их... глупенький! – обо всём догадавшись, утешает мать. – Опять ты за своё. Нашёл о чём тужить! Скоро зима, лошадей загонят в конюшню, и никто их там не ударит. Хочешь лыжи? Завтра пойдём и купим. А там новое лето не за горами. Кому же, как не тебе, табун пасти...» (с. 140);

2) «– Что с тобой, Жень? – всполошилась мать, щупая лоб сына. – Небось захворал? Ой, и придумает же Иван Ильич – дитё на работу! Вот окаянный! А я-то, дура старая, отпустила... Сынок, хлебца хочешь? Я займу у Митревны.

– Мам, я не хворый! – недовольно сморщил нос сын.

– А почему не ужинаешь?

– Так... не хочется... Неполадки у меня на работе.

– Какие такие неполадки? – охнула мать.

– Лошадь ничего не ест. Вчера ела, а сегодня... Я ей то, сё, а она только ржёт и смотрит на меня. Жалость берёт. Ноги у неё болят. Лежит она.

– А ты поил её, горе-табунщик?

– Как «поил»? – подскочил на стуле Женька.

– Водичкой! Сам-то небось каждый день пьёшь! – улыбнулась мать.

– Ой, мамочка, какая же ты у меня умная!

И не успела мать оглянуться, как сын, схватив пустое ведро, пулей выскочил на улицу» (с. 142-143);

3) «– Мам, а Иван Ильич будет ругать, если узнает, что я овёс на колхозном поле рву? – спрашивает вдруг Женька.

– Влетит как миленькому, – отвечает мать.

– Не-е-е, – смеясь, тянет Женька. – Он меня лю-у-у-бит.

– Кто тебе сказал? С чего ты взял? Не смей так говорить! – кричит Екатерина Ивановна и порывисто вскакивает из-за стола.

Сын не понимает неожиданного взрыва матери. Он ещё многого не знает о её жизни, о её трудной вдовьей судьбе. Придёт время, когда Женька обо всём узнает и всё поймёт. И только тогда тепло, по-сыновьи, приласкает и пожалеет. А пока он устал, хочет спать, и ему некогда задумываться над странным поведением матери» (с. 146).

В диалогах между Женей и его матерью, Екатериной Ивановной, отражен широкий диапазон чувств и эмоциональных состояний, которые испытывают оба коммуниканта. Это, безусловно, глубокая симпатия, нежность, которую каждый из них, как и должно матери и сыну, испытывает к другому, что, в частности, проявляется в их обращении друг к другу: *сын, мамочка*, – а также в том, как очень мягко, с любовью, Екатерина Ивановна не ругает, а слегка журит сына за его проступки: – *А ты поил её, горе-табунищик?*; – *Сам-то небось каждый день пьёшь!* (улыбнулась мать); – *Влетит как миленькому* и т. п.

Хотя иногда мать отвечает ему, с точки зрения Жени, неоправданно жёстко, с явной суровостью. Это иллюстрируют третий из приведённых фрагментов, где упоминается Иван Ильич, о сложных отношениях которого с Екатериной Ивановной Женя пока ничего определённого не знает (авторский комментарий, сопровождающий этот диалог, – своего рода «подсказка» для адресата / читателя, которая проясняет «странное», по мнению Женьки поведение матери).

Существенную роль в раскрытии образа персонажа литературного произведения всегда играет его высказывания, представляющие *конструкции с внутренней речью*, которые также присутствуют в речевом портрете Жени Кудряшова:

1) «Он представил, как к нему опять придёт председатель колхоза Иван Ильич, поздоровается за руку, вытрет белым картузом потный лоб: *«Такое дело, Евгений... Понимаешь, помощь твоя требуется артели...»*

И начнёт, как со взрослым, рассуждать о колхозных делах. О том, что просо не прополот, а там, понимаешь, сенокос на носу, и дождей нет, и людей не хватает, а его, Женькины трудодни, заработанные на пастьбе коней, не помешают дому, а, наоборот, будут крепкой подмогой маме, которая одна-то и так заматалась... И Женька конечно же, польщённый таким доверием, с радостью согласится пасти табун, побежит к матери, а у той почему-то навернутся на глаза слезы, и она, вытирая их, непохожим голосом скажет: *«Кормилец ты мой... Неужто дождалась?..»*

У Женьки заскребёт в горле, дёрнется нижняя губа, но плакать ему совсем не хочется. Его ждёт табун...» (с. 141).

2) «Передав табун ночному сторожу, домой возвращался грустным и задумчивым. *«Наверное, не могу я ухаживать за конями. Подхода какого-то не знаю»* – терзал он себя» (с. 142);

3) «На краю села твякнула собака, в ответ ей ещё одна, потом промычала корова, и вновь всё стихло. Женька со страхом оглянулся: *«Может, утром надойти?»* За селом криво полоснул небо метеор. Звёзды на миг поблекли и замигали холодным светом, будто глаза голодной волчьей стаи. *«Утром даже лучше. Зачем её будить сейчас?»* – Мальчик втянул голову в плечи. – *А если у неё во рту пересохло? Язык к небу прилип?* – Он поёжился. – *Прошлой зимой тётке Авдотье в степи волк встретился... Так то ж зимой! Дядя Миша про колдунов рассказывал. Колдуны эти всегда, и зимой и летом... Вода от Чайки недалеко. Метров пятьдесят... а может, сто...»*.

Далеко в ночи взметнулось пламя костра, высветило причудливые фигуры лошадей и погасло. *«Табун перегнали на другое место, – определил по костру Женька. – А Чайка одна теперь... И чего дядька Мишка гоняет их с места на место?»* – с недовольством заключил он, чувствуя, как в груди его что-то сжимается, словно хочет спрятаться, а ноги сами, против воли, тянут назад, к приветливым огонькам села» (с. 143);

4) «– Глупенький ты ещё у меня, – журит его мать. – На зиму что ж, тулупы лошадям шить будешь?

Сын молчит. *«И действительно, – думает он, – зимой-то лошадей ничем не укрывают»* (с. 146).

Все приведённые фрагменты, в которые включены размышления десятилетнего Жени, не являются «чистыми» конструкциями с внутренней речью: последние либо включаются в авторское повествование, либо сочетаются с реально произносимыми другими персонажами репликами. Вероятно, автор в этих случаях учитывает возраст субъекта, которому принадлежит внутренняя речь – для десятилетнего мальчика пространные монологи выглядели бы несколько неестественно.

В мыслях, которые приходят в голову Женьке, отражается довольно обширная гамма волнующих его проблем, переживаемых им чувств, а иногда – и надежд на своего рода признание взрослыми его значимости (как, например, в воображаемом им диалоге с Иваном Ильичом, где Женя прогнозирует не только, какой будет речь председателя, но и то, что скажет, расчувствовавшись, присутствующая при этом разговоре мать).

В его размышлениях «про себя» немало сомнений по поводу собственной состоятельности (*Наверное, не могу я ухаживать за конями. Подхода какого-то не знаю*); в них нередко включаются не высказанные в реальности вопросы и претензии к многим взрослым, с которыми приходится иметь дело (*И чего дядька Мишка гоняет их с места на место?*), а иногда – отсылки к тому, что случилось с его односельчанами (например, воспоминание о встрече с волком тётки Авдотьи), и, конечно же, постоянные раздумья о Чайке – его лучшему в описываемый период жизни другу.

Сведения, которые содержатся во внутренней речи десятилетнего Евгения Кудряшова, вне всякого сомнения, позволяют гораздо лучше понять и его взрослые поступки, полнее и разностороннее представить внутренний мир этого персонажа.

Заключение. Таким образом, речевой портрет персонажа главы «Чайка» повести В. А. Титова «Ковыль – трава степная» – десятилетнего Евгения Кудряшова, который вначале (в предыдущей главе) предстаёт перед адресатом / читателем взрослым состоявшимся в жизни человеком, создаётся автором в результате привлечения весьма широкого диапазона конструкций, в которые заключаются речевые проявления героев литературных произведений. В данном случае рассмотрены наиболее частотные для анализируемого произведения способы оформления высказываний главного героя повести. Среди них, во-первых, *диалоги* с другими персонажами, преимущественно – с матерью (субъектом речи, способным *полноценно* участвовать в речевом общении), и с животным – лошадью Чайкой, которая реагирует на обращённые к ней высказывания не с помощью словесных средств, а чаще всего своим поведенческими реакциями, которые, впрочем, десятилетнему Жене совсем незатруднительно понять. Во-вторых, это небольшие по объёму высказывания, представляющие *внутреннюю* речь мальчика, которые, как правило, вмонтированы в различные по характеру текстовые фрагменты: в собственно повествование; в диалоги с другими персонажами; в описание действий и поступков Жени.

Такая композиционная организация текста повести позволяет читателям в полной мере ощутить многогранность внутреннего мира главного героя повести В. А. Титова, в первую очередь лучше понять – с опорой на формирование его характера, убеждений и т. п. – взрослые поступки героя, благодаря чему созданный образ Евгения Кудряшова отличается как безусловным своеобразием, так и полнотой и многогранностью воплощения.

Повесть В. А. Титова «Ковыль – трава степная» демонстрирует писательский талант автора, проявившийся в создании «полнокровного» образа главного героя прозаического произведения в результате как привлечения разнообразных языковых средств, так и умелого заключения этих средств в разнообразные по форме и типу речевые фрагменты – как внешней, так и внутренней речи. При этом, как можно было наблюдать, фрагменты с внутренней речью главного героя играют важную роль в раскрытии его характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Титов, В. А. Всем смертям назло... Ковыль – трава степная / В. А. Титов. – М. : Лениздат, 1980. – 400 с.
2. Титов, В. А. Избранное / В. А. Титов. – М.: Художественная литература, 1984. – 528 с.
3. Титов, В. А. Всем смертям назло / В. А. Титов. – М. : Советская Россия, 1975. – 320 с.
4. Хализев, В. Е. Теория литературы: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования / В. Е. Хализев. – 6-е изд. испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2013. – 432 с.

УДК 82.091

*Н. Б. Литвинова
г. Луганск*

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «МАЛАЯ РОДИНА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ПОВЕСТЕЙ ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА**

Одной из тенденций в современной социокультурной ситуации выступает преобладающее влияние массовой культуры в общественном сознании. В настоящем и в перспективе она противопоставлена исторически сложившимся в России духовно-нравственным ориентирам развития общества, а также системе традиционных ценностей, которые составляют русскую культурную идентичность, способствуют сохранению исторической памяти и на уровне отдельного человека противостоят его обезличиванию. Функционирование массовой культуры, её засилье ставит вопрос о необходимости сохранения в памяти поколений традиционных ценностей [11, с. 53–59].

В исторически обусловленное в нашей стране представление об аксиологической картине мира неотъемлемо входит понятие «малой родины», являющееся одной из этических констант, которые определяют ценностные ориентиры личности в целом.

Примечательно, что понятие «малая родина» в своём непосредственном значении – «место, где родился человек» как устойчивая языковая единица – фразеологизм – свойственно только русскому языку. Это значение зафиксировано в Словаре В. Даля и широко осмыслено в художественных произведениях русской литературной классики, напоминая современному человеку о необходимости сохранения своих традиционных духовных истоков [12, с. 106–107]. Русская классическая литература на востребованном сегодня самым временем аксиологическом этапе её толкования призвана противостоять указанным выше деструктивным тенденциям, воспитывать патриотизм и гражданственность.

В таком контексте творчество В. Титова, вошедшего в русский литературный процесс 60 – 80-х гг. прошлого столетия и воспринявшего его прогрессивные тенденции, представляется особенно актуальным. Здесь отметим, что две его повести «Ковыль – трава степная», «В родной земле корням теплее» были включены в издания произведений и стали достоянием советской читательской аудитории обозначенного периода, тематически и идейно перекликаясь с художественным осмыслением традиционных ценностей в «деревенской» прозе – течении в русской литературе с выраженной аксиологической направленностью. Произведения «деревенской» прозы ставили важные нравственно-этические вопросы об опасности утраты человеком своих корней, нивелиции исторической памяти, так или иначе связанные с восприятием и сущностным осмыслением человеком понятия родины [1].

В литературном краеведении Луганщины черты тяготения к традициям «деревенской» прозы в идиостиле В. Титова отмечены в работах Л. Ельшовой [3], Л. Черниенко [10], Ю. Фесенко [9]. Так, в статье «Воплотить в своём творчестве время...» Л. Ельшова отмечает,

что после выхода центрального в творческом наследии писателя произведения «Всем смертям назло...» в последующих его повестях на рубеже 70 – 80-х гг. прошлого столетия решительно преобладает деревенская тематика и вместе с ней определяется философско-аксиологическая направленность всего творчества – нравственные основы человека в жизни [4, с. 32]. Сам выходец из деревни, В. Титов использовал собственный жизненный опыт, утверждая тем самым в своих произведениях реалистические принципы изображения действительности.

Воспоминания из детства, приобщившего будущего писателя к труду на земле, запечатлённые в памяти образы бескрайних полей Липецкой области, навсегда стали ассоциироваться у него с представлениями о малой родине. Впоследствии эти ассоциативные образы приобрели полноценный идейно-художественный формат и нашли воплощение в ряде его произведений как неотъемлемые составляющие духовности человека [Там же, с. 32]. Такое восприятие малой родины и его значения как одного из главных факторов в своём писательском становлении В. Титов неоднократно подчеркивал. Примечательно, что в медийном пространстве газетной периодики Луганщины последних десятилетий личность писателя освещается, в частности, сквозь призму понятия малой родины, его ценностного толкования [3, с. 14].

Объектом нашего исследования стали две вышеназванные повести писателя, которые в региональной критике признаны своеобразной антологией традиционных ценностей, объединённых обобщающим понятием «малой родины» [4, с. 33]. Судьбы и поступки персонажей сходны в плане их приверженности малой родине – деревне, неоднократного возвращения туда, где родились и выросли. В разных жизненных ситуациях это возвращение персонажей домой из города связано с мотивом обретения вновь бытийной опоры через обращение к традиционным нравственным ориентирам в пространстве малой родины. Сюжеты обеих повестей сходны в толковании ценностей семьи, гуманизма, патриотизма, преобладания духовного над материальным, переданных через ряд художественно выразительных образов.

Обратимся к концептуально значимым смыслам, формирующим понятие «малой родины» в художественном пространстве повестей луганского писателя.

Проведённый лексико-семантический анализ текстов повестей позволяет утверждать, что концепт «малой родины» представлен через достаточно разветвлённый словесный ряд, в котором можно выделить толкование малой родины как *родной стороны (места, края): Как мальчишка, надеялся, что родные места, степь успокоят его, спрячут от жизненных неурядиц, вернут потерянное равновесие* [7, с. 341]; *В груди поселилась обида и на эту темную чужую ночь, и на то, что бросила его судьба, хоть и по собственной воле, вдаль от родных мест...* [8, с. 456]. Следует отметить, что такое восприятие восходит у В. Титова к народно-культурной традиции благоговейного отношения человека к малой родине. Здесь отметим, что в Словаре В. Даля в толковании значения «сторона (край)», помимо материальной атрибутивности, выделен прежде всего духовный уровень этой лексемы, проявляющийся в противопоставлении «чужой / своей» местности [2].

Малая родина ассоциируется в сознании персонажей со: 1) степью; 2) землей; 3) полем – пшеничным или ржаным, требующим возделывания; 4) созидательным трудом на земле, 3) домом, к которому в повестях персонаж – выходец из деревенской местности – стремится, находясь вдали от них, и которые постоянно присутствуют в его памяти, помогая преодолевать жизненные невзгоды и разрешать сложные внутренние конфликты. Эти лексемы в свою очередь наделены разными атрибутивными характеристиками через разностороннее детализированное описание художественных образов. Так, степь – родная, широкая, привольная: *Но уйти от этого в родной степи, под небом своего детства, он не мог* [7, с. 308]; *...так захочется убежать вслед за матерью в широкую, привольную степь...* [Там же, с. 311]. Жизнь без возможности для персонажа постоянно созерцать степь, обретая в

этом процессе душевный покой, осложнена трудностями: *Впервые в жизни начинает ощущать, что в груди нестерпимо ноет... прощай, степь, прощай... Нет, трудно жить без степи* [Там же, с. 335]; *Нет, жары он не боялся ... чувствовал себя на солнцепёке сносно. Правда, это в степи, на вольном, настоящем на травах воздухе. ... А тут вот...* [8, с. 463].

Образ степи у В. Титова, по нашему мнению, неизбежно романтизирован через атрибутивы *степь ковыльная, степь милая* и её восприятие передано во эпизоде повести «В родной земле корням теплее» через образ из народной песни, пробуждающий чувство тоски по малой родине: *Ему взгрустнулось, захотелось завести какую-нибудь протяжную песню с переливами и замираниями, чтобы вспомнилась ковыльная степь под широким голубым небом, чтобы замерло в груди от сладкой тоски по чему-то близкому и недостижимому...* [Там же, с. 485]; *Дурманяще пахло милой степью и тихим шелестом теплых дождей* [Там же, с. 522]; *Начальный куплет старик не разобрал, хотя пропелся он на отчётливом русском языке, и оттого в комнате как-то посветлело, даже запахло родными краями* [Там же, с. 490]. Степь порождает у главного персонажа повести «Ковыль – трава степная» романтизированные чувства свободы, счастья, бытийной наполненности жизни: *Тяжело дыша, Евгений вышел из подсолнухов и очутился в степи. ... Кудряшов почувствовал себя легко и свободно, будто только что вышел на волю после долгого и мучительного заточения* [7, с. 355]. На наличие черт романтизма в индивидуальном стиле В. Титова указывает Л. Черниенко в одной из своих работ [10, с. 59].

Тема малой родины перерастает у В. Титова, по мнению исследователей, в тему Родины [9]. И мы находим подтверждение этому тезису в языковом оформлении художественного пространства исследуемых повестей В. Титова. Лексема «земля» у писателя наделена семантикой: 1) непосредственного отождествления с Родиной: *Родина... Она есть у каждого. По крайней мере должна быть у каждого. Иначе как же, когда подступит беда? Где взять силы, чтобы одолеть её? Да и радость разделить с кем? ... Эта земля дала им силы* [7, с. 407]; 2) неразрывной связи человека с землёй: *Евгений переворачивался лицом вниз, в пахучую траву, всем телом прижимался к земле и слышал, как горько, почти навзрыд, плакал чибис... Потом вставал, шел вперед, но степь, словно магнит, тянула его к земле, и он не в силах противиться ей, вновь ложился* [7, с. 372]; *Песня всегда в душе должна быть. Без нее человек сам себя забудет. Связь с землей порвёт* [8, с. 486].

В повести «Ковыль – трава степная» обращает на себя внимание повторяемая в повествовании синтаксическая конструкция с центральной лексемой *моя родина*, наделяемая автором семантикой утверждаемой витальности. Остро переживая жизненные невзгоды, главный персонаж повести, оказываясь в родной стороне, на родине, среди привычных, знакомых с детства пейзажей, испытывает прилив жизненных сил, переживает своеобразное душевное исцеление: *... он был рад видеть их простые, открытые лица, слышать их голоса и чувствовать их тем непонятным и необъяснимым чувством, которое рождает в душе гордую радость и удовлетворение – это моя родина! Здесь я родился! Она моя, она у меня есть, она сама лучшая на свете!* [7, с. 343]; *Он по-прежнему будет просыпаться по ночам от звонкой трели жаворонка, от тихого звона сизых волн степного ковыля... но не будет мучиться от этого, как прежде, а, наоборот, будет горд тем, что всё это есть на его родине и он богат этим...* [Там же, с. 422].

Понятие «малой родины» концептуализировано в художественном пространстве повестей В. Титова через образы возделываемого хлебного поля и созидательного труда, представляющего одну из традиционных ценностей для русского человека. Сама по себе возможность работать на земле во благо других, во имя жизни в целом несёт для персонажей огромную радость, наполняет их существование смыслом, помогает преодолевать в себе эгоистично-потребительскую психологию: *В блеклом свете луны лежало широкое поле скошенного хлеба. Убегающие вдаль и сходящиеся там в одну точку валки, как спицы огромного колеса, медленно накатывались один на другой, отсвечивая желтой спелостью*

соломы. «Пшеница...» [Там же, с. 299]; *За что им зарплату начисляют? Если в поле так работать, то весь хлеб бурьяном зарастет* [8, с. 464]; *Клочок степи и ржаного поля не променяю ни на газ, ни на горячую воду, ни на клозет в квартире...* [Там же, с. 466].

Понятие «малой родины» представлено у автора также ассоциативным рядом *родной край – степь – дом: Впервые ему предстояло жить без матери, вдалеке от дома. И конечно же там не будет этой степи, в которой он вырос и возмужал, где познал свои первые радости и печали...* [7, с. 318–319]; *И поплыла перед глазами старика завьюженная, бугристая степь, а в конце её за бисерными перевалами мохнатыми белыми шапками встало село ... и вот он, мчит ямщик к родным краям... А высоко в небе над вольным раздольем горит звезда, зовет и манит, как очаг родного дома* [8, с. 485]. Малая родина – это и родной дом: *Прямо от памятника тысяча сто двадцать семь шагов – и дом. ... Счастье юношеских мечтаний, радость встречи с родными местами и боль от чего-то неудавшегося ... захлестнули его...* [7, с. 300–301].

Считаем важным ещё раз подчеркнуть идейно-смысловую связь проанализированных повестей В. Титова с «деревенской» прозой в плане отстаивания писателями-«деревенщиками» в своих произведениях восприятия земли, созидательного труда на ней, сохранения нерушимой духовной связи с ней русского человека, что проникнуто патриотическими смыслами, базирующимися на исконных представлениях о земле как об источнике жизни, духовной энергии и месте, где родился человек, – малой Родине [6].

Образы малой родины, воплощённые в образах природы, у В. Титова наделены именно духовно-нравственной семантикой. В их основе – воспоминания писателя из детства, прошедшего в Липецкой области, и художественное видение природы Донбасса, который В. Титов считал второй родиной [3]. Эти образы объединяет память рода, традиции преемственности поколений – чрезвычайно важный сегодня мотив, символизирующий возвращения к истокам гуманистического и патриотического начал в человеке, помогающие ему противостоять потребительскому отношению к миру. И, по нашему мнению, противостоять этому деструктивному мировоззрению призвано классическое искусство, в частности, литературная классика, неотъемлемой частью которой сегодня являются произведения В. Титова.

Семантика художественных образов, концептуализирующих понятие «малой родины» в пространстве повестей В. Титова, раскрывает основные положения онтологии его героической судьбы и творчества – ценность жизни как таковой и её духовной составляющей, воплощающих смыслы полноты бытия. Понятие «малой родины» в рассмотренных повестях луганского писателя акцентирует внимание читателя на непреходящем значении русских базовых традиционных ценностей.

Отмечаемые в региональном социокультурном и филологическом дискурсах фрагментарность, недостаточность представленности научных исследований, методических материалов, связанных с именем В. Титова, обнаруживают актуальность дальнейшей разработки культурно-аксиологической проблематики его творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большакова, А. Ю. Нация и менталитет: Феномен «деревенской прозы» XX века / А. Ю. Большакова. – М.: Комитет по телекоммуникациям и СМИ правительства Москвы, 2000. – 132 с. – Текст: непосредственный.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Текст: электронный. – URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=39245> (дата обращения: 20.06.2024).
3. Ельшова, Л. Две писательские судьбы / Л. Ельшова. – Текст: непосредственный // Ижица. – 2010. – 6-12 декабря (№ 49). – С. 14.

4. Ельшова, Л. В. Воплотить в своём творчестве время... / Л. В. Ельшова // Высота Владислава Титова: областные краеведческие чтения, посвященные 75-летию со дня рождения В. Титова. – Луганск, 2010. – Библиогр.: с. 28–41. – Текст: непосредственный.
5. Ельшова, Л. В. Философия жизни Владислава Титова / Л. В. Ельшова. – Текст: непосредственный // XXI век. – 2014. – 8 ноября (№ 136). – С. 10.
6. Сидоренко, В. В. Деревня как средоточие художественно-этических исканий русских писателей различных поколений / В. В. Сидоренко. – Текст: непосредственный // Творчество В. И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Касьянов, Ю. М. Павлов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – Библиогр.: с. 329–334.
7. Титов, В. А. Ковыль – трава степная: повесть / В. А. Титов. – Текст: непосредственный // Титов В. А. Избранные произведения. Повести и рассказы. – К.: Днепр, 1984. – 440 с. – Библиогр.: с. 297–424.
8. Титов, В. А. В родной земле корням теплее / В. А. Титов. – Текст: непосредственный // Титов В. А. Грезы старого парка: повести. – К.: Сов. писатель, 1988. – 552 с. – Библиогр.: с. 453–551.
9. Фесенко, Ю. Корни земли родной / Ю. Фесенко. – Текст: непосредственный // Ворошиловградская правда. – 1988. – 7 августа. – С. 12.
10. Черниенко, Л. В. Об индивидуальном творческом методе Владислава Титова (некоторые аспекты) / Л. В. Черниенко. – Текст: непосредственный // Высота Владислава Титова : областные краеведческие чтения, посвященные 75-летию со дня рождения В. Титова. – Луганск, 2010. – Библиогр.: с. 59–64.
11. Швецова, А. В. Массовая культура как проблема современного общества: общетеоретический анализ / А. В. Швецова, А. В. Норманская. – Текст: непосредственный // Вестник МГУКИ. – 2016. – № 6 (74). – С. 51–59.
12. Шустов, А. Н. Родина: большая и малая / А. Н. Шустов. – Текст: непосредственный // Русская речь. – 2010. – № 6. – С. 106–110.

УДК 82.09

О. Г. Лукьянченко
г. Луганск

ПРОЕКЦИЯ СИЛЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА: ТРАДИЦИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Путь литературы как вида искусства неразрывно связан с историей страны, её эпохальными событиями, значимыми для общества выдающимися личностями. Эта тенденция в развитии мирового литературного процесса нашла своё отражение и в русской литературе.

Для русской литературной мысли традиционно изображение сильных духом людей, преодолевающих жизненные трудности, умеющих бороться с трагическими неудачами и своим личным примером доказывать, что настоящий человек – сам творец своей судьбы, какое бы зло не подстерегало его на жизненном пути. При этом победа человеческого духа неизменно и закономерно порождает взгляд с высоты столетий человеческого бытия на эту победу как отражение всечеловеческого подвига, как призыв осмыслить истинную ценность земной жизни человека. И в этом заключена великая сила и великая мудрость искусства слова. Как никто другой понимал это Максим Горький, прошедший трудную жизненную

школу и щедро делившийся опытом со своими современниками. Но мудрость этого литератора перешла границы времени и сегодня наполняет глубоким смыслом многие произведения художников слова, и, что наиболее ценно, стала открытым учебником жизни для каждого нового поколения. Вдумаемся в мысль, изложенную М. Горьким в рассказе «Часы» в 1896 году.

«Да здравствуют сильные духом, мужественные люди, – люди, которые служат истине, справедливости, красоте! ... Не жалея себя – это самая гордая, самая красивая мудрость на земле. Да здравствует человек, который не умеет жалеть себя! Есть только две формы жизни: гниение и горение. Трусливые и жадные изберут первую, мужественные и щедрые – вторую; каждому, кто любит красоту, ясно, где величественное» [6].

И со времени гордого Данко в русской литературе зарождается плеяда героев, не жалеющих себя, освещающих светом своего сердца дорогу страждущим. Особенно это проявляется в годы тяжёлых испытаний для страны. Для советского периода русской литературы годы октябрьской революции 1917 года и последующей гражданской войны дали огромный исторический материал, отражающий героизм революционного романтизма. Произведения М. Горького, А. Фадеева, А. Серафимовича и других писателей наполнены новым смыслом в изображении зарождающегося нового государства на карте мира, изменившего ход мирового исторического процесса. Формировалось социалистическое государство, в котором человек труда, безгранично любящий свою Родину, готовый к трудовым свершениям и героическим поступкам ради неё, был главной ценностью общества. Появляется новый герой, человек, не просто раздумывающий о смысле жизни, а строящий эту новую жизнь, готовый отдать свою жизнь за идеалы революции, по Горькому, – «не жалеющий себя». А если это ещё и сопряжено с личной физической катастрофой, когда надо сделать выбор – до конца жизни быть оплакиваемым и беспомощным даже в кругу близких или суметь преодолеть свою боль и страдание и доказать: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить. Ведь нелепая болезнь или какая-нибудь трагическая случайность могут прервать её» [8]. Эти слова Павки Корчагина из романа Николая Островского «Как закалялась сталь» стали путеводной звездой для многих поколений молодых людей. Именно так – в огне, в полыханье гражданской войны закалялся характер героя новой эпохи, эпохи Страны Советов, формировался советский характер. Великая ценность произведения «Как закалялась сталь» в его автобиографичности, автор, Николай Островский, сам принял испытания, через которые провёл героя, доказывая, что сила воли, умноженная на целеустремлённость и героизм, способна поднять величие человеческого духа над физическим страданием. Жизненная сила Павки Корчагина должна была дать надежду на победу над злом и болью, научить человека всегда помнить о его предназначении на земле – творить жизнь, а не прозябать в четырёх стенах. Эту нравственную высоту Николай Островский сумел показать читателям и вдохновить их на подвиги своего времени.

И эта сила человеческого духа нашла проявление в последующих тяжёлых испытаниях, выпавших на долю нашего народа. Годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. стали жесточайшим испытанием для советских людей. Как это и было во все времена, наш народ сумел консолидировать силы, выстоять и победить врага. Художественную литературу этого времени называют «книги в военных шинелях». Огромное количество произведений о Великой Отечественной войне, о героизме и мужестве советских людей воспроизводят картины великих сражений, раскрывают характер защитников Родины, рассказывают о судьбах простых людей, не жалеющих себя в жестокой схватке с врагом. Литература была в одном строю с защитниками Отечества, сражаясь на фронтах и поддерживая людей в тылу. В

Отчёте Луганской областной библиотеки (ныне ГУК ЛНР «Луганская республиканская универсальная научная библиотека им. М. Горького») за 1944 год отмечено, что наибольшим спросом читателей пользовались книги М. Шолохова «Судьба человек» и Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» [2, с. 144]. Покоряют сердца читателей целеустремлённость и воля к жизни Андрея Соколова – героя повести Михаила Шолохова «Судьба человека». Ни плен, ни истязания, которым он подвергался, не сломили его, а сделали сильнее, пробудили неукротимое желание доказать врагу, что советские люди сильные духом, и эта сила способна преодолеть любые обстоятельства, выдержать, выстоять и победить. В заключительной части автор размышляет: «И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек негибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет всё вытерпеть, всё преодолеть на своём пути, если к этому позовёт его Родина»[7].

Герою повести Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» Алексею Мересьеву выпала своя непростая судьба. Для него – лётчика – небо стало полем битвы, на котором он крушил врага. Но как сражаться, когда искалечены ноги? Как управлять самолётом, вести бой, добиваться победы? И Борис Полевой нам рассказывает о подвиге Мересьева, преодолевшего и это испытание, научившегося бить фашистов даже с израненными ногами. Сила духа, настоящий патриотизм, свойственный характеру героя, помогают ему забыть о себе, когда Родина в опасности. Изображение героического характера в условиях военного времени на долгие годы стало одной из ведущих тем не только русской, но и всей советской литературы.

Простой советский человек обретал непростую судьбу, своей жизнью доказывая, что жить нужно так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Закалённая в тяжёлых военных испытаниях воля нашла отражение в изображении характеров героев художественной литературы, доказывая, что и в мирное время настоящий человек найдёт своё достойное место в обществе.

В экстремальных условиях человек может быстрее среагировать на опасность, найти правильное решение, почувствовать личную ответственность за дело, за людей, находящихся в беде. А как быть потом, когда после исполнения долга перед товарищами остаёшься один на один с болью, с безысходностью? Как не потерять себя, не смириться с мыслью о невозвратности к здоровой полноценной жизни?

Наш современник, простой шахтёрский парень, совершил поступок, достойный подражания. Жизненный подвиг нашего земляка Владислава Титова – пример для молодых поколений луганчан. Герой его повести «Всем смертям назло» Сергей Петров прошёл через смертельное испытание, не раздумывая, рискуя жизнью, бросился спасать шахтёров, находящихся под землёй. Этот героический поступок сохранил жизнь рабочих, но стал личной трагедией для героя. И вот тогда тревожные мысли о дальнейшей жизни стали последующим рубежом, который нужно было преодолеть. Владислав Титов пишет автобиографическую повесть «Всем смертям назло» (1967 г.). Его жизнь, его любовь, его судьба легли в основу повести, которая стала жизненным подвигом писателя. Не сдаваться, верить в дружбу, в любовь, в жизнь, научить других жить даже с болью – вот призыв автора к читателям.

Первая литературная проба открыла новые возможности, неоценимой стала помощь друзей и родных. И вот уже выходят в свет «Раненый чибис» (1967), «Сапун-гора» (1968), «Ковыль – трава степная» (1971), «Полые воды» 1972, «Жизнь прожить» (1983), «В родной земле корням теплее» (1983), «Проходчики» (1983), «Грёзы старого парка» (1986). Горение, а не гниение становятся смыслом жизни писателя, примеры из жизни и художественной литературы подтверждают достойный выбор героя нашего времени. Владислав Титов создаёт свой образ, рисует свой, «луганский», характер.

Феноменальность русской литературы даёт возможность показать историю через характеры героев. Так, история отражалась в искусстве слова, традиционно наполняемом высокими нравственными смыслами, сохраняя в памяти людей знаковые события, символы, образы. Диалог исторических эпох нашёл своё отражение в диалоге художественных образов: от пылающего сердца горьковского Данко – до героики мирного времени Сергея Петрова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горький, М. Макар Чудра. Ранние произведения / М. Горький. – Москва: «Советская Россия». – 1984. – 64 с.
2. Лукьянченко, О. Г. История библиотечного дела Луганщины: учебное пособие / О. Г. Лукьянченко: Министерство культуры Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского», 2023. – 192 с. – Текст : непосредственный.
3. Титов, В. Собрание сочинений. Т. 2. (Литературная гордость) – Луганск: ООО «Виртуальная реальность», 2010. – 600 с.
4. Титов, В. А. Жизнь прожить... / В. А. Титов / Москва: «Молодая гвардия», 1975. – 302 с.
5. Шолохов, М. Собр. Соч. в VIII Т., Т. VII / М. Шолохов. – Москва: – 1975.– 591 с.
6. <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/proza/rasskaz/chasy.htm>
7. <https://nukadeti.ru/rasskazy/sudba-cheloveka>
8. [bbf.ru>quotes/author/31183/](http://bbf.ru/quotes/author/31183/)

УДК 78.071.1

***А. К. Папцова
г. Москва***

ТВОРЧЕСТВО ВЛАДИСЛАВА АНДРЕЕВИЧА ТИТОВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Предметом исследования в рамках данной работы является рассмотрение одного из культурных факторов формирования региональной идентичности – литературного творчества.

Понятие «идентичность» в настоящее время считается наиболее общим и универсальным понятием, которое описывает совокупность качественных и количественных характеристик, сопряженных со специфичностью какого-либо данного культурного или географического индивида (личности, группы, территориальной общности, территории) [3]. Эта специфичность воспринимается индивидами как на когнитивном, так и на эмоциональном уровне. Идентичность может конструироваться, в таком случае чем меньше объективных факторов для выделения специфики общности, тем большее значение должны приобрести политика памяти и развитие символической сферы. Возможен и вариант, когда наличие объективных факторов для осознания общности не сопровождается развитием институциональных структур. Тогда разного рода культурные факторы приобретают особое значение. Одним из таких факторов является литературное творчество.

Этот фактор приобретает особое значение в тех случаях, когда не существует институциональных структур, проводящих политику памяти. Пример Донбасса в этом случае особенно показателен. При наличии такого важного фактора консолидации как хозяйственная специфика региона он не был цельной и единой административной единицей. Можно было бы предположить, что это осложнит процесс формирования региональной идентичности.

Однако события 2014-2022 г. показали, что несмотря на то, что русский язык и русская культура являются родными для значительной части населения Украины, отстоять культурную идентичность на уровне региона смогли только Крым и Донбасс. Значимость этой стойкости особенно велика если учесть масштаб переписывания истории на Украине после разрушения СССР. Хотя Крым с 1991 г. пользовался правами автономии, это не спасало его от необходимости следовать политике памяти, проводимой Киевом. А у Донбасса вообще не было институциональных структур в рамках которых укреплялась бы региональная идентичность. Тем не менее, социально-экономическое развитие региона в советское время достигло высокого уровня, отчасти поэтому попытки «декоммунизировать» образ советского прошлого не возымели успеха.

Таким образом, процесс формирования идентичности достиг высокого уровня еще в советское время и факторы воздействия на него – важная исследовательская проблема. В данной работе будет рассмотрен лишь один ее аспект - вклад в развитие региональной идентичности писателя В. А. Титова. Это поможет понять каким образом компенсировалось отсутствие системной политики памяти.

Региональная идентичность как таковая базируется на общей истории, культурных ценностях, экономическом потенциале региона, его роли в общегосударственном историческом процессе[1].

К тому моменту, когда были написаны труды В. А. Титова, история развития коллективной идентичности Донбасса насчитывала более чем столетие.

В ее основе – экономическая специфика региона, давшая ему название.

Несмотря на то, что в административном отношении Донецкий угольный бассейн не был выделен в одно образование, тем не менее особенность его хозяйственного освоения, наиболее ярко проявившаяся в XIX веке, создавала предпосылки и для формирования общих черт, объединяющих районы угледобычи. Население региона было достаточно пестрым: с XVII века, а особенно в XVIII веке, в период активизации войн между Османской и Российской империями, пополнялось переселенцами как из центральных районов России и Украины, так и Крыма и Балкан. Это, наряду с созданием крупных производств, обеспечивало большое значение русского языка.

Русский язык был языком модернизации и консолидации населения региона.

К началу XX века экономическая целесообразность выделения Донбасса в отдельную административную единицу обосновывалась Советом Съезда горнопромышленников Юга России. Начало Первой мировой войны отодвинуло решение этого вопроса, но не устранило его и в 1917 г. Временное правительство создало Временный комитет Донецкого бассейна.

Образ Донбасса как социокультурной общности постепенно находил отражение в культуре.

Рис.1 Плакат «Донбасс – сердце России». 1921 г.

Плакат 1921 года «Донбасс – сердце России» (рис.1) важен не только как визуальный образ, но и как мем – идея и символ.

При создании СССР Донбасс вошел в состав Украинской ССР и, как и другие регионы республики, в 20-е –30-е годы XX века подвергся политике коренизации. Вопреки логике изначально заявленной цели эта политика на Украине способствовала не столько поддержке местных кадров, сколько украинизации. Но развитие региональной идентичности это не остановило, так как хозяйственные практики оставались прежними. В это же время происходит становление высшего образования в регионе.

В 1937 г. на киностудии «Ленфильм» был снят фильм «Шахтеры» (режиссер С. И. Юткевич). Возможно, сейчас некоторые повороты сюжета, такие как связь начальника шахты Чуба с троцкистами достаточно устарели, но фильм посвящен культурным героям региона – шахтерам.

В годы Великой Отечественной войны регион проявил непоколебимую стойкость в борьбе с захватчиком. Образцом мужества и героизма стала деятельность антифашистской организации «Молодая гвардия» в Краснодоне. В это же время Павел Беспощадный написал стихотворение «Клятва» (1942 г), в котором содержались слова, ставшие культурным кодом региона: «Донбасс никто не ставил на колени. И никому поставить не дано».

В послевоенные годы темпы экономического развития страны, восстанавливающей разрушенное войной хозяйство и осваивающей космос предполагали максимальное использование потенциала региона.

В 1948 г. в культурном календаре был закреплен такой праздник как День шахтера (последнее воскресенье августа). А в 1950 году был снят фильм «Донецкие шахтеры», в котором снялись звезды советского экрана В. Меркурьев, Б. Чирков, П. Алейников, К. Лучко и др. Сценарий был написан Б. Л. Горбатовым, писателем, сценаристом и корреспондентом, чье творчество, отмеченное государственными наградами, также способствовало укреплению региональной идентичности Донбасса.

Регион отличали высокие темпы урбанизации. Жители сел осваивали городские профессии, включая шахтерскую, перебирались в города. Первое поколение переселенцев сохраняло опыт жизни в традиционном обществе, но делало выбор в пользу города. К такому поколению относился и В. А. Титов. Это способствовало особой чувствительности будущего писательства к специфике жизненного уклада жителей города, отличию его от уклада сельской жизни.

В. А. Титов родился 10.11.1934 года в деревне Калиновка (Липецкая область). Становление проходило на Луганщине: здесь он овладел шахтерской профессией, учился в Боково-Антраците (ныне Антрацит), проходил практику на шахтах Красного Луча.

Рефлексия человека трансформирующегося общества, покинувшего деревню, но еще не вполне вписавшегося в городские реалии была отражена в произведении «Ковыль – трава степная» (1971, журнал «Молодая гвардия»). Герой повести Евгений Кудряшов возвращается домой в деревню в сложный период в своей семейной жизни. Дом матери для него – место силы, место, соединяющее миры: «Ему показалось, что музыка явилась сверху, от звезд, ударила по ковылю, и покатила по степи, и застонала, и закружилась тихими звуками», «Над Волчьим логом висел опрокинувшийся ковш Большой Медведицы и лил на землю предутреннюю прохладу» (гл.1 «Волчий луг») [8]. Присущая этому месту гармония искажена войной, разорвавшей семьи, и восстановление ее было мучительным и долгим.

Отчасти это место имеет географическую привязку. Прежде всего это не Донбасс, который является воплощением Города: «Маму сколько ни звал в Донбасс, не поехала» (гл.1 «Волчий луг»)[8]. И это степь «Вновь Евгению чудилась музыка. Она была, как плач матери, тихая и безутешная. Казалось, что плакала степь»[8]. Но это еще и люди. Герой вспоминает как в голодные годы страдающий от голода сосед оставил ему с матерью немного еды и остро переживает духовное родство с людьми, населяющими эту землю: «это тоже была его

родина, и, может, с этого она началась для него» (гл.3 «Отец»)[8]. Но такое же духовное родство объединяет его с теми, кто предан делу вопреки личной выгоде.

Получив образование, В. А. Титов работал в Донецкой области, жил в шахтерском поселке Северный.

Опыт инициации в профессию, переживаемый группой молодежи, отчасти отражающий его личный опыт, он воспроизвел в повести «Проходчики» (1982) (журнал «Юность») [9].

Там, в Донецкой области, и произошло то событие, которое кардинально изменило его жизнь. В 1960 г. во время аварии на шахте он пожертвовал собой ради товарищей и лишился обеих рук. Этого подвига было бы достаточно для того, чтобы остаться в памяти потомков, быть примером для всех будущих поколений.

Но В. А. Титов сделал то, что придало этому подвигу особую глубину. Он смог его передать.

После трагедии он переехал в Луганск, тогда Ворошиловград, ставший родиной его души, и занялся творчеством и общественной работой.

В момент аварии он был готов погибнуть ради других. После нее он должен был принять решение трудное решение жить – ради себя, ради семьи, ради людей. Опыт переживания «пограничной ситуации» коренным образом меняет восприятие действительности и именно этим опытом В. А. Титов был намерен поделиться. Он решил писать и мог бы опереться в этом на поддержку супруги М. П. Титовой. Но тогда победа над недугом не была бы полной и он учится писать, зажав карандаш зубами. Так появляется автобиографическая повесть «Всем смертям назло» (1967, журнал «Юность»). Эта повесть воссоздавала для читателя образ шахтера, во многом ключевой фигуры Донецкого угольного бассейна – Донбасса, вписывают его в культурный контекст 50-60-х гг. и одновременно возводят его до уровня Героя, переживающего встречу со Смертью, но не сломленного этим травмирующим опытом. Это придает образу шахтера не только локальное, но и универсальное значение. Аутентичность рассказа усиливает эмоции читателя.

Повесть имела огромный успех, в том числе за пределами Донбасса и страны в целом. О том, какое он имел значение для судеб читателей говорят письма автору, часть из которых была опубликована в повести «Жизнь прожить» (1983) [7]. Этот текст отражает как рефлексию читателей на подвиг В. А. Титова и его реконструкцию в повести, так и реакцию самого автора на отзывы читателей и на свое собственное к этому отношение. Этот нестандартный прием в еще большей степени вписывает произведение в контекст эпохи и позволяет интерпретировать этот контекст.

Важное значение для развития региональной идентичности имеет то, что подвиг и жизнь героя вписаны в конкретное географическое и культурное пространство, которое описано терминами, близкими и понятными шахтерам и иным жителям Донбасса. Вот пример такого описания: «Воздух, пропитанный запахами земли, как бы остановился перед бешено кружащимися лопатками, мгновение подумал и ринулся в темную, сырую пасть ствола, ворвался в штреки и пошел гулять по лавам, забоям, будоража души шахтеров необъяснимо сладкой тоской по солнцу, по высокому темно-голубому небу» («Всем смертям назло», Гл.1) [5]. Благодаря детализации пространство шахты обретает четкие контуры, а шахтерский коллектив предстает во всем многообразии. Подобно воспетым Гомером в «Илиаде» сценам быта древних греков, изображенных на щите Ахилла, описание шахты и шахтеров реконструируют особый мир созданный модернизацией, но имеющий глубинные основы не только в связи с расположением места работы, но и в связи с необходимостью взаимопомощи и взаимовыручки, мужества и стойкости.

Подвиг В. А. Титова и отражение этого подвига в повести «Всем смертям назло» демонстрируют не меньший героизм и отвагу, нежели те, что востребованы на полях сражений. Не менее важное значение имеет «бытовой героизм», умение превозмочь и физические страдания, и немощь, и периоды разочарований. Возможно, реконструкция

именно этой модели поведения в наибольшей степени была необходима тем, кто читал повесть: для воспитания «мужества жить» вопреки недугам тоже необходим образец для подражания.

Неслучайно предисловие к изданию повести «Жизнь прожить» написал Б. Полевой. Название его очерка «Слово о богатом человеке» возвращает к названию самого известного его произведения «Повесть о настоящем человеке». Он отмечает особую сторону произведений В. А. Титова – фактор присутствия [4]. Сила убеждения автора многократно укрепляется подлинностью описанных событий. Б. Полевой выражает надежду что творческая биография В. А. Титова будет долгой. И действительно, автор создал множество ярких произведений. В некоторых из них «Проходчики» (1982), «Жизнь прожить» (1983) он вновь и вновь обращается к опыту пограничного состояния между жизнью смертью и опыту преодоления смерти. В повести «Проходчики» этот опыт вновь доводится получить молодому человеку, практически такому, каким был сам автор в момент аварии [9]. Это имеет огромное значение в настоящее время, когда «планами на будущее» готовы оправдать дезертирство и предательство Родины. Герой обретает особое будущее, где его подвиг останется в вечности.

Но творческое мастерство В. А. Титова растет и расширяется круг задач, которые он перед собой ставит. Ребенком пережив Великую Отечественную войну и будучи свидетелем тех трагических последствий, которые она принесла, он решается реконструировать опыт старшего поколения, того, которое вынесло на себе все тяжести этого испытания и добившегося Победы.

В 1986 г. он пишет «Грезы старого парка», повесть, выходящая за пределы юности автора и раскрывающая контекст предыдущей эпохи: эпохи Великой Отечественной войны. Символическим порталом, соединяющим миры является памятник солдату в парке им. М. Горького в Луганске [6]. Этот контекст имплицитно содержится в других произведениях автора, но в данном произведении он выходит на первый план. Неслучайна привязка к конкретному месту и к конкретному городу. Луганск становится для него самым воплощением Вечного Города, его отражением.

В этом отчасти заложены основы для более узкой региональной идентичности, где регионом является не широкая, но меняющая значение и очертания Новороссия, и даже не просто Донбасс, а Луганщина, как часть Донбасса.

Эта региональная идентичность получит особенное развитие в 2014 г., когда будет создана Луганская Народная Республика. Луганск ответит признательностью своему выдающемуся сыну: его именем была названа улица в городе, был открыт Музей-квартира В. А. Титова. Таким образом автор, своими произведениями внесший вклад в развитие символическое пространство города в настоящее время сам в нем представлен.

Память о жизни и творчестве В. А. Титова в настоящее время востребована в организации воспитательной работы. Особенно много мероприятий пришлось на юбилейный для писателя год. Так, мероприятие «История о настоящем человеке» в честь 90-летия со дня рождения В. А. Титова было организовано в Центральной библиотеке для учащихся школ города [2]. Представительный и содержательный Круглый стол, посвященный творчеству писателя, прошел в ФГБОУ «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского». Эти события не просто дань памяти талантливому земляку. Это еще и вклад в укрепление региональной идентичности у подрастающего поколения. Можно предположить, что 10 ноября, День рождения писателя стало важной датой в культурном календаре региона и события связанные с актуализацией памяти о жизни и творчестве В. А. Титова будут ежегодными.

Творчество В. А. Титова яркий пример того, как процесс развития региональной идентичности разворачивается в отсутствие институциональных структур. Ярko выраженная хозяйственная и культурная специфика отражается в творчестве поэтов, писателей и

художников даже если это и не является поставленной перед ними задачей. Пусть и не были созданы институциональные структуры, общность занятий и быта обеспечивали единство региона. Тот путь включение в социум, который прошел сам В. А. Титов, выходец из села, получивший образование и нашедший работу в промышленном секторе был ориентирован на прогресс, хотя и сопровождался ностальгией по гармонии жизни на лоне природы. Он смог описать этот путь и выразить чувства тех, кто как и он прошел по нему, проникаясь патриотизмом и любовью к малой родине.

Творчество В. А. Титова отчасти объясняет стойкость жителей региона в отстаивании своей идентичности. Образ будущего, где на смену пролетарскому интернациональному братству придут разногласия по поводу языка не представляется особо привлекательным. Пример героев произведений писателя да и его собственный пример актуализировали лозунг времени Великой Отечественной войны: «Донбасс никто не ставил на колени. И никому поставить не дано». Мужество шахтеров, спускающихся в Подземное царство на работу укреплялось «без отрыва от производства». Порой сама смерть отступала перед теми, кто был готов отдать жизнь за други своя.

В итоге можно сделать следующие выводы: региональная идентичность Донбасса формировалась длительное время и стала одним из факторов определения исторической судьбы региона. Творчество В. А. Титова посвящено «культурным героям» Донбасса – шахтерам. Подлинность и достоверность его произведений обеспечивает им интерес и эмоциональное восприятие читателей так как образ шахтера становится предметом гордости и восхищения. Особенное значение деятельность В.А.Титова имеет для жителей Луганска и Луганской Народной Республики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галактионова Н.А. Особенности современных процессов регионализации и формирования региональной идентичности// Регионология, 2010, №2, [Электронный ресурс] <https://regionsar.ru/ru/node/519> Режим доступа 12.01.25
2. История о настоящем человеке [Электронный ресурс] <https://gorod-lugansk.com/2024/11/05/istorija-o-nastojaschem-cheloveke.html> Режим доступа 12.01.25
3. Левочкина Н.А. Региональная идентичность: понятие и сущность// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1 (часть 3) С. 446-453[Электронный ресурс] <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8533> Режим доступа 12.01.25
4. Полевой Б. Повесть о богатом человеке. [Электронный ресурс] <https://wysotsky.com/0009/589.htm> Режим доступа 12.01.25
5. Титов В.А. Всем смертям назло. [Электронный ресурс] http://lib.ru/PROZA/TITOW_W/vsem_sm.txt Режим доступа 12.01.25
6. Титов В.А. Грезы старого парка. Киев: «Радяньский письменник». 1988
7. Титов В.А. Жизнь прожить. [Электронный ресурс] <https://wysotsky.com/0009/589.htm#200> Режим доступа 12.01.25
8. Титов В.А. Ковыль – трава степная. [Электронный ресурс] http://lib.ru/PROZA/TITOW_W/kovyl.txt Режим доступа 12.01.25
9. Титов В.А. Проходчики. [Электронный ресурс] <https://coollib.in/b/457065-vladislav-andreevich-titov-prohodchiki-vsem-smertyam-nazlo/readp>. Режим доступа 12.01.25

УДК 821.161.1

А. Ю. Сидоренко
Научный руководитель –
В. Ю. Пустовит
г. Луганск

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ ВЛАДИСЛАВ ТИТОВ: РАЗМЫШЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО

В современном мире понятие «герой» претерпело значительные изменения. Если раньше героем считался человек, совершивший подвиги, проявивший храбрость в бою или достигший выдающихся успехов в искусстве или науке, то сегодня этот термин стал гораздо шире и многослойнее. Герой нашего времени это не только человек действия, но и человек мысли, чувства, человек, способный вдохновлять и изменять мир вокруг себя.

На современном этапе развития общества герой это, прежде всего, личность, которая проявляет смелость, стойкость, готовность прийти на помощь и брать на себя ответственность за свои поступки. Однако героизм не всегда связан с экстраординарными поступками или успехами. Важно помнить, что герой может проявляться в обычной жизни, в мелочах, таких как забота о близких, борьба за справедливость или защита природных ресурсов. Такой подход позволяет нам видеть героев вокруг нас, в повседневной жизни в социальных работниках, врачах, учителях, волонтерах и даже в тех, кто просто проявляет человечность в трудные времена.

Владислав Титов, шахтер, потерявший руки, но не сломленный травмой, яркий примером того, как современное общество может переосмысливать понятие героизма. Традиционно герой ассоциируется с физической силой, смелостью и подвигами, совершаемыми в особых обстоятельствах. Однако история Владислава Титова говорит о том, что героизм можно увидеть и в малых вещах, в силу духа и способности не сдаваться перед лицом трудностей.

Общество, в котором живет Владислав Андреевич Титов, часто воспринимает его как символ стойкости и мужества. Потеря рук в результате трагедии могла бы сломить многих, но он не только принял вызов судьбы, но и нашел в себе силы продолжать жить и вдохновлять других. Его переход от физического труда к литературному творчеству иллюстрирует новую грань героизма - умение найти свое место в жизни, несмотря на обстоятельства и способность делиться своим опытом с окружающими.

Таким образом, Владислав Титов способствует расширению традиционного понимания героя, показывая, что истинная сила заключается не только в физической мощи, но и в душевной стойкости, способности восстанавливать свою жизнь и вдохновлять других. В современном контексте он становится примером того, как героизм может проявляться в интеллектуальных и творческих усилиях, а не только в физическом подвиге.

Формирование личности Владислава Титова произошло под воздействием различных социальных и культурных факторов, играющих важную роль в его становлении как героя нашего времени. В первую очередь, это среда, в которой он вырос мир шахтеров, наполненный трудностями, но также рядом ценностей, таких как солидарность, поддержка и трудолюбие. Шахтерская культура, основанная на товариществе и взаимопомощи, явно оказала влияние на формирование его мировоззрения.

Социальные условия, в которых оказался Владислав Титов после несчастного случая, также стали важной вехой в его жизни. Пережив физическую травму, он столкнулся с явлением социальной стигматизации людей с инвалидностью. Такие

обстоятельства могли бы привести к отчаянию, но они, напротив, укрепили его решимость быть услышанным и оставаться активным участником общественной жизни. Владислав Титов стал символом надежды и преодоления, вдохновляя других на поиск смысла в тяжёлых обстоятельствах.

Культурные факторы, такие как литература и искусство, проиграли не менее важную роль в формировании личности Владислава Титова. Процесс писательства стал для него не только способом самовыражения, но и методом борьбы с внутренней пустотой, вызванной утратой. Он стал исследовать глубокие темы человеческой судьбы, преодоления и поиска смысла жизни в своих произведениях. Его литературное творчество стало формой взаимодействия с окружающим миром, где он делится своими переживаниями, укрепляя связи с читателями и тем самым навязывая новое представление о героизме в обществе.

Таким образом, Владислав Титов представляет собой непростой и многогранный образ современного героя. Его жизнь и творчество это отражение того, как социальные и культурные факторы формируют личность, а героизм может принимать всевозможные формы, открывая новые горизонты для понимания человеческой стойкости и духа. Владислав Андреевич Титов демонстрирует, что в современном мире настоящими героями могут стать люди, способные преодолеть не только внешние, но и внутренние барьеры, делая значимый вклад в общество своей искренностью и мужеством.

Владислав Титов стал символом героизма не только благодаря своим личным качествам, но и благодаря конкретным действиям, которые демонстрируют его готовность к жертвам ради спасения других. Одним из таких случаев является инцидент на шахте, который ярко подчеркивает, что настоящий герой проявляется в критические моменты.

Время, в котором мы живем, переживает свои кризисы социальные, экологические и духовные. Многие люди склонны скрывать свои переживания, замыкаться в себе, и примеры, подобные Владиславу Титову, напоминают, что настоящий героизм может проявляться не только в больших поступках, но и в ежедневном выборе действовать на благо общества. Его история вдохновляет людей стремиться к добру, показывая, что даже в трудные времена можно оставаться человеком и быть стойким.

Владислав Титов стал символом надежды и мужества, напоминая о том, что даже в самых напряженных обстоятельствах обеспечивают безопасность и защищают жизни других. Его поступки показывают нам, что жизнь ценна, и забота друг о друге должна оставаться в центре нашего внимания. Это может вдохновить людей на активное участие в решении социальных проблем, поддержке друг друга и создании более безопасного общества.

Современники требуют новых героев, готовых идти на риск ради других. История Владислава Титова ярко иллюстрирует, что в каждом из нас может быть заложен потенциал стать героем. Его пример это призыв к действию, который резонирует с нашими нравственными ценностями, вдохновляя нас на смелые поступки и повышая готовность к действиям в реальной жизни.

Фигура Владислава Титова оказывает значительное влияние на моё собственное восприятие героизма и его проявлений в современном обществе. В. Титов символизирует тот идеал человека, который не только осознаёт свои обязанности, но и готов действовать в условиях крайней необходимости. Его смелость, готовность к самопожертвованию и стремление защитить других меняют представление о том, что значит быть героем в наш век. Для меня героизм Владислава Титова воплощает не только физическую отвагу, но и моральную силу – способность действовать в интересах других, в ущерб собственным интересам и самому себе.

В итоге, личность Владислава Титова служит напоминанием о том, что в каждом из нас есть потенциал для героизма. Его пример вдохновляет меня и многих других, изменить мир вокруг, проявляя смелость и человечность. Важно помнить, что даже маленькие действия состоят из шагов, которые могут привести к большим переменам.

В современном мире, где традиционные ценности и ориентиры постепенно трансформируются, понятие героизма приобретает новые смысловые оттенки. Для современного человека быть героем значит не только совершать подвиги в экстраординарных ситуациях, но и находиться в состоянии постоянного выбора: защищать свои принципы, заботиться о близких и принимать трудные решения в повседневной жизни. Героизм проявляется в мужестве, готовности преодолевать препятствия и способности оставаться человечным даже в самые сложные времена.

Фигура Владислава Титова служит ярким примером этого нового понимания героизма. Потеряв руки, рискуя собственной жизнью, он не только спас своих коллег в шахте, но и продемонстрировал невероятную силу духа и преданность идеалам человеческой жизни. Его стойкость и самоотверженность в условиях катастрофы стали знаковыми моментами, которые выходят за пределы обычного понимания героизма. Владислав Титов, несмотря на трудности, не сдался и смог превратить свою горечь в мощный импульс для создания литературы, просветительской деятельности и помощи другим людям.

Его переход от роли шахтера до писателя не только подчеркивает его стремление к креативному самовыражению, но и открывает новые горизонты для понимания героизма. Владислав Титов стал голосом тех, кто сталкивается с трудностями, служа вдохновением для многих. Он показывает, что даже с серьезными ограничениями можно продолжать бороться за свои идеалы и приносить пользу обществу.

Таким образом, Владислав Титов это одновременно и герой, и человек, готовый делиться своим опытом, что делает его символом нового времени. Его пример демонстрирует, что героизм это не только о действиях в критических ситуациях, но и о том, как мы обращаем свои испытания в силу, стремясь изменить мир к лучшему. Владислав Титов вдохновляет нас помнить, что истинный героизм состоит в способности сопереживать и поддерживать, проявляя человечность, стойкость и изобретательность на пути к новым свершениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Титов, В. Всем смертям назло...: Жизнь прожить: повести. – Донецк: Донбас, 1985. – 151 с.

УДК 130.2

***А. А. Чернов**
г. Луганск*

«ЗАПЕЧАТАННАЯ ПАМЯТЬ» В РАССКАЗЕ ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА «ПОЛЫЕ ВОДЫ»

Рассказ Владислава Андреевича Титова «Полые воды» примечателен особым обращением автора к теме памяти и её значению в жизни человека. Писатель вводит в сюжет рассказа память не просто как один из повествовательных элементов, как атрибут психологических портретов персонажей, память движет действующими лицами, побуждает их так или иначе относиться к действительности. Складывается впечатление, что память в «Полых водах» Титова – такой же равноправный актер, как и сами действующие лица. Рассмотрим подробнее то, как автор вводит память в повествовательное пространство рассказа.

«Полые воды» погружают нас в мировосприятие советских людей начального периода Великой Отечественной войны. Элементы прошедшего выступают фоном, создающим ощущение реальности происходящего. Перед нами предстаёт картина, изображающая небольшую деревню в глубинке России весной 1942 года. Сама война при этом находится за гранью повествования, она где-то там, далеко, но жители деревни с говорящим названием Выселки ощущают слово «война» не только опосредовано, через газеты и радио, но и напрямую. В деревне всего полста дворов, но в ней не осталось ни одного мужчины призывного возраста, только маленькие дети, подростки и единственный старик Кондрат Дубов, главное действующее лицо рассказа. Именно через восприятие 76-летнего Дубова мы видим окружающую его реальность.

Кондрат Дубов вдовец, бездетен, живёт одиноко. Тревожные вести с фронта, общее ощущение тревоги и горя, охватившие жителей тыловой глубинки, понимание своей старости как «ненужности» заставляют Дубова крайне обострённо воспринимать происходящее. Он рвётся на фронт, но его, конечно же, не пускают, учитывая солидный возраст старика. Поэтому Дубов с радостью соглашается на просьбу председательницы колхоза Кланьки Кутищевой сходить пешком в райцентр за почтой, которую перестали доставлять из-за весенней распутицы. Для старика Дубова это возможность показать свою полезность окружающим людям.

Пеший поход Кондрата Дубова в райцентр за почтой, его возвращение в Выселки, раздача писем односельчанам, их реакция на эти письма – образуют внешний сюжет рассказа «Полые воды». Это линия действия, событийный ряд повествования, передающий причинно-следственную взаимосвязь между элементами повествования. Под внешним сюжетом скрыт внутренний сюжет, в котором проявляется глубинная взаимосвязь между действиями персонажей рассказа, раскрывается их мироощущение и мировосприятие. Между элементами внутреннего сюжета нет прямой взаимосвязи, они косвенно связаны архетипичными установками, сложившимися в обществе на ранних стадиях развития. Такие установки долго сохранялись в традиционных обществах, их пережитки остались и в современном крестьянском социуме.

Так, например, логически не объясняется один из важных для сюжета моментов: передача Дубову сапог его соседа Михаила Анохина. Дубов отказывается идти за почтой, поскольку у него нет целых сапог. Председательница колхоза Кутищева недоумевает: почему же старик сам не выпросит сапоги у своей соседки Марии Анохиной? Действительно, попытка объяснить это застенчивостью старика Дубова выглядит неубедительно. Ведь старик Дубов сам хочет, стремится быть полезным обществу, желание быть полезным пересилит и застенчивость, и гордыню. Однако нелепость «застенчивости» Кондратия Дубова снимается дальнейшим описанием передачи сапог женой Михаила Анохина. Мария Анохина говорит старику Дубову: «Дедушка, миленький, принеси мне письмо от Миши. Умру я от тоски. Мочи никакой нету уже. Принеси, родненький. Я тебе насовсем сапоги его отдам, только принеси хоть два слова от Миши. Кондратушка, миленький, возьми сапоги, носи на здоровье!» [3, с. 246].

Причитание Марии – будто магический призыв, мольба к сверхъестественной силе. Ведь Мария умом понимает, что письма может и не быть, что может быть и похоронка. Но она молит старика «принести хоть два слова». Мольба-выпрашивание требует вотивного подношения, дара. Этим даром выступают сапоги мужа Марии Михаила.

Как видим, во внутреннем сюжете и события, и сами действующие лица, наполняются совершенно иным содержанием, чем содержание, представляющее во внешнем сюжете. Старик Дубов уже не просто старик-односельчанин, не простой человек, функцией которого является доставка почты из райцентра. Дубов предстаёт человеком, связующим этот мир с потусторонним миром. В представлении Марии Анохиной он сам приобщен к потустороннему миру, способен влиять на инобытие.

Надо полагать, что и сам Кондрат Дубов подсознательно понимает это, именно этим и следует объяснять его «застенчивость»: не он должен просить себе сапоги, а ему должны принести сапоги как вотивный дар. При этом передача вотивного дара должна сопровождаться обрядовым причитанием, схожим с тем, которым передачу сапог сопровождала Мария Анохина.

Подобная обрядовость отражает отголоски мифологического сознания, сохраняющиеся в традиционном обществе. Они сильны в крестьянской среде, но при этом могут проявляться в видоизмененной форме и в городской среде. Не следует рассматривать миф или мифологическое сознание как нечто примитивное. А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа» убедительно доказывает, что миф нельзя воспринимать как фикцию, выдумку, вымысел, заблуждение. Согласно Лосеву, «миф есть в словах данная чудесная личностная история» [1, с. 169]. Миф неразрывно связан с словом (обряд причитания), личностью (старик глубоко преклонного возраста, вдовец), чудом (ожидание весточки от мужа), историей (судьбоносные события – война).

Так получается, что именно Марии Анохиной Дубов приносит похоронку на её мужа Михаила. Мария с яростью набрасывается на старика, опрокидывает его, отбирает сапоги. Всё это не только следствие аффекта, вызванного потрясением от вести о гибели мужа. Это дальнейшее разворачивание обряда, в соответствии с архетипическими установками мифологического сознания русских крестьян. Вотивный дар не оправдал себя, посланник не смог договориться с потусторонними силами, поэтому, в представлении Марии Анохиной, старик Дубов заслуживает наказания. Она напрямую обвиняет его: «Что ты наделал, проклятый!...» [3, с. 263].

Отметим, что в русской этнографии запечатлены случаи, когда русские крестьяне XIX века «наказывали» даже православные иконы, которые использовались в крестных ходах с мольбой о дожде во время засухи, и не оправдавшие возложенных на них ожиданий. Это глубинные языческие представления о том, что посредники в общении со сверхъестественными силами сами способны оказывать на эти потусторонние силы влияние.

Зачем же Мария Анохина отбирает сапоги у Дубова? Рационального логического объяснения этому нет. Во внешнем сюжете это можно объяснить только состоянием аффекта. Однако не будем забывать о том, что во внутреннем сюжете действиями персонажей руководствует мифологическое сознание. Личные вещи умершего в мифологическом сознании славян продолжают сохранять связь с душой своего владельца. И в представлении Марии сапоги её мужа Михаила выступают как часть его личности, его бытийного вещественного существования в этом мире. Таким образом, сапоги, отнятые у старика Дубова, выступают попыткой «вернуть» умершего в этот мир. Для Марии в сапогах её мужа «запечатана» память о нём.

Память об умершем может сохраняться не только в вещах. Главное действующее лицо рассказа «Полые воды» Кондрат Дубов сохраняет в своей памяти образ умершей много лет назад жены Настасьи. Мысленные беседы с ней подпитывают его силой, побуждают к тем или иным действиям. Приведём наиболее характерную цитату: «Ступая на берег уже слегка раскисающий от теплых лучей, Дубов вспомнил Настасью, тихую, кроткую женщину, с которой он душа в душу и рука об руку шел по жизни без малого пятьдесят лет. Она всегда врывалась в его явь и в его сны внезапно. И каждый раз он волновался до дрожи в коленях, словно сейчас, сию минуту встретит свою Настеньку юной, цветущей, сведёт под венец, проживёт длинную совместную жизнь и потом похоронит на старом сельском кладбище, под густым шелестящим клёном. И с какого бы момента он ни вспоминал её, то ли со дня свадьбы, то ли со дня похорон, Кондрат подробно воскрешал в памяти свою жизнь с ней. Даже нельзя сказать, что воскрешал или силился вспомнить что-то. Нет. Мысли о Настасье легко и свободно струились сами, и Кондрату оставалось только представить её зрительно, в той или иной жизненной ситуации. В ушах звучал её голос, то веселый, то грустный, но

всегда полный заботы, и он начинал говорить вслух, благодарил за верность и ласку, рассказывал ей колхозные новости, а в последнее время все чаще стал жаловаться на неуютную, одинокую жизнь» [3, с. 247-248].

Отметим, что в сознании Дубова образ Настасьи всплывает неоднократно и произвольно, без прямой зависимости от волевого усилия старика. Жена Дубова умерла, ушла в другой мир, но связь сознания Кондратия с Настасьей продолжает сохраняться. В этом «мысленном единении» с покойницей Дубов даже ведёт с ней беседы, рассказывая ей деревенские новости. Таким образом, умершая Настасья в сознании Дубова продолжает жить.

Мирча Элиаде в «Аспектах мифа» отмечает, что у многих народов Евразии смерть воспринимается как сон. Умерший человек продолжает оставаться в этом мире, но он «спит». Это представление глубоко закреплено в мифологическом сознании многих народов. Одно из древнейших мифологических воплощений родства смерти и сна – в мифологии Древней Греции, где Гипнос (сон) и Танатос (смерть) выступают родными братьями. В христианстве также сохранилось представление о смерти, как сне [5].

При этом Мирча Элиаде отмечает, что в мифологии многих индоевропейских народов закрепляется представление о том, что умерший человек теряет свою память. Представление о смерти как беспомыслии закреплено было в мистических учениях орфиков и пифагорейцев. При этом человеческая душа при метемпсихозе (переселении душ) способна сохранять часть воспоминаний о прошлых жизнях. Это представление закрепилось в античной философии. В частности, у Платона возникает понятие о «припоминании» эйдосов, когда душа способна внезапно постичь сущность истинных идей (эйдосов) путем озарения. Подобные воззрения мы находим и у Эпиктета, утверждавшего, что он помнит все свои прошлые жизни. Добавим, что поэты во время озарения (вдохновения) обретают часть знаний прошлых жизней, именно поэтому для античной культуры поэтическое откровение было сакральным.

Итак, Кондратий Дубов эмоционально и духовно подпитывается от памяти о покойной жене. Эта «запечатанная память» позволяет ему спастись от одиночества. Собственно, духовная близость с женой позволяет ему не замечать своё одиночество. Происходящее в окружающем мире всегда соотносится у Дубова с образом Настасьи: она реагирует на происходящее тем, в каком виде является в его голове. Самому старику предпочтительней вспоминать её молодой, счастливой. В горькие минуты Настасья предстаёт перед ним покойницей.

После сцены с Марией Анохиной, отнявшей сапоги у Дубова и назвавшей его «проклятым» за похоронку, старик возвращается в свой дом. Владислав Титов так описывает этот момент: «Дубов вошел в горницу, не раздеваясь, сел под образа, на то место, где всегда сидела Настя, снял шапку, обтер ею лицо, положил перед собой. Плечи его задрожали, он уронил голову на стол и заплакал. Громко, навзрыд.

– Настя, Настенька... – Причитал Кондрат и качал седой головой» [3, с. 264].

Перед нами не только сцена глубоко переживаемого горя (внешний сюжет), но и обрядовые действия, которые призваны помочь установить связь с «запечатанным» образом покойной жены. Однако Настасья не откликается на мольбу мужа, автор не пишет, что она «привычно» предстала перед ним. Старик Дубов остаётся со своим горем в полном одиночестве.

В рассказе «Полые воды» Владислав Титов, как мы могли убедиться, изображает «запечатанную память». Память накладывается на отголоски сохраняющегося в русской крестьянской среде мифологического сознания. Согласно А. Ф. Лосеву, «Миф отождествляет идейную образность вещей с вещами как таковыми и отождествляет вполне субстанционально» [2, с. 167]. Поэтому сапоги в «Полых водах» должны восприниматься не как символ или аллегория, связанные с погибшим на фронте Михаилом Анохиным, эти сапоги нужно понимать мифически: как продолжение личности самого Анохина.

Отметим, что память в человеческом сознании предстаёт своеобразным пространством «застывшего времени». Мартин Хайдеггер характеризует время как вот-бытие (дазайн), напрямую связывая время с сейчасностью бытия человека. Философ отмечает: «И поскольку время – всегда моё, существует много времён. Время вообще – это нечто бессмысленное: время временно» [4, с. 161]. Подобное понимание времени как неотъемлемой части бытия человека мы находим и у А. Ф. Лосева, который в «Диалектике мифа» замечает, что время сопряжено с мироощущением человека. Лосев так характеризует время: «...времен очень много... они сжимаемы и расширяемы... они имеют своё фигурное строение. Ребёнок, проживший три года, отнюдь не меньше прожил, чем девяностолетний старец. Их жизнь одинакова перед лицом вечности как жизнь, только она наполнена в обоих случаях разным содержанием» [1, с. 85]. Таким образом, время – это часть мироощущения личности (по Хайдеггеру «мы сами суть время»).

«Запечатанную память» в рассказе Владислава Титова «Полые воды» можно трактовать как возвращение во времени, в бытийные моменты переживаемого человеком счастья. Возвращение во времени, таким образом, воспринимается как возвращение к самому себе, собственному дазайну в прошлом. Эти переживаемые мгновения счастья сопряжены с олицетворением этого счастья. Так, для старика Дубова таким олицетворением счастья выступает его умершая жена Настасья. Для Марии Анохиной олицетворением воспоминаний о довоенном бытии выступают сапоги её погибшего мужа Михаила.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. Философия. Мифология. Культура. – Москва: Политиздат, 1991. – С. 21-186. – ISBN 5-250-01293-0. – Текст: непосредственный.
2. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. Проблема символа и реалистическое искусство. – Москва: Искусство, 1976. – 368 с. – Текст: непосредственный.
3. Титов В. А. Полые воды / В. А. Титов. Всем смертям назло... Повести. – Москва: Советская Россия, 1975. – С. 241-264. – Текст: непосредственный.
4. Хайдеггер М. Понятие времени / М. Хайдеггер; [перевод с немец. А. П. Шурбелёва]. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2021. – 200 с. – ISBN 978-5-93615-250-4. – Текст: непосредственный.
5. Элиаде М. Аспекты мифа / Мирча Элиаде; [перевод с франц. В. П. Большакова]. – Москва: Академический проект, 2024. – 236 с. – ISBN 978-5-8291-3995-7. – Текст: непосредственный.

УДК 130.3

*Т. А. Чикаева,
г. Москва*

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИСЛАВА АНДРЕЕВИЧА ТИТОВА

Моё знакомство с творчеством Владислава Андреевича Титова началось в школе. Несколько уроков литературы были посвящены его автобиографической книге «Всем смертям назло». После того, как чтение было окончено, стало ясно, эта книга уже стала и станет путеводной нравственной звездой для многих поколений наших людей. В ней есть нравственный потенциал, который отличает русского человека, свидетельство действительного приоритета духовных ценностей.

Сергей Петрова, главного героя книги В. А. Титова, хочется поставить в один ряд с Алексеем Мересьевым, поскольку его также можно именовать «Настоящий человек».

Значимо также и то, что как у Алексея Мересьева, так и у Сергея Петрова есть реальный прототип. Только об Алексее Петровиче Маресьеве и его великом подвиге во имя Родины и Победы написал повесть уже известный писатель Б. Н. Полевой, а прототипом для Сергея Петрова стал сам Владислав Андреевич Титов. История Сергея Петрова и его супруги — это история преодоления страшной трагедии в жизни Владислава Андреевича и его семьи, это гимн жизнелюбию, силе духа, утверждение того, что жизнь человека полноценна только, когда у него есть возможность созидать, что любовь заключается в действительной помощи и поддержке, что есть ценности, которые превыше всего и ради которых можно пожертвовать тем, что считаешь дорогим для себя.

Знание о том, что такой человек живёт в нашей стране, что он, как и тогда также здравствующий Алексей Петрович Маресьев, в одном ряду с теми, кто является гордостью России, всего Советского Союза, приводило к тому, что повседневные неурядицы начинали пониматься как нечто мелкое, малозначительное, и становилось ясно — настоящая жизнь связана с трудом и подвигом, а также с искренней любовью, созидательной, способствующей труду и подвигу, мотивирующей человека стать лучше, преодолеть свои недостатки и исправить ошибки.

Владислав Андреевич Титов стал для меня, как и для многих других людей, человеком, на которого следует равняться. Большим и значимым поступком было уже то, что он нашёл силы просто жить. Наверное, им с супругой и дочерью было бы достаточно просто быть вместе, но Владиславу Андреевичу, как настоящему советскому человеку этого было мало. Без труда, без того, чтобы быть полезным ему было тяжело, все аргументы об объективности ситуации, о том, что он заслужил своим подвигом то, чтобы теперь заботились о нём звучали для него слабо. Ему требовалось добиться того, чтобы страшный физический недостаток был преодолен, и это удалось. Суть подвига молодого шахтёра Владислава Андреевича Титова, в первую очередь, подвиг нравственный, подвиг ценностного выбора.

Своё понимание того, что является ключевыми ценностями для человека Владислав Андреевич перенёс в свои произведения. Поведение героев его книг заставляет задуматься о том, что действительно ценно в нашей жизни, как следует жить. Вспоминая сюжеты повестей и романов, понимаешь, что в них в образах передана информация о содержании тех духовных ценностей, которые для русского человека выше всех материальных благ.

В 2022 году вышел Указ Президента России № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», и в научно-философских кругах начались обсуждения того, как следует трактовать их содержание, как соотносить с тем, что привычно называют общечеловеческими ценностями. Проведены конференции, написаны статьи, но есть те, кто говорит о необходимости дополнительных исследований и дискуссий. Эти люди, возможно уже поняли онтологическое содержание ценностей и убедились в их значимости, но пока в их сознании нет образов этих ценностей, нет образа человека, который живёт этими и близкими к ним высокими духовным ценностям. Книги Владислава Андреевича Титова могут стать тем источником, которые поможет решить данную задачу. Конечно же, научное и философское осмысление нравственных ценностей и нравственного потенциала будет продолжено, но обращение к творчеству писателя будет способствовать тому, что исследователям удастся избежать упрощения или искажения в своих трактовках.

Заметим предварительно также следующее: базовое, программное произведение Владислава Андреевича Титова — автобиографическая повесть «Всем смертям назло» одновременно философское произведение. В нём есть все признаки трагедии, но такой, где помимо указания на будущее торжество сил Добра, уже есть его победа. Сергей Петров обладает всеми качествами героя. Он является целостной нравственной личностью, тем, кто проявляет свою волю и следует высоким духовным идеалам. Будет ложью говорить о том, что Сергей Петров, а значит и Владислав Андреевич Титов, который является его прототипом,

стал жертвой несчастного случая или обстоятельств. Это был осознанный выбор, продиктованный совестью, а значит, можно рассматривать те выводы о нравственном идеале, вытекающие из произведения Владислава Андреевича как утверждение и опубликование того, что является его внутренней сущностью, того, что он считает ключевыми понятиями своей жизни и миссии человека. У Сергея Петрова была возможность избежать ранения, он мог просто уйти и позвать на помощь, и вряд ли его кто-то осудил бы, но и книжный герой и герой реальный выбрали другой путь.

Глубина этического потенциала книг Владислава Андреевича Титова требует серьёзного изучения, так как многое, на первый взгляд, кажется очевидным и даже стереотипным, а для кого-то и мало относящимся к реальности. Задача настоящей статьи видится в том, чтобы акцентировать внимание на некоторых базовых ценностях русской культуры, которые утверждаются в книгах писателя.

Во-первых, это ценность Родины. В произведениях В. А. Титова Родина — это то, что даёт человеку силы жить, это его исток, то место, где он может найти выход из любой ситуации, увидеть истину за многими, скрывающими её покровами. Даже мимолётное прикосновение к тому месту, с которым для человека связана святыня Родины придаёт человеку особую силу. В повести «Ковыль — трава степная» один персонаж просит свою маму присылать ему в письмах растения родной земли. Даже такая малость имеет значение, без неё трудно жить, а с ней становится легко. Такое отношение к Родине, к родной земле, которая является для человека источником понимания сути Родины как духовной святыни, и через знание которой формируются образы Родины соответствует пониманию Родины в русской философии. Родина — превыше многого, человек может жить полноценной нравственной жизнью только, когда творит и созидает на её благо, когда ощущает её поддержку.

Известное выражение «А люди и есть Родина» можно применить к героям произведений Владислава Андреевича. Это проявляется в том, что Сергей Петров принял решение отдать свою жизнь ради своих друзей и коллег, в этот момент он исполнил высший завет русской культуры «Сам погибай, а друга выручай». Родина наделяет человека нравственными качествами, которые становятся для него принципами, на основании которых он строит свою жизнь и взаимоотношения с окружающими. Сергей Титов — человек, в поведении которого нашёл отражение идеал личности, носителя русской культуры, когда мерилом всего является совесть. Тезис о том, что через людей, их судьбы, их решения и поведение познаётся Родина, подтверждается в поведении других героев писателя, в том, как противопоставляются те, кто духовно чист и следует нравственному идеалу, и те, кто выбрал для себя иной путь, кто способен совершить предательство.

У выражения «А люди и есть Родина» есть продолжение: «Предать, обмануть людей, значит обмануть Родину». В повести «Ковыль — трава степная» Мишка Козленко предаёт своего друга Евгения Кудряшова, одновременно совершая преступления против Родины, воруя на стройке и подделывая подпись Евгения, трудившегося начальником стройки, тем самым желая или допуская ломку его судьбы и трудности для промышленного развития, то есть для совершенствования базиса общественной жизни города. Поступок Михаила Козленко нельзя считать только преступлением из корыстных побуждений. Надо помнить, что герои повести — представители послевоенного поколения, которое прекрасно знало то, что совершили их отцы и матери ради жизни на Земле, ради грядущего своей страны, насколько важен промышленный потенциал каждого города и всего государства. Его поступок, прежде всего, предательство Родины, проявившееся в том, что идея собственного комфорта приобрела приоритетное значение.

Образы Родины, которые сформировались у героев произведений Владислава Андреевича Титова различны. В книге «Всем смертям назло» в образах главных и второстепенных героев прослеживаются черты, которые философы связывают с качествами

Родины. Это творчество, поиск решений и их нахождение даже в самой безвыходной ситуации, это созерцательность, то есть умение выйти за рамки строгой формальной логики, духовность, то есть способность на первое место поставить нравственные задачи.

Второй нравственной ценностью, которая раскрывается в произведениях Владислава Андреевича Титова является любовь. Сегодня категория «любовь» требует особого внимания. Иногда создается впечатление о том, что некоторые люди вкладывают упрощенный смысл в данное понятие и для них содержание высказываний «любить кого-то» или «любить что-то» тождественны. В разговорах можно услышать рассуждения о том за что кто-то кого-то любит или разлюбил, лейтмотивом которых является перечисление благ, которые получают от любимого, как будто любовь тождественна взаимовыгодному партнерству, которое может прекратиться вследствие стечения обстоятельств. В русской философии любовь понималась всегда как нравственное чувство, как то, что возвышает человека.

Любить значит видеть в предмете своей любви того, кто жизненно необходим, уметь различать его истинную сущность, и то, что мешает её раскрытию, помогать любимому преодолеть трудности, стоящие на его пути, отсутствие смещения любви и выгоды взаимного проживания, договорных отношений. Конечно, нельзя исключать того, что мужчина и женщина живут вместе и заключают брак как выгодную сделку, но тогда у них нет любви, хотя может быть взаимопонимание, уважение и дружба. Но таким людям трудно понять то, что происходит между Сергеем Петровым и его супругой Таней, героями повести «Всем смертям назло», также сложно прийти к пониманию нравственного уровня поступка, который совершают мать и отец Евгения Кудряшова из повести «Ковыль — трава степная» дважды, когда отказываются от совместной жизни, и когда принимают решение быть вместе.

Любовь в традиции отечественной культуры высшее нравственное чувство, которое лежит в основе развития и самосовершенствования. Придя к человеку однажды она остаётся с ним навсегда. Если кто-то говорит о том, что разлюбил, значит его чувство к другому было чем-то иным, например, признательностью, уважением, благодарностью, может быть за какие-то конкретные добрые дела и поступки. Любовь в отечественной культуре безразлична ко многому, кроме того, что является внутренним нравственным стержнем человека. Сергея и Таню Петровых связывало именно чувство любви. Любовь помогла им преодолеть того безмерное горе, которое на них свалилось, найти путь, который позволит жить полноценной жизнью и получить награду в виде новой жизни, которой они положили начало.

Важно отметить то, что в отечественной культуре различают любовь и любовь-жалость или просто жалость. В одной популярной в одно время песне есть слова «уже не любит, но жалеет». Любовь-жалость испытывает человек к тому, кто ему дорог, но в силу тех или иных обстоятельств вряд ли осуществит свой потенциал стать лучше. К таким людям относятся снисходительно, прощая им многое, пытаются скрасить их существование какими-то приятными вещами, смиряясь с их поступками или словами, далёкими от поступков соответствующих велению совести, соглашаясь на предоставление им суррогата жизни. Таня — супруга Сергея Петрова нашла в себе силы поступить как действительно любящая женщина, которая верит, что любое препятствие преодолимо и говорит правду о том, как идёт это преодоления. В описании того, как Сергей Петров учился писать, взяв карандаш в зубы, есть строки, где он просит свою супругу признать его успехи и поставить отличную отметку, упоминая о том, что она очень строгий наставник. Из этих строк становится ясным высокий нравственный потенциал любви — вести к развитию, к идеалу, в обретению себя в новом качестве.

Третья нравственная ценность, которая проходит красной нитью через творчество Владислава Андреевича Титова — творчество, созидание. Быть непосредственным участником общественных процессов, трудиться на благо своей Родины, своих друзей, семьи — желание Сергея Петрова. После аварии одним из поводов грусти и злости на самого себя, свою судьбу является то, что больше нет возможности спуститься в шахту, выполнить свой

профессиональный долг, что другие будут реализовывать идеи по оптимизации шахтёрского труда и получению лучших результатов, над которыми он думал и для которых стал инициатором внедрения. Тяжелая инвалидность для Сергея Петрова была помехой для того, чтобы чувствовать себя полноценным человеком, так как человеку трудно жить без творчества и созидания, он тогда может существовать, но в этом нет радости. В повести есть упоминание о том, что тогда человек меняет истинные ценности на суррогаты, например, находя утешение в алкоголе, в пьяном забытьи.

Быть активным человеком, творцом, а не потребителем нравственная ценность отечественной культуры. Нельзя для человека, который живёт по совести допустить то, что его участь будет состоять в том, чтобы только принимать дары других, пусть даже заслуженно, ему нужно приносить пользу, быть тем, кто созидает блага для своей Родины, своего народа, своих близких. В повести Бориса Полевого Алексей Мересьев плясал на протезах, чтобы убедить врачей отравить его в действующую авиацию истребителем, и добился своего, став одним из тех, кто принёс миру победу над фашизмом. Герой повести В. А. Титова Сергей Петров нашёл силу духа научиться доносить до людей образы добра, надежды, любви, поступков, в основе которых лежат совесть, долг, ответственность. Сам Владислав Андреевич, кроме писательского труда, занимался общественной деятельностью, был членом редколлегии журналов «Юность», «Радуга», «Донбасс», членом президиума областного Комитета защиты мира, членом Союза журналистов, депутатом Луганского городского совета народных депутатов, то есть на деле был проводником идеи о значимости творчества и созидания, их нравственном потенциале.

Каждый персонаж творчества Владислава Андреевича Титова достоин самого подробного исследования. В его произведениях заложен ответ на вопрос о том, что есть нравственный идеал в реальных условиях, как преодолеть самые трудные обстоятельства. Герои его книг подтверждают известную истину: «Человек — это звучит гордо». В их мыслях, словах и поступках также содержится утверждение того, что русский человек является носителем особой культуры, ценностный идеал которой при его воплощении в действительность позволит построить модель мира и взаимоотношений между людьми и народами, основанную на совести, любви, чести и достоинстве. Жизнь и подвиг Владислава Титова обязательно будет вдохновлять ещё многие поколения, и ещё многие читатели скажут, что, несмотря на все превратности судьбы, у героев его произведений, как и у самого писателя была счастливая и достойная жизнь, на которую следует равняться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владислав Титов. Всем смертям назло. — URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/214323-vladislav-titov-vsem-smertyam-nazlo.html> (дата обращения: 26.10.24).
2. Владислав Титов. Ковыль — трава степная. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/55788-23-vladislav-titov-kovyl-trava-stepnaya.html#book> (дата обращения: 26.10.24).

«РАНЕННЫЙ ЧИБИС» ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА: УРОК ЖИЗНИ И МИЛОСЕРДИЯ

Мы все умрем, людей бессмертных нет,
И это все известно и не ново.
Но мы живем, чтобы оставить след:
Дом иль тропинку, дерево иль слово.
Р. Гамзатов

«Раненый чибис» [4] – «небольшой и очень поэтический рассказ», по определению Б. Полевого, очень личный, трогательно-щемящий, берущий за душу и уже не отпускающий. В небольшом по объему произведении В. А. Титов преподает урок настоящего милосердия, урок, заставляющий задуматься не только над историей, рассказанной автором, но заглянуть в себя: обладаем ли мы «зоркостью сердца», умением слышать душу другого?..

В рассказе «Раненый чибис» остро ощущается струя автобиографичности, да и судьбы раненого чибиса и глухонемого мальчика Саши невольно соотносятся с жизнью автора, с теми испытаниями, которые выпали на долю автора и его близких. «Раненый чибис» – это рассказ и о человечности, сострадании, и о человеческой глухости.

Этот рассказ был написан еще собственной рукой, когда Владислав Титов учился в горном техникуме. Об истории создания этого произведения автор позже написал так: «О чибисе начинал писать несколько раз, и каждый раз не получалось. Будто бы все правда, все из жизни – и все не так. Не мог я смириться с той жестокостью, с которой мальчишки обошлись с птицей. Не имела эта жестокость права на жизнь. Потом осенило – ведь Саша должен спасти чибиса!

Рассказ был написан за двое суток. И в журнал „Юность” пошел без редакторской правки» [3].

Реальный чибис погиб. Реальные мальчишки жестоко обошлись с птицей. Так же жестоко поступил и реальный человек в издательстве, куда была отправлена рукопись повести, сделавшей затем автора известным (без преувеличения!) во всем мире. Но волей автора чибис был спасен, как будет спасен и реальный Владислав Титов, сначала руками врачей и заботой и верой жены, поддержкой товарищей и наконец – чутким, «ответственным сотрудником редакции журнала „Юность”, ведающим работой с начинающими писателями» и главным редактором журнала Б. Н. Полевым.: «Работника этого в редакции знали как человека вдумчивого, умеющего отбирать в огромной массе стихов и прозы, ежедневно поступающих в редакцию, все живое и интересное. И хотя имя автора – Владислав Титов – тогда ничего не говорило, а странный почерк отнюдь не располагал к чтению, я, придя домой, признаюсь, довольно неохотно раскрыл эту заношенную, лохматую по краям папку, да так и не выпустил ее из рук, пока не перевернул последней страницы.

Рукопись была сыровата, я бы сказал, угловата. Сразу чувствовалось, что автор еще неопытный в литературном деле человек. Но повесть была пронизана трепетным дыханием настоящей жизни. Читая, нельзя было не волноваться» (из предисловия Б. Н. Полевого «Слово о богатом человеке» к книге В. А. Титова) [2].

Эти же определения можно отнести и к другим произведениям Владислава Титова. И удивиться потрясающей способности жизни так переплетать судьбы людские: с одной стороны, жизнь автора с трагичной личной судьбой, сумевшего перебороть выпавшие на его долю испытания и найти себя в писательском творчестве, основанном прежде всего на очень личных переживаниях, и, с другой – автора, написавшего произведение, прообразом героя которого так же стал реальный человек с очень похожей судьбой.

Не случайной оказалась эта встреча! Ведь история героя «Всем смертям назло» (как и его автора) – это тоже «повесть о настоящем человеке»! Оба произведения давали и дают надежду многим реальным людям. Это – книги-уроки, уроки в равной степени мужества, стойкости и милосердия.

Образ чибиса, вынесенный в сильную позицию названия, отнюдь не случаен. Тем более, что сама птица является символом степи и «самым ярким обитателем открытых пейзажей» (Т. Л. Гвоздева) [1]. Чибис – герой многих легенд и преданий с давних времен: о нем слагали легенды еще древние египтяне и греки, в начале XVI века философ Корнелий Агриппа написал, что чибис «по-видимому, имеет нечто королевское и носит корону», у разных народов «он символизирует весну, возрождение», поэтому достаточно часто встречается на гербах городов и населенных пунктов (например, поселка Белоостров (Россия), коммуны Гаубич (Австрия), коммун Гросенштайн и Меггердорф (Германия)). А «нашим предкам-славянам в надрывном крике этих птиц слышался безутешный плач скорбящих матерей и вдов... Чибисы всегда охранялись и почитались на Руси» и считалось «предосудительным убивать взрослых птиц и разорять их гнезда» [1].

В рассказе В. А. Титова мы как раз и видим, как эта заповедь предков была нарушена, но волею автора и прежде всего любовью птица будет спасена... В рассказе мы встречаемся с чибисом и с реальным, и возникающим во сне рассказчика. И птица во сне обретает не просто голос, а речь: «Ты ранил меня!», как и еще один главный герой – глухонемой мальчик Саша: «Птичка моя, он ранил тебя! Родная моя... Как же ты теперь в небо поднимешься? Птичка моя...». Голос обретает и степь, где случилось эта беда: «– Зачем, зачем, зачем?... – эхом заголосила степь и поплыла рыжими волнами ковыля. ...– Человек должен быть добрым! – гулко простонала степь». А вот рассказчик лишается голоса: «Номой голос повис в пустоте, и я с ужасом ощутил, что беззвучно шевелю губами, не в силах произнести фразы». И он не может ответить на те вопросы, которые задает во сне Саша: «Ну что она сделала тебе? За что ты ее так? За что? ...– Эх ты! Она же птица, она любит небо, за что ты ее так?» И как приговор: «– Ты ранил их, безумец!» «Их» – это и птицу, и небо, и степь, и Сашу, да и себя, совершив этот безумный и бессмысленный поступок...

В сюжете рассказа «переплетаются» не только образы реальной птицы и птицы из сна рассказчика, но и образы Саши из сна и той реальной истории, которую нам рассказывают. Но есть еще и реальный Саша, которому посвящен рассказ: «Светлой памяти брата Александра» – и о котором В. А. Титов рассказывает в своей первой повести.

Обращает на себя внимание то, что весь этот рассказ построен на сплетении реальных событий и реальных чувств автора с приданием им практически символического характера. Есть текст «Раненого чибиса» и есть фрагменты из повести «Всем смертям назло»: один текст является как бы продолжением или, скорее, дополнением другого. Трагическая история чибиса и история реального глухонемого брата Саши, также трагически погибшего от нелепой случайности, оставили неизгладимый след в душе писателя. Боль от пережитого требовала выхода, осмысления причин происшедшего, бесконечными попытками найти ответ на вопрос «Почему?». И автор делится с читателями этой своей болью и очень личными, болезненными воспоминаниями, что не может сделать со случайными попутчиками, с которыми он оказывается в одном поезде. Почему? Наверное, потому, что чувствует: эти люди не поймут, не смогут услышать сердцем историю, которая не отпускает рассказчика уже много лет. Они, скорее, оказались ближе к тем детям, реальным и героям рассказа, которые замучили птицу и были жестоки с немой Сашей...

Еще одной особенностью рассказа «Раненый чибис» является то, что он весь «пронизан» «звуковой» лексикой, передающей звуки окружающего мира, слышать которые не дано Саше: «степь встречала нас хором птичьих голосов, треском кузнечиков», «тихо шумел камыш, шуршала осока... и болотные чайки пронзительными криками дополняли чарующую красоту дня», «за домом злым отрывистым голосом лаял пес, в степи

пронзительно и умиротворенно кричал чибис». Безмолвие, «окутавшее... мальчугана», разрывают не попытки «рассказать [Саше] о звуках», которые предпринимает рассказчик, отчаянно жестикулируя «руками в безнадежном стремлении... донести... хоть крупицу огромного мира звуков», а те душевные разговоры, которые они ведут между собой в степи, на сеновале, когда «ночь живет в звездах и в звуках, а к сердцу подкатывает грусть» и «мерцающий сверху рой звезд только подчеркивал... этот будто не наш, а прилетевший с другой планеты прекрасный и волнующий, протяжный чибисиный крик», ведь этот «разговор» между взрослым и шестилетним мальчиком ведется на языке чувств. (Возникающая ассоциация со сказкой А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц», на наш взгляд, вполне закономерна: ведь действительно, «зорко одно лишь сердце» и «главного глазами не увидишь».) На протяжении всего рассказа не единожды возникает ощущение, будто слышимые рассказчиком голоса окружающего мира и прежде всего голос чибиса помогают преодолеть немоту ребенка...

И именно мальчик оказывается более мудрым сердцем, душой после случившейся беды, которую наделал необдуманный выстрел, «ранивший птицу и убивший человеческую дружбу». Именно Саша вылечил чибиса, а «ранним утром вынес его в степь, подбросил вверх и долго бежал вслед за летящей птицей, пока не упал выбившись из сил». И он пришел на вокзал, чтобы проводить рассказчика: его маленькому сердцу дана была способность прощать...

Два образа – раненого чибиса и глухонемого мальчика – в рассказе сливаются и для рассказчика, для читателя в один, что подчеркивается в последнем обращении к Саше, который на перроне «стоял один, босой на мокром асфальте, под холодным осенним дождем...

„Саша, Сашенька, дружище ты мой! Чибис ты мой, раненный судьбой... Как же ты так... Босиком через степь... Спасибо тебе, мальчик мой!”. Пропавший за далью маленький, «раненный судьбой» друг преподал, возможно, главный урок взрослому: урок прощения и милосердия.

Последние три абзаца в рассказе автор отделяет от основного текста. Этот прием воспринимается как итог всей истории, своеобразный вывод, который в свою очередь оформлен, скорее, как открытый финал. Сформулированный в нем вопрос рассказчика (автора?) адресован самому себе и, конечно же, нам: «...сколько их в жизни, этих „почему“, на которые трудно, а порой и очень больно ответить».

Все творчество Владислава Андреевича Титова о бесконечных уроках жизни – уроках реальных, не выдуманных, заставляющих задуматься и не пройти мимо чужой беды, остановить свою руку или слово, которые могут ранить или даже убить. «Раненый чибис» – рассказ о глухонемом мальчике, душа которого может быть и убита людьми, походя, просто так, случайно, а может быть и оживлена... От чего это зависит? На все ли «почему» мы можем и осмелимся дать ответы?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гвоздева, Т. Чибис – самый яркий обитатель открытых пейзажей / Т. Гвоздева // Я – краевед : сайт. – 2020. – 18 сентября. – Текст: электронный. – URL: <https://ya-kraeved.ru/chibis-samuj-yarkij-obitatel-otkrytyx-pejzazhej/> (дата обращения: 21.10.2024).
2. Полевой, Б. Слово о богатом человеке / Б. Полевой. – Текст: электронный. – URL: <https://biography.wikireading.ru/hi5Ux7bLry> (дата обращения: 21.10.2024).
3. Титов, В. А. Всем смертям назло... / В. А. Титов. – Текст: электронный. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/214323-vladislav-titov-vsem-smertyam-nazlo.html>
4. Титов, Т. А. Раненый чибис / В. А. Титов // Титов Т. А. Избранные произведения. Повести и рассказы / В. А. Титов. – К.: Днипро, 1984. – С. 425–431.

**МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ТИТОВА: В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ-
ПРАКТИКУ**

УДК 821.161.1

*С. С. Карташян
п. Добринка*

СЛОВО О ЗЕМЛЯКЕ...

7 (10) ноября 2024 года уроженцу Добринского района, нашему земляку, человеку удивительной судьбы, который незримой нитью связал Луганск с добринской землёй, – Владиславу Андреевичу Титову исполнилось 90 лет. В 1967 году имя простого горняка из глубинки стало известно всей стране. Именно тогда в журнале «Юность» было опубликовано его первое произведение – автобиографическая повесть «Всем смертям назло», рассказывающая о трагической судьбе 26-летнего горного мастера, спасшего от неминуемой гибели своих товарищей - шахтёров.

В 1967 г. главным редактором журнала «Юность» являлся Б. Н. Полевой, который написал следующее: «Однажды в почте «Юности» обнаружили солидных размеров тетрадь – рукопись, написанную неровным, прыгающим почерком. Взялся читать ее и читал до утра. Это оказалась прекрасная проза: профессиональная, искренняя, написанная отличным живым языком. В ней рассказывалось о труде советских шахтеров, о катастрофе на шахте, где вспыхнул пожар, грозивший взрывом и гибелью сотен людей. Трагедию предотвратил один из рабочих, бросившись на рубильник высокого напряжения. Фамилия автора никому ничего не говорила. Повесть решили напечатать. А потом в редакцию зашел и сам автор. Крепко сбитый, ладный молодой парень. Протягиваю ему руку, чтобы познакомиться, а он мне руки не подает. Оказывается, нет у него обеих рук, ампутированы.

Тогда я и узнал историю горного мастера, комсомольца Владислава Титова, автора той биографической повести, которую сегодня знает весь мир. Титов писал свою повесть зубами: прикрепив карандаш к резинке, зажатой во рту, и мучительно трудно выводил каждое слово на листе бумаги, закрепленном на грифельной доске.

«— Что дало силы? — спрашиваю. Отвечает: — Алексей Мересьев...»

Повесть автобиографична, и образ главного героя Сергея Петрова слился в нашем сознании с образом самого писателя. Насколько нужно быть мужественным, ответственным человеком, чтобы не раздумывая, броситься к горящему трансформатору с целью отключить кабель, по которому бежит огонь, и принять на себя удар в 6000 вольт!

Хочется отметить, что до того, как Б. Полевой издал повесть, уже доработанную и отредактированную, добринская районная газета «Заря коммунизма» ещё в августе 1963 года печатала «Всем смертям назло» отдельными главами на своих страницах. Добринцы по праву земляков стали первыми читателями произведения, первоначально имевшее безликий заголовок «Страницы жизни».

Как только повесть «Всем смертям назло» увидела свет, писателю стали приходить многочисленные письма (более 50 тысяч), в которых люди восхищались поступком писателя, просили Титова дать совет, как поступить в той или иной ситуации. Инвалиды спрашивали, как им найти своё место в жизни, родители просили совета в воспитании детей. В. А. Титов называл читательскую поддержку «живительным источником творчества», поэтому встречи с читателями, поездки по стране были регулярными.

Произведение стало необычайно популярным и было переведено на 28 языков мира, печаталось 19 раз общим тиражом более 6 млн. экземпляров. Чем привлёк В. А. Титов своих читателей? Тем, что проблемы, затронутые в повести, волнуют каждого человека: мужество, героизм, человеческая слабость, трусость, всепобеждающая любовь, взаимовыручка.

Автор ведёт повествование о подвиге как о чём-то будничном, обыденном, избегая пышных фраз, восклицаний. Композиция произведения строится на антитезе, с помощью которой создаётся контраст. Противопоставляются два взгляда на жизнь. Один присущ обывателю, мещанину, похожему на человека, сказавшему Сергею: «Я бы на твоём месте жил да спал. Деньги платят, что ещё надо?» Другое мировоззрение у тех, кто видит смысл жизни в совершении добрых дел. Его выражает главврач районной больницы словами: «Каждый поступает так, как подсказывают долг и совесть».

Именно эти два понятия «долг» и «совесть» всегда определяли нравственную позицию человека, это то, чего нам не хватает в современном мире.

В 1967 году в Липецком областном драматическом театре был поставлен спектакль по повести «Всем смертям назло». Идея постановки на сцене принадлежала театральному режиссёру, актёру и драматургу, заслуженному артисту РСФСР Константину Даниловичу Миленко. «Что бы я ни делал, куда бы ни шёл, – меня всюду преследуют герои вашей повести. Я зачитал её до дыр», – признавался в письме В. А. Титову К. Д. Миленко. Режиссёр приехал в Ворошиловград (ныне Луганск) к писателю, чтобы уговорить его поставить повесть на сцене театра. И уговорил. Над одноимённой героической драмой в трёх действиях они начали работать вдвоём.

С. Д. Лисовская, первая исполнительница роли Татьяны, вспоминает, что репетиции спектакля были сложными, так как, добиваясь достоверности, режиссер просил связывать актеру Вадиму Звону, исполняющему роль главного героя Сергея Петрова, руки за спиной. «Поскольку руки у него были связаны, он старался работать корпусом, помогая себе. От такого напряжения он был весь мокрый. И я не выпускала из рук платки, всё время его вытирала», – вспоминает Светлана Дмитриевна.

На премьеру спектакля 16 декабря 1967 года приехал В. А. Титов с женой Ритой, и когда они появились в зале, публика стоя им аплодировала.

Пьеса В.А. Титова «Всем смертям назло» была поставлена на сцене более ста пятидесяти раз. В Добринке на спектакле присутствовала мать писателя Анастасия Алексеевна Титова. В луганском театре пьеса ставилась тоже.

Писатель Владислав Андреевич Титов со своим героем Сергеем Петровым являлись примером мужества и стойкости для тысяч советских людей, и, надеюсь, останутся примером для тысяч россиян, так же, как и Алексей Мересьев Б. Полевого. Став инвалидом в 26 лет, Владислав Андреевич не смирился со своей страшной участью, а, «сжав в зубах карандаш, написал повесть о Любви, преданности и Человеке».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ионова Е. Всем смертям назло // Общество. Преодоление. №29 (099), 12-15 июля 2010 года
2. Миленко К. Всем смертям назло // Театральная жизнь. № 7, 1972 г. с. 22.
3. Письмо В.А. Титова родителям от 24.10.1972 года / Липецкий областной краеведческий музей

**ОТЗЫВЫ ЧИТАТЕЛЕЙ ПОВЕСТИ В. ТИТОВА «ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО» В
ГАЗЕТЕ «ЗАРЯ КОММУНИЗМА» ДОБРИНСКОГО РАЙКОМА КПСС И
РАЙОННОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ**

После выхода в свет повести «Всем смертям назло» В.А.Титов получил тысячи писем от читателей. Некоторые из них были опубликованы в нашей районной добринской газете, называвшейся в 1984 году «Заря коммунизма»:

«Дорогой Слава!

Ум отказывается осмыслить все, что перенесли ты и твоя жена. Да, наша матушка Советская Россия богата людьми, с которых можно и нужно писать портреты – новые повести о настоящих людях

Киев. К. Суровецкий, участник революций 1905-1917 гг.»

«Дорогой товарищ Титов!

Только что прочла вашу повесть и весь вечер была под впечатлением открытой людям истины о мужестве и героизме одного обыкновенного советского парня. Вы много выстрадали, потеряли руки — это страшно тяжёлая утрата, но в борьбе за действенную, приносящую пользу людям жизнь вы приобрели огромное уважение людей. Ваш Сережа не вызывает чувства жалости. Волевой, сильный духом, мужественный человек, преодолевающий физические и нравственные страдания, он вызывает чувство восхищения, желание найти в себе самой силы для преодоления своих душевных, физических, семейных разладов.

Примите и вы, Рита, мой низкий поклон за вашу огромную, чистую, преданную любовь, которая помогла вашему мужу выстоять. Видимо, такими, как вы, были жены декабристов, помогавшие своим мужьям в условиях ссылки оставаться верными своим прекрасным идеалам.

Пишите и дальше. Пишите много, много. Пусть творческая удача сопутствует вам. Желаю вам крепкого здоровья и неувядающей душевной молодости.

С искренним уважением А. Гутман, инженер Киевпроекта»

«Искренне рада, что в грозный час испытаний Сергей и Таня нашли в себе силы бороться с судьбой. Преклоняюсь перед необыкновенным мужеством хрупкой, юной девочки, вывалившей на свои плечи такую тяжесть. Это ее, и только ее заслуга, что Сергей остался, жить, нашел в себе силы и волю продолжить борьбу. Дорогой Слава! У нас, на твоей родине, в Добринке, зовут тебя наши Павкой Корчагиным. Мы все гордимся тобой.

В январе 1965 года меня постигло огромное горе. Горе, которому нет и не будет конца. При исполнении служебных обязанностей погиб мой единственный сын. Я не знаю, почему так жестоко устроена жизнь. Почему матери должны переживать своих детей? Мне сорок пять лет, а зачем мне жить? Вот пишу, а слезы застилают глаза, и нет мне ни в чем

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ТИТОВ: ПИСАТЕЛЬСКОЕ МАСТЕРСТВО И ГЕРОИЗМ ЖИЗНИ. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМЕНИ

утехи. Если ты позволишь, дорогой Слава, я буду считать тебя своим сыном, Поверь, мне будет легче, Я буду изредка писать тебе и радоваться твоим успехам, как радовалась бы успехам своего сына,

Целую вас обоих.

Ваша Анна Андреевна. П. Добринка Липецкой обл..».

В газете целая страница была посвящена жизни и творчеству В. А. Титова, к 50-летию со дня рождения писателя-земляка.

Современник, учитель добринской школы №2 Ю. А. Лебеденко, когда пришла траурная весть о смерти писателя, посвятил В. Титову замечательные строки:

Памяти земляка

Мы с ним в одной учились

школе.

И, верьте, нам

всегда везло:
Учили нас луга и поле
Все побеждать смертям
назло...
Ковыль-трава его здесь
помнит,
И речка Плавица грустит,
И чибис – птица
что-то молвит,
Когда над озерком летит.
Родная школа...
Томик скромный.
На память - строчки теплых
слов.
А почерк – аккуратный,
ровный.
И подпись - «Владислав Титов».
... Портрет знакомый
с черным крепом.
Две даты - скромные тире.
Не смерть ,
а жизнь встает за этим,
И дело – главное в судьбе.

Светлая память об это мужественном и скромном человеке навсегда сохранится в сердцах земляков, всех почитателей его таланта.

УДК 821.161.1

М. А. Панова
п. Добринка

МАТЕРИАЛЫ О ВЛАДИСЛАВЕ ТИТОВЕ В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Липецкий край богат талантами, в том числе и литературными. Среди них писатель Владислав Андреевич Титов.

В конце 60-х годов прошлого века на сцене Липецкого областного драматического театра была поставлена инсценировка повести В. Титова «Всем смертям назло». История создания этой книги необычна, ведь её написал человек, который стоял на грани жизни и смерти и вышел победителем.

Это было первое, частично автобиографическое, произведение нашего земляка Владислава Андреевича Титова. В своей повести он описал реальные события, произошедшие с ним лично, когда он работал на шахте «Северная» в Донбассе. В роли главного героя Сергея Петрова он показал самого себя. Именно он перенёс страшные

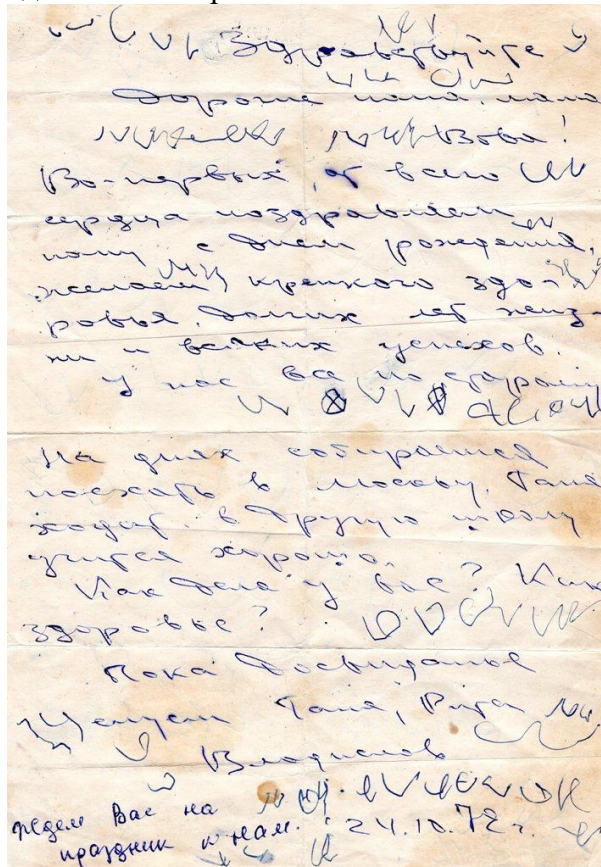
ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ТИТОВ: ПИСАТЕЛЬСКОЕ МАСТЕРСТВО И ГЕРОИЗМ ЖИЗНИ. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМЕНИ

испытания, стал инвалидом в 26 лет, тяжело переживал своё ущербное положение и страдал. В какой-то момент Титову захотелось поделиться своими мыслями и изложить их на бумаге, так появилась повесть «Всем смертям назло».

Советский театральный режиссёр, актёр и драматург К. Д. Миленко, прочитав повесть в журнале, обратился к бывшему шахтёру с просьбой разрешить инсценировать это произведение. Впоследствии Миленко писал: «Узнав о моём намерении создать пьесу по повести «Всем смертям назло», Владислав Андреевич сначала категорически отверг эту затею». Однако режиссёру удалось убедить его.

Инсценировка была поставлена сначала в Липецке, а затем в Ворошиловграде (Луганске), Донецке, Кемерово, Киеве, Житомире, Борисоглебске. А сама повесть была переведена на иностранные языки.

В фондах Липецкого областного краеведческого музея хранится необычное письмо. Оно было написано 24 октября 1972 года Владиславом Титовым своим родителям – Андрею

Антоновичу и Анастасии Алексеевне Титовым, а также братьям и сёстрам. Письмо обращает на себя внимание своим почерком и различными «закорючками» между строк. И только узнав о судьбе его автора, понимаешь, как технически сложно было его написать. Письмо было написано шариковой ручкой, но держал её Владислав не руками, а зубами. Обе руки были ампутированы.

Владислав Андреевич – наш земляк, родился в 1934 году в деревне Калиновка Добринского района, которой ныне не существует. После окончания школы он уехал в Донбасс, закончил там горный техникум и остался работать горным мастером.

В жизни всегда есть место подвигу. Наверное, В. Титов не думал, что место подвигу найдется и в его жизни. 14 апреля 1960 года в Донбассе, в нескольких километрах от Макеевки, на шахте «Северная» произошла авария. Вагонетка, упавшая с рельсов, высекла искру из кабеля. Огонь побежал к трансформатору, что неминуемо привело к взрыву. В это время в шахте работали люди...

Владислав бросился к щитку и обесточил его, получив при этом мощный удар электрическим током. Однако кабель продолжал гореть, тогда Титов накрыл собой горящий кабель и погасил огонь. Взрыва не произошло...

Владислав Андреевич получил тяжёлые ожоги, но выжил, он провёл в больнице несколько месяцев, перенёс несколько сложных операций. Удалось спасти обожжённую правую ногу, но врачам пришлось ампутировать ему обе руки.

А дальше началось самое трудное – нужно было научиться жить в новых обстоятельствах. И ему удалось это сделать, несмотря на многочисленные трудности и боль. Титов научился включать и настраивать телевизор, магнитофон. И даже ... писать. Сначала он пытался писать, зажав карандаш пальцами правой ноги, потом – зажав карандаш специально приспособленным протезом правой руки. Но протез не слушался, и тогда он взял карандаш в зубы. Месяцы упорных тренировок, и Владислав смог писать по 5,8,12 страниц в день. А после того, как шахтёры подарили ему печатную машинку, он стал печатать с помощью палочки, которой нажимал на клавиши. В фондах нашего музея хранится ещё один необычный предмет – палочка, с помощью которой Владислав Андреевич переставлял фигуры во время игры в шахматы.

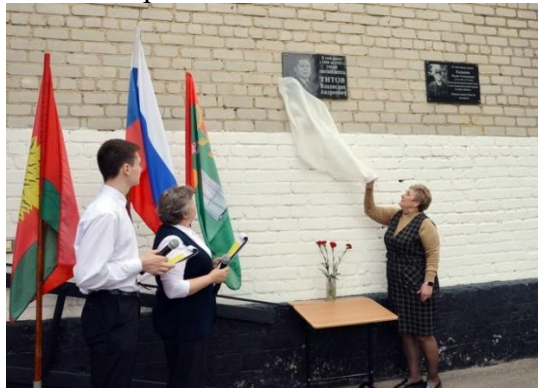
Перенести все тяготы ему помогла его жена – Рита, которая постоянно была рядом. Именно ей он решил посвятить рассказ, но небольшой рассказ перерос в повесть. Повесть «Всем смертям назло» впервые была опубликована в журнале «Юность» в 1967 году. Позднее режиссёр, Заслуженный артист РСФСР К. Д. Миленко в соавторстве с В. А. Титовым написал одноимённую героическую драму в трёх действиях.

В. А. Титов написал ещё несколько произведений: «Ковыль-трава степная», «Жизнь прожить», «В родной земле корням теплее», «Проходчики» и другие. Он был награждён орденами «Дружбы народов», «Знак почёта», стал Лауреатом Государственной премии УССР им. Т. Г. Шевченко, Всесоюзного литературного конкурса им. Н. А. Островского. Не стало писателя 30 апреля 1987 года.

ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ТИТОВ: ПИСАТЕЛЬСКОЕ МАСТЕРСТВО И ГЕРОИЗМ ЖИЗНИ. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМЕНИ

А в августе 1988 года мать героя Анастасия Алексеевна Титова передала в Липецкий областной краеведческий музей материалы своего сына .

Он оставил после себя заметный след в литературе и в жизни. В Добринке есть улица, названная его именем. Весной 2024 года в средней школе №2 п. Добринка установлена обновлённая мемориальная доска в честь писателя.

УДК 821.161.1

*А. А. Подтынная,
Т. И. Масленникова,
Л. А. Степаненко,
Т. В. Топчий
г. Луганск*

ЖИЗНЬ КАК ПОДВИГ

(к 90-летию Владислава Андреевича Титова):

материалы для уроков внеклассного чтения, подготовленные коллективом учителей-русистов гимназии № 60 имени 200-летия г. Луганска

*Бывает, устанешь, не выдержишь, сдашься,
Но спросит тихонько совесть:
«А как же, зубами сжав карандаш,
Титов писал свою повесть?»
Иосиф Курлат*

Учителю гимназии № 60 имени 200-летия г. Луганска Любови Алексеевне Степаненко принадлежат строки, которые приводятся далее:

*Страшный сон: вагонетка, и кабель горит,
Стрелы ввинчены в руки и тело.
Отключить! – Он срывается с места.
Щелчок! – И надежда на жизнь обгорела.
... И вот на весах или жизнь, или смерть,
Или жалкий удел калеки.
Визжащие звуки больничной пилы
С лица радость стёрли навеки
Страшно даже глаза открывать.
Мир ограничен – стол и кровать,
И бинтов белизна, так что слепит глаза,
И – некстати – скупая мужская слеза...
Ночь и свет поменялись местами,*

*И кто-то, весь в чёрном, теплом жизнь хороводит –
Твердит, что 6000 смерти подобно...
Гоню его прочь, но он не уходит.
... Шахтёрская хватка, Луганский характер
Ему подсказали: писать!
И тем, кто духом увял безнадежно,
О борьбе – за себя самого – рассказать.
Масштабы духовные этой судьбы
Будут долго ещё изучать
И в стремлении к жизни – назло всем смертям –
Будут смело ему подражать.*

Книгу **своей** судьбы человек пишет **сам**. Набело. Это понимает каждый, кто размышляет над её страницами. И когда человек, анализируя свои поступки, опирается на нравственно-этические принципы (например, отвечая на вопрос, который предлагает каждому из нас задать себе Людмила Татьяничева: *Что ты сделал хорошего, чем ты людям помог?*), он направляет стрелку сердечного компаса на Добро. Потому что, по выражению Владимира Высоцкого, «добро остаётся добром в прошлом, будущем и настоящем».

Сегодня наш разговор о человеке, которому посвящены строки Л. А. Степаненко и который в своей художественной автобиографии, озаглавленной поэтической строкой из стихотворения Константина Симонова – *«Всем смертям назло»*, размышлял о ключевом треугольнике судьбы так: *«Для жизни смерти нет. Жизнь бессмертна. Только когда человек за свою жизнь ничего хорошего не сделает, не совершит доброго дела, он умирает... Человек, не украсивший землю своим трудом, навсегда уходит в небытие...»* [1, с. 108].

Эти – поистине выстраданные и душой, и телом! – слова принадлежат Человеку с большой буквы, герою 60-х минувшего столетия, **Владиславу Андреевичу Титову**. При этом, даже сказав, что Владислав Титов – автор **14-ти** произведений, повестей и рассказов, – не значит сказать самое главное о нём. Потому что создал все эти произведения человек... без обеих рук! Без своих крепких, шахтёрских, крестьянского замеса рук, без которых он прожил вдвое больше лет, чем жил с ними!

Известны ли подобные этому случаи?!

Григорий Журавлёв, Николай Островский, Алексей Маресьев, Владислав Титов...

Что сближает, а точнее – объединяет этих людей, таких далёких друг от друга как по роду деятельности, так и по дате рождения? Необычная трагическая судьба из-за физического увечья? Или понимание того, что, по мнению В. Титова, человек, «не украсивший этот мир доброй работой, исчезает в небытие», ибо ничего не оставляет после себя? Возможно – и то, и другое. Однако главное, что их роднит, – это победа над собой, над бессилием, болезнью, увечьем, осознание своей нужности людям. Все они пришли к пониманию: *«Жизнь дорога каждому человеку. Каким бы он ни был. Жизнь – постоянная надежда на лучшее»* [1, с. 99]. Но что значит это лучшее для разных людей? Один видит его в материальном благополучии, другой – в моральном удовлетворении. Один надеется просто прожить отведённый ему судьбой срок, другой – не просто прожить, а испытать радость от осознания, что он нужен людям, что жизнь его для них не только важна, но и необходима.

Что оставили Журавлёв и Островский, Маресьев и Титов людям после своего ухода?

Григория Николаевича Журавлёва родившегося, в 1857 году, врождённая болезнь лишила рук, ноги же тоже не подчинялись ему, были безжизненными. Зажимая в зубах карандаш, Григорий Журавлёв вдохновенно писал иконы. преодолев жестокость природы, он сумел подняться к высотам редкого изобразительного искусства – иконописи. В музеях России хранятся его работы с авторскими надписями, одна из которых гласит: *«Сию икону писал зубами крестьянин Григорий Журавлёв в Утевке Самарской губернии, безрукий и безногий. 2 июля 1885 года»*.

Николай Островский, лишённый возможности не только передвигаться, но и даже видеть, всё-таки продолжал активно жить и работать. Он писал, движимый желанием души «глаголом жечь сердца людей». Результат несломленного духа Островского – его произведение «Как закалялась сталь», роман «о времени и о себе».

Огромной силой воли и духа обладал и Алексей Маресьев. Лишившись ног, преодолевая невыносимую физическую боль, он упорно учился ходить на протезах и сумел снова вернуться в профессию – стал лётчиком.

Луганский шахтёр Владислав Титов, по сути, повторил подвиг Григория Журавлёва, Николая Островского и Алексея Маресьева: лишившись рук, научился писать зубами; и первой написанной им книгой стала повесть «Всем смертям назло».

Повесть «Всем смертям назло» – это исповедь. В герое произведения Сергея Петрова Титов воплощает самые сокровенные свои мысли, наделяет его своей судьбой. Автор пишет о пережитом, ничего не приукрашивая. *«Самое трудное – это сознание собственной ненужности, – скажет Титов словами Сергея Петрова. – Потерять руки, перенести все кошмары операций – это ещё не самое страшное. Остаться за бортом жизни в расцвете сил, почувствовать свою ненужность обществу – вот самое жестокое испытание, которое может выпасть на долю человека...»* [1, с. 107].

Существовать выброшенным из жизни пенсионером, потеряв счёт тоскливым разнообразным дням? Поставить на своей судьбе крест и уныло ждать кончины? Такая жизнь не для человека с шахтёрским и одновременно – луганским характером! Но что может сделать в активной жизни человек, у которого руки ампутированы так, что не к чему даже пристроить действующие протезы?

Упорный, волевой, целеустремлённый человек начал борьбу за выход в большую и деятельную жизнь. Владислав Титов совершает поступок, кажущийся невероятным: он пробует, держа карандаш в зубах, писать движениями головы. Пробует – и у него получается!

Молодой автор рассказывал о своём подвиге как о чём-то естественном, обыденном, избегая пышных выражений и восклицательных знаков, с народным юмором, присущим шахтёрам Донбасса.

Героическая жизнь Владислава Титова убеждает нас в том, что только сильный человек – человек нестигаемой воли – способен преодолеть все трудности и препятствия на жизненном пути, добиться поставленной цели, осуществить свою мечту.

Судьба необычно переплела людей и события в жизни Владислава Титова. Подобно Григорию Журавлеву, он научился писать, держа карандаш в зубах. Борис Полевой, написавший замечательную «Повесть о настоящем человеке» о лётчике Маресьеве, первым по-настоящему оценил первое произведение В. А. Титова, понял глубину повести, оценил силу характера автора. Впоследствии Титов получил премию имени Николая Островского за мужество, за силу духа, которые оказались на такой же высоте, как у самого Островского. В облике нашего земляка словно сошлись «лучи» поколений, высветившие героические черты русского национального характера.

«Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы... И надо спешить жить» [2, с. 221]. Этот Корчагинский монолог в своё время вдохновенно учил и старший из детей в многодетной липецкой семье Титовых (всего детей было десятеро!) – Владислав. Учил, не потому что задавали, а потому что в тех словах – любовь. Любовь к жизни!

Любовь – это подарок судьбы для человека. Встретить на своём пути любовь – это счастье. На всю жизнь. Судьба одарила таким счастьем Владислава! Его жена Рита была ему верной помощницей, сиделкой, секретарём, но главное – Другом. Их пути пересеклись в Луганске, где жила Рита, когда Владислав учился там в горном техникуме. Познакомился Слава с Ритой всего за месяц до призыва в армию, в которую уходил на 3 (!) года. Да, целых

3 года они переписывались (не по интернету, которого тогда просто не существовало!), а сразу после демобилизации – поженились. Слава любил очень многое. Любил книги о сильных людях (запоем прочёл «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого), любил небо (хотел стать лётчиком, как Маресьев – прототип главного героя «Повести»), потом полюбил... шахту. Но больше всего Владислав любил Маргариту, а она – его! Именно благодаря их взаимной любви юноша не потерял вкуса к жизни даже после страшной трагедии в шахте, когда горный мастер Титов, спасая две смены шахтёров, предотвратил взрыв, но получил электроожоги от повреждённого кабеля под напряжением в 6000 вольт. Такие «цифры» мгновенно сжигают человека в пепел (у него горел даже резиновый сапог!), а Владиславу они словно дали испытательный срок. На что испытывали? На волю к жизни. На любовь!

Открыто экзаменовали 25-летнего человека на стойкость и 10 (!) перенесённых им операций. Но он боролся. И врачи боролись за его жизнь. Жизнь спасли, ногу спасли, а вот руки (обе!) пришлось ампутировать. А как быть без рук молодому человеку? Жить или не жить? Быть или не быть? Мысли о суициде стрелами пронзали мозг, но нет – надо стиснуть зубы и жить!

Важно, кто и что тебя окружает в трудное время. Что помогает тебе выжить? Книги! И музыка! Песни Владимира Высоцкого – остров спасения! Позже и Владимир Высоцкий, и Булат Окуджава, и Андрей Вознесенский, и Евгений Евтушенко, и Роберт Рождественский, и Борис Полевой станут его реальными друзьями. А сила дружбы – это ли не мощная поддержка?!

Какова она – единица дружбы? Только не буквальная единица! Почему? Думается, что на этот вопрос убедительно отвечает Владимир Маяковский:

*Единица – вздор, единица – ноль.
Один – даже если очень важный –
Не подымет простое пятивершиковое бревно,
Тем более – дом пятиэтажный.*

Существует мнение, что вместе до конца идут только сильные. Если б не было поддержки друзей, может, и книг бы не было. Да ещё каких книг! Они завоевали любовь миллионов читателей. А ведь написаны не профессиональным писателем – шахтёром по профессии! Их автор – **Владислав Андреевич Титов**, имя которого заслуживает того, чтобы остановиться на нём подробнее (кстати будет в этой связи вспомнить и слова Николая Доризо: *Как нелегко перейти Рубикон, чтоб именем стала фамилия*).

Титовы – русская по происхождению фамилия, образованная от канонического мужского имени **Тит**. В «Списке общерусских фамилий» эта фамилия занимает 34-е место; среди обладателей этой фамилии учёные, кораблестроители, военные, литераторы, деятели искусства, политики, спортсмены, священники и космонавт. Да и отчество нашего героя, хоть и греческое по происхождению (корень *андр-* переводится как 'человек'), давно воспринимается как обрусевшее, прекрасно «прижившееся» в русском языке.

Вот и сложились «пазлы»: **Владислав Андреевич** – человек, владеющий славой. И верно в народе говорится: не важно, сколько *дней* в твоей жизни, важно – сколько *жизни* в твоих днях. Любимая и друзья делились с Владиславом щедростью сердца, теплом души. Это и наполняло его живительными жизненными соками.

Кажется, откуда возьмётся сила у измученного тела? И что это вообще такое – *сила духа*? Титов это понял на шахте, где нельзя работать в одиночку, рассчитывая только на себя.

*Ныне, присно, во веки веков, старина,
И цена есть цена, и вина есть вина,
И всегда хорошо, если честь спасена,
Если другом надёжно прикрыта спина.*

Владимир Высоцкий

Родина! Вот источник силы духовной для настоящего патриота. Первые попытки опубликовать повесть «Всем смертям назло» в столичных изданиях были неудачными – московские издатели не верили событиям, описанным в почти автобиографическом произведении. А вот на малой родине – на *липецкой* земле – поверили, поддержали земляка и опубликовали в местной газете «Заря коммунизма» отдельными главами, но, правда, под другим названием – «Страницы жизни».

Орлом взлетов, не стоит опускаться к высотам малым! Писателю орла досталась слава! И после помощи Бориса Полевого, когда повесть с обозначенной на обложке симоновской строкой из стихотворения военного времени увидела свет в журнале «Юность», Владислав Титов сразу же стал писателем № 1. Ему поверила вся страна! Письма молодому автору шли в Ворошиловград (прежнее название Луганска) с незатейливым адресом: «Донбасс. Владиславу Титову». Писали читатели и напрямую в редакцию.

Дорогого стоит эта писательская слава! Она оказалась обязывающей. С верой читателя в тебя играть нельзя. Надо снова садиться за письменный стол, брать в зубы карандаш и писать! И вот уже опубликованы лирический рассказ «Раненый чибис» и вторая книга Владислава Титова под названием «Ковыль – трава степная». На страницах этой повести автор изобразил советскую деревню, её жизнь в разные годы. Это была дань его малой родине, низкий его поклон ей. И благодарность за веру в него.

Искренность, с которой Титов писал свои книги, просто пленила читателей и умножала духовные силы автора. Борис Полевой в статье «Слово о богатом человеке» объяснял этот феномен: *«Рукопись была сыровата, я бы сказал, угловата. Сразу чувствовалось, что автор еще неопытный в литературном деле человек. Но повесть была пронизана трепетным дыханием настоящей жизни. Читая, нельзя было не волноваться. И к концу повествования перед глазами встал ее герой – советский парень сегодняшних дней, которого ты, читатель, начал ощущать как реального человека, как доброго знакомого, судьба которого отнюдь не безразлична, которого ты не только узнал, но и полюбил, которым ты гордишься»* [3, с. 3].

Владислав Андреевич Титов совершил двойной подвиг: трудовой и писательский. По его первой повести был поставлен драматический спектакль (и опять – вначале на липецкой земле, а затем и в Ворошиловграде), за который в 1976 году автор был награждён Республиканской комсомольской премией имени Николая Островского. Вот так шахтёр стал писателем.

А позже, когда повесть «Всем смертям назло» готовилась к публикации уже в необыкновенно популярном в XX веке издании – «Роман-газета», Борис Полевой написал в предисловии: *«С упорством Николая Островского он начал готовить себя к новой профессии – сложной, благородной профессии писателя. Не материальные трудности движут им. Советское государство обеспечило жизнь этого человека, искалеченного при спасении людей и шахты. Сказался характер человека нашего, желание во что бы то ни стало оставаться в строю борцов, быть работником среди работников, созидателем среди созидателей»*.

Повесть «Всем смертям назло», рождённая на взлёте человеческого духа, – первая и, как я теперь могу с уверенностью сказать, не последняя книга Владислава Титова, покоряет читателя силой самой большой правды – правды жизни. Читая их, радуешься тому, что от произведения к произведению крепнет авторское перо и молодой шахтёр превращается в писателя» [3].

Альтруистичны ли его шаги формирования личности? Этот путь каждый определяет для себя сам. В размышлениях наедине с собой Владислав Титов над таким вопросом не задумывался – он просто отзывался на сигналы сердца.

Необыкновенно точно о том, как помогает главная книга выбрать человеку жизненный путь, сказано в одном комментарии из интернета (!): *«Всем доброе утро! Недавно взошло солнце, и в моих руках минут десять назад была ВЕЛИКОЛЕПНЕЙШАЯ книга Владислава*

Титова «Всем смертям назло...» Ребята, это ШЕДЕВР! Наплюйте на все мотивирующие посты, на тренинги «Как добиться успеха»... Пошлите всё это к чертям. Лучшие, по моему мнению, взять в руки эту книгу, прочитать её, и пойти по своему жизненному пути со знанием того, чего ты хочешь». Для уха современной молодёжи в этом комментарии выбраны, пожалуй, самые мотивирующие слова.

Дорога жизни – это не асфальтированная трасса с предусмотренными островками безопасности и обозначенными зонами внимания. И судьба каждого человека зависит от судьбы Родины – это на интуитивном уровне понял молодой шахтёр, который бросился спасать не себя, а всех. Иначе была бы беда. Удвоить, утроить его жизненный подвиг можно. Но просто перешагнуть, отмахнуться – нельзя.

Спасать, жить, любить, писать, трудиться – вот жизненное кредо Владислава Титова! Об этом он всяких «витиеватостей» говорит в своей первой книге: «Я учился заново *просто жить*». Величайший и непобеждённый... Таких не победить, не сломать и не покорить!!!

Будет ли подобный пример в чьей-либо судьбе? У нас подобное и в мирное, и в военное время было, есть и будет, потому что незыблема формула российских патриотов в любую минуту:

*Время подвигов пламенных не уйдёт в забытье!
Жизнью честной и праведной славим время своё!
Есть традиция добрая в комсомольской семье:
Раньше думай о Родине, а потом о себе.*

Игорь Шеферон

Это и про формулу судьбы дорогого нам земляка Владислава Титова, чьё имя памятно каждому жителю и всей страны, и нашего героического Луганска:

*И помнит город о Титове Владиславе,
Как ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО из лавы вышел к славе.*

Авария лишь закалила его луганский характер. И хотя всё в жизни имеет цену – его жизни всё же нет цены!

Изучая с учениками 8-х классов автобиографическую повесть Владислава Титова «Всем смертям назло», мы говорим о подвиге и борьбе человека не на поле военных сражений, а в мирной жизни, на трудовом поле.

Настоящему, мужественному человеку место для подвига найдётся везде. Это книга о смелости, роли близких людей, о жажде жизни. Для ребят Луганщины выражения *шахтёрский труд, шахтёрский подвиг* – не пустой звук, потому что мы – жители шахтёрского края, и у нас Луганский характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Титов В. А. Избранные произведения. Повести и рассказы / В. А. Титов. – Киев: Днипро, 1984. – 440 с.
2. Островский Н. А. Как закалялась сталь: Роман / Н. А. Островский. – Киев: Веселка, 1986. – 438 с.
3. Полевой Б. Слово о богатом человеке / Титов В. А. Жизнь прожить... Повесть. – Москва: Молодая гвардия, 1975. – С. 3-8.

СЛОВАРЬ ЭПИТЕТОВ ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА

УДК 81'374.3

*А. П. Беспёрстых
г. Новополюцк*

**СЛОВАРЬ
ЭПИТЕТОВ ВЛАДИСЛАВА ТИТОВА**

**Диалогия: «Всем смертям назло...» и «Жизнь прожить...»
(600 словоупотреблений)**

Юным луганчанам, которые свято хранят память о своём знаменитом земляке
Владиславе Андреевиче Титове, посвящаю
А. П. Беспёрстых

ПРЕДИСЛОВИЕ

При составлении словаря эпитетов мы руководствовались принципами, выработанными известными учёными-филологами: Б. В. Томашевским, Л. И. Тимофеевым, М. В. Пановым, К. С. Горбачевичем, В. В. Краснянским, Н. В. Гаврош – и понимаем эпитет в широком значении, рассматривая его в двух аспектах: литературоведческом и лингвистическом, относя к эпитетам как образные определения (тропы), так и логические определения, а также приложения.

Эпитеты-тропы – это художественные определения, придающие выражениям образность и эмоциональность.

Эпитеты, лишённые качественного оттенка (как правило, это относительные прилагательные), являются логическими определениями.

Эпитеты-приложения – это образные определения, выраженные именем существительным.

В нашем словаре в роли эпитетов, кроме прилагательных, могут выступать также причастия и наречия.

Не включены в словарь прилагательные, не содержащие качественных характеристик (*нужен, должен* и т. п.), чисто притяжательные прилагательные типа *Васин, дядин*.

В словаре, в зависимости от употребления в тексте, указываются все формы эпитета. Отмечаются как обособленные полные формы эпитетов-прилагательных, так и адъективы, выполняющие предикативную функцию.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- – краткая форма прилагательного
- Δ – полная форма прилагательного в предикативной функции; наречный предикатив
- – обособленная полная форма прилагательного
- – компаратив, соотнесённый как с прилагательным, так и с наречием
- – эпитет-приложение
- [] – пояснительные слова, извлечённые из контекста
- <...> – сокращение внутри цитаты
- ЖП – документальная повесть «Жизнь прожить...»

СЛОВАРЬ

Эпитеты – это одежда слов.

В. Солоухин

Тот, кто любит жизнь, борется за неё.

В. Титов

А

АЛЫЙ, -ая

Жидкость. – *Серёжа, ты знаешь, кто стал твоим донором? Известный тебе... – И поднёс ампулу с алой жидкостью к глазам Сергея, надеясь приятно изумить его. На этикетке торопливым почерком было написано: «Петренко Геннадий Фёдорович. Токарь. Группа крови первая» (1,8).*

АСПИДНО

Темнела. *Ночь аспидно темнела и закипала ядрёными звёздами (ЖП, 2).*

АСПИДНЫЙ, -ое

Небо. *Гнутя к земле молоденькие деревца около дома и вода сплошной блестящей стеной льёт с аспидного неба (ЖП, 1).*

АФРИКАНСКИЙ, -ие

Страсти. *То, о чём вы пишете, скорее пытаетесь писать, похоже на сентиментальную и малозанимательную историю, с какими-то африканскими страстями, детали которой знаете понаслышке (ЖП, 1).*

Б

БАБИЙ, -ье

Лето. *По родному Липецку кружило бабье лето (ЖП, 4).*

БЕЗВОЛЬНЫЙ, -ые

Приспособленцы. *Какими вы выйдете в большую жизнь – мужественными борцами или жалкими хлюпиками, трудолюбивыми, целеустремлёнными людьми или безвольными, жалкими приспособленцами (ЖП, 1).*

БЕЗГРАНИЧНЫЙ, -ая

Любовь. 3, 2.

БЕЗДОННЫЙ, -ая, -ые

Вышина. ЖП, 1.

Омуты. *Во время операции Сергей не мигая смотрел на яркую операционную лампу и молчал. Бездонными омутами голубели широко раскрытые глаза, которые ничего не видели, не желали и не чувствовали (1, 7).*

Синева. ЖП, 2.

Яма. 2, 4.

БЕЗЖАЛОСТНО

Рвала. 3, 2.

БЕЗЗВУЧНЫЙ

Крик. 2, 16.

БЕЗРАДОСТНО

Текли. Мысли Сергея текли медленно и *безрадостно* (3, 4).

БЕЗУМНЫЙ

Крик. Хотелось заорать *безумным* криком на весь мир, лишь бы дать выход клокочущей в груди обиде (3, 2).

БЕЛЁСЫЙ

Туман. Медленный осенний рассвет наплывает на спящий город, как реденький *белёсый* туман (ЖП, 3).

БЕЛОКУРЫЙ, -ая

Девушка. Поднялась маленькая *белокурая* девушка, с робкой реденькой чёлкой на лбу и наивными детскими глазами (ЖП, 5).

БЕЛОСНЕЖНЫЙ

Халат. Григорий Васильевич Кузнецов, в новеньком, *белоснежном* халате, стремительно вошёл в палату (2, 4).

БЕЗМЕРНЫЙ, -о

Счастье. ○ *Безмерно*. ЖП, 5.

БЕЗМЯТЕЖНЫЙ, -ые

Дали. Казалось, залетевший в подземелье запах весны, смешавшись с терпким зловонием плесени и газа, вдруг загрузил по широким просторам земли, по *безмятежным* далям планеты (1, 2).

БЕЗВОЛЬНО

Осела. Таня боком подвинулась к постели и *безвольно* осела на пол (1, 4).

БЕЗРАССУДНЫЙ, -ая

Мысль. В дверь постучали. Стук грохотом ударил по комнате. Таня подняла руки к похолодевшим щекам и села. «Не открою!» – мелькнула *безрассудная* мысль (1, 4).

БЕЛЫЙ

Факел. 1, 3.

БЕСКРАЙНИЙ, -ие

Поля. Вот она, как живая, стоит перед глазами Галина Дмитриевна: и деревянное здание районной библиотеки, и двухэтажная школа, и шум и гам класса, и голоса друзей, и огромное синее небо над *бескрайними* полями хлебов... (ЖП, 1).

БЕСКРОВНЫЙ, -ые

Губы. *Пожилый мужчина стоял рядом с ним и жёсткими как у глухонемого, просил спички. – Зачем они мне? – шевельнул бескровными губами Сергей (3, 3).*

БЕСПЛОДНЫЙ, -ые

Попытки. 3, 5.

БЕСПОКОЙНЫЙ, -ая, -ое, -ые

Время. *Появляется острое ощущение нашего времени, времени беспокойного, ищущего, созидательного (ЖП, 1).*

Выражение. 2, 15.

Жизнь. 3, 4.

Мысли. *Таня крутит волосы на лбу в тонкие жгуты и наматывает их на указательный палец. Когда вся чёлка закручена в колечки, рука медленно распутывает их и вновь начинает всё сначала. Это привычка. Пыталась отвыкнуть – не получилось. Как только в голове возникают беспокойные мысли, рука сама тянется к волосам (1, 1).*

Шум [жизни]. *Многочисленные фотографии, броские заголовки наполняли тихую комнатушку беспокойным шумом жизни (3, 2).*

БЕСПОМОЩНО

Заплакала. 2, 7.

Обвисали (плечи). *Григорий Васильевич подбадривал больного, но у самого, когда уходил из палаты, хмурились брови в озабоченной складке, беспомощно обвисали плечи (2, 11).*

Упал. *Ушла Таня, жена. Заныло в груди и придавило к постели. Не дотянуться до двери, не открыть её, не позвать: вернись! Сергей всем телом рванулся вслед и тут же беспомощно упал (1, 8).*

БЕСПОМОЩНЫЙ

Сергей. ○ **Беспомощен.** *Порой Сергею казалось, что новый путь найден, выход есть. Но стоило вникнуть в детали, как непреодолимой стеной вставало: нет рук, совершенно беспомощен... (2, 11).*

БЕСПОРЯДОЧНЫЙ, -ая, -ые

Куча. *Ярко светило солнце, в голубой бездонной вышине беспорядочной кучей летели грачи (ЖП, 1).*

Цветы (2, 5).

БЕСПОЩАДНЫЙ, -ая

Бой. 3, 2.

Голос. *В наступившей тишине слышался шорох ползущего по лаве человека, и беспощадный, как гром, голос пробасил: – Это кто же так крепил?! (3, 2).*

Рука. *Сергей чуть ли не физически ощутил, как некая сила безжалостно рвала из его памяти всё то, что было дорого ему, грубой, беспощадной рукой возводила в живом сердце непреодолимую стену, отгораживая его всё, что было тогда, от того, что стало теперь (3, 2).*

БЕССЛЕДНО

Не проходит. *Человеческая доброта не проходит бесследно (ЖП, 5).*

БЕСПОКОЙНЫЙ

Ритм. *Аэропорт приливал и отливал людскими потоками, спешил, волновался, жил своим **беспокойным** привычным ритмом (ЖП, 5).*

БЕСЦВЕТНЫЙ

Дождь. □ ЖП, 5.

БЕСШУМНЫЙ

Дождь. □ *Шёл дождь, мелкий и нудный, без грозы и ветра, **бесшумный**, ненужный, ничем не пахнущий и бесцветный (ЖП, 5).*

БЕШЕНО

Кружились. ЖП, 1,

БЛАГОДАРНЫЙ, -ое, -ые

Письма. *Наверное, нет большего счастья, чем получать **благодарные** читательские письма (ЖП, 1).*

Слово. ЖП, 5.

БЛАГОЙ, -ие

Намерения. *Так что же... ампутировать? А если есть хоть один шанс из ста спасти ноги? Но где он, этот единственный шанс? В ожидании или незамедлительном действии? Его не видно. Только одни **благие** намерения (2, 7).*

БЛАТНОЙ, -ое

Бренчание. ЖП, 1.

БЛЕДНЫЙ*

Человек. ЖП, 3.

БОДРЫЙ

Голос. *Войдя в палату, Кузнецов нарочито **бодрым** голосом сказал: – Ну вот, Серёжа! Наступил час нашего расставания (2, 17).*

БОЖИЙ

Дар. *Рассказ нам кажется отменным. Есть у вас, Слава, **Божий** дар. Его надо беречь и умножать (ЖП, 3).*

БОЙКИЙ, -ая

Девушка. ***Бойкая** синеглазая девушка Таниных лет долго объясняла Тане, как проехать в клинику имени Калинина, где, по её мнению, должны быть хорошие врачи (1, 9).*

БОЛЕЗНЕН

Сморщившись. *Запрокинув голову и как-то **болезненно** сморщившись, Сергей сделал глоток, другой, поперхнулся и, стуча зубами о край кружки, с отвержением выпил водку. Горькая влага опалила желудок, дурманом ударила в голову (3, 3).*

БОЛЬНИЧНЫЙ, -ые

Дни. 3, 4.

БОЛЬНО

Станет. Δ ЖП, 1.

БОЛЬШИЙ, -ее

Счастье. Наверное, нет **большого** счастья, чем счастье получать благодарные читательские письма (ЖП, 1).

БОЛЬШОЙ, -ая, -ое

Горе. Правду говорят: **большое** горе рождает большое мужество. Только не каждый способен на это (2, 6).

Жизнь. ЖП, 1.

Мужество (2, 6).

Праздник. Весёлой суматохой были полны улицы, горели кумачом флагов, в воздухе висел радостный гул и пахло чем-то таким, чем может пахнуть только канун **большого** праздника (2, 2).

БРАТЦЫ-КРОЛИКИ

■ – Вот смотрите, **братцы-кролики!** Сейчас нас повернут к ероплану, выстроят у трапа и станут фотографировать (ЖП, 5).

БРОСКИЙ, -ие

Заголовки. 3, 2.

БУДНИЧНЫЙ

Труд. Будничный, повседневный, честный труд. Отбери у человека возможность трудиться – и все блага жизни теряют смысл (3, 5).

БУРЫЙ, -ая

Струя [крови]. **Буря** струя крови фонтаном ударила ему [Кузнецову] в лицо, заполнила разрез операционного поля и, перехлёстывая через край, потекла по груди больного (2, 5).

В

ВЕЛИКОДУШНЫЙ

Народ. Наш народ – великодушный народ, и каждый старается хоть чем-то помочь человеку, попавшему в беду (ЖП, 5).

ВЕЛИЧАЙШИЙ, -ая

Благодарность. ЖП, 2.

ВЕРНЫЙ, -ая

Встреча. ЖП, 1.

Друг. Ведь если бы в тот критический момент не оказалось рядом со мной такого **верного** друга, то все усилия врачей могли бы и не дать того результата, который они дали (ЖП, 1).

ВЕСЕЛО

Поблескивая 3, 2.

Заулыбалось. *Подозрительное лицо весело заулыбалось* (ЖП, 5).

ВЕСЁЛЫЙ, -ая, -ые

Глаза. *Таня сидела рядом, весёлыми глазами смотрела на мужа, и весь её вид без слов говорил: «Всё в порядке, Серёжа!»* (3, 4).

Лица. ЖП, 5.

Суматоха. *Весёлой суматохой были полны улицы, горели кумачом флагов, в воздухе висел радостный гул и пахло чем-то таким, чем может пахнуть только канун большого праздника* (2, 2).

ВЕЧНО

Благодарен. 2, 5.

ВЛАСТНО

Раздвигало. 3, 4.

ВНЯТНЫЙ

Голос. *В суматохе, царившей около койки больного, появления Гринь никто не заметил. Она внимательно присмотрелась к действиям коллег, потом внятным голосом сказала: – Приготовьте инструмент для вскрытия артерии!* (1, 10).

ВОЗВЫШЕННЫЙ, -ые

Чувства. 3, 4

ВОСТОРЖЕННЫЙ, -ые

Преклонения. ЖП, 5.

ВЫСОКИЙ, -ая

Синева. *В высокой синеве грузно проплыл длинный клин гусей* (ЖП, 4).

ВЫСШИЙ, -ее

Блаженство. *Вспоминались дни, проведённые в труде. И даже самые тяжёлые из них, изнурительные, горько-солёные от пота, с кровавыми мозолями на ладонях, рисовались как высшее блаженство, до которого сейчас, как до солнца, даже мечтой не дотянуться* (3, 2).

Г

ГЕРОИЧЕСКИЙ

Труд. (ЖП, 5).

ГИПНОТИЧЕСКИ

Поманила. *Весть о несчастье поползла по палатам. Сделались сосредоточенно-суровыми лица больных, словно все они нечаянно заглянули в пропасть и она грозно, гипнотически поманила их* (1, 3).

ГЛАДКО

Выбритое. ЖП, 5.

ГЛУПЫЙ, -ая

Улыбка. Горюнов раскрыл рот и остановился. Какое-то подобие *глупой* улыбки перекривило его лицо (ЖП, 3).

ГЛУХОЙ

Шум. Издалека долетал *глухой* шум. Он медленно нарастал, переходил в отчётливое рокотание и потом так же медленно затихал (2, 1).

ГНЕТУЩИЙ, -ая

Тишина. В зале опять повисла *гнетущая* тишина (ЖП, 4). (2, 14).

ГОЛУБОВАТЫЙ

Свет. До середины ночи в окно заглядывала луна, заливала палату *голубоватым* светом, и больным казалось, что она напоминает о чём-то давнем, недостижимо далёком (2, 12).

ГОЛУБОЙ, -ая, -ое

Вышина. ЖП, 1.

Змейка. Белым факелом вспыхнула дуга короткого замыкания. *Голубая* змейка огня, зловеще треща, ползла по кабелю к трансформатору (1, 3).

Небо. 2, 14.

ГОРДЫЙ, -ая

Радость. Всё помнит Иван. И *гордую* радость новых открытий, и ласкающее тепло таёжного костра, и хилые плоты на свирепых горных речках, и шестидесятиградусные морозы, и огненные кольца лесных пожаров... (2, 14).

ГОРЬКИЙ, -ая, -ие

Влага. 3, 3.

Мысли. В палате он молча смотрел в потолок и не мог совладать с приливом *горьких* мыслей. «Неужели здесь... На могиле посадят берёзку...» (8, 1).

Плач. ЖП, 3.

ГОРЬКО

Заплакал. «Хватит его мучить этими бесконечными рентгеновскими снимками, – сказала Таня. – Пора посмотреть правде в глаза. Жизнь Сергея снова в опасности. Не утешайте. Я всё знаю. Ампутируйте. Мы готовы», – и заплакала. Как ребёнок. Беспомощно и *горько* (2, 7).

ГОРЮЧИЙ

Упрёк. Таня подняла голову, Сергей посмотрел ей в глаза и покраснел. Боль, обида, *горючий* упрёк невысказанными, незаслуженными застыли в них (3, 3).

ГОРЯЧИЙ

Ветер. ЖП, 2.

Воздух. Густой, *горячий* воздух струился над накалённой бетонкой (ЖП, 5).

Луч. А потом осмелело солнце. Засуетились, ускоряя бег, облака, расплылось в широкой улыбке небо, и солнце *горячим* лучом припало к холодной, дремлющей земле (1, 2).

ГРОЗНО

Поманила. 1, 3.

ГРОМКИЙ, -ие

Слова. – *Что там говорить? – вспыхнул Сергей. – Успокаивают меня, как ребёнка! А я и сам знаю разные громкие слова про счастье, борьбу, мужество... Про судьбу мне Егорыч толковывал... умно, хитро... (2, 8).*

ГРОМОВОЙ

Рёв. 3, 2.

ГРУБЫЙ, -ая, -ые

Рука. 3, 2. **Руки.** Она [Даниловна] сидела маленькая, тихая, с большими грубыми руками в тёмных прожилках вен, и Сергею вдруг стало стыдно за свои скоропалительные мысли о ней (3, 4).

ГРУЗНО

Проплыл. В высокой синеве грузно проплыл длинный клин гусей (ЖП, 4).

ГУСТО

Пахли [губы]. ЖП, 1.

ГУСТОЙ, -ое

Бас. Следующим выступил Геннадий. Густым, неторопливым басом он поведал ребятам о том, что литературная студия работает плодотворно и исправно (ЖП, 2).

Басок. Степан Степанович и зарокотал густым баском (ЖП, 5).

Воздух. Густой, горячий воздух струился над накалённой бетонкой (ЖП, 5).

Облако [дыма]. (ЖП, 2).

Д

ДИКИЙ, -ая

Злоба. «Спокойно, спокойно!» – успокаивал он сам себя, чувствуя, как неизвестно откуда появившийся приступ дикой злобы захлестывает его (3, 2).

Крик. – Ам-пу-ти-ро-вать... Как же это, а?! Как же я жить-то буду?! Руки... Таня! – И вдруг закричал диким, нечеловеческим криком: – Не дам, варвары, лучше убейте меня! (1, 5).

Поворот (судьбы). С того момента, как понял Сережка Петров, что не кошмарный сон случился с ним, а дикий по своей жестокости поворот судьбы, в мозгу застыло: «Всё кончено» (8, 1).

ДЛИННО

Тянулись. 3, 5.

ДЛИННОКРЫЛЫЙ, -ая

Чайка. Длиннокрылая чайка, кривой дугой прошла над берегом и с томительным криком скрылась за мысом (ЖП, 2).

ДЛИННЫЙ, -ая, -ые

Беседа. 2, 6.

Дни. 3, 4.

Дорога. Иногда мне хочется ход своей жизни сравнить с движением грузовика по **длинной**, ухабистой дороге (ЖП, 6).

Клин. В высокой синеве грузно проплыл **длинный** клин гусей (ЖП, 4).

Сожаления. Егорыч мог просто улыбнуться, одобрительно кивнуть головой, и это было дорожке всяких **длинных** сожалений (2, 6).

ДОБРЫЙ, -ая, -ое

Память. ЖП, 2.

Сердце. ЖП, 1.

След. Я очень хочу, дорогие читатели, чтобы каждый оставил на широком жизненном поле свой светлый и **добрый** след (ЖП, 5).

Чувство. Ты по-своему поняла любовь, поняла, что это светлое и **доброе** чувство, которое способно совершать чудеса (ЖП, 1).

ДОЛГИЙ, -ая

Она [операция]. Δ Будет **долгой** (2, 4).

ДОЛГОЖДАННЫЙ

Звонок. Долгожданный звонок раздался на третий день (ЖП, 5).

ДОРОГОЙ, -ие

Читатели. ЖП, 5.

ДОРОДНЫЙ, -ая

Женщина. В дверь вошла **дородная** женщина и оглядела больных (3, 4).

ДРЕМЛЮЩИЙ, -ая

Земля. А потом осмелело солнце. Засуетились, ускоряя бег, облака, расплылось в широкой улыбке небо, и солнце горячим лучом припало к холодной, **дремлющей** земле (1, 2).

ДРОБНО

Вздрагивал. Вагон вздрагивал, как в ознобе, **дробно** стучал колёсами (3, 4).

■ **ДРУЗЬЯ-ГЕОЛОГИ**. 2, 14.

ДУРАЦКИЙ, -ые

Сны. По ночам мучили **дурацкие**, кошмарные сны (ЖП, 3).

ДУРНОЙ, -ая

Привычка. ЖП, 5.

ДУШЕВНЫЙ, -ая

Боль. 2, 12.

Покой. Были и раньше в его практике и трудные операции, и полные тревог послеоперационные дни. Но там он вёл борьбу с недугом и ясно видел будущее своих пациентов. <...> Он мог залечить раны, помочь обрести **душевный** покой, но руки... рук он уже не мог вернуть (2, 5).

ДУШЕСПАСИТЕЛЬНЫЙ, -ые

Беседы. Таня очень скоро привыкла к Егорычу. В душе она была благодарна ему за то, что он не надоедал ей расспросами – как да что? – не заводил, как иные, **душеспасительных** бесед, не говорил слов утешения (2, 6).

ДУШНЫЙ, -ые

Ночи. 2, 13.

Е

ЕВРОПЕЙСКИЙ, -ая

Известность. ЖП, 5.

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Цель. ЖП, 5.

Шанс. Так что же... ампутировать? А если есть хоть один шанс из ста спасти ноги? Но где он, этот **единственный** шанс? В ожидании или незамедлительном действии? Его не видно. Только одни благие намерения (2, 7).

ЕДКИЙ, -ая

Пыль. В Николаевку мы вернулись пропылённые **едкой** пылью горных дорог (ЖП, 2).

ЕЖЕЧАСНО

Ждал. И в горе, и в радости Иван Кондратьевич **ежечасно** ждал, что явится тот геолог с густыми, колючими бровями, прежний муж Валентины, и отберёт сына (ЖП, 3).

Ж

ЖАДНО

Закурил. Кузнецов вышел в коридор. Подошёл к раскрытому окну и **жадно** закурил (2, 5).

ЖАДНЫЙ, -ое

Нетерпение. Сергей, коротая душные летние ночи в болезненном полузабытьи, в **жадном** нетерпении деятельности, борьбы (2, 13).

ЖАЛКИЙ, -ие

Хлюпики. ЖП, 1.

ЖАРКИЙ, -ое

Лето. Δ **Выдалось жарким.** Лето выдалось сухим и **жарким** (ЖП, 2).

ЖГУЧИЙ, -ая

Неловкостью. Что-то слишком много подобных писем пришло в последнее время. Я испытываю **жгучую** неловкость (ЖП, 5).

Обида. ЖП, 1.

ЖЕЛАННЫЙ, -ое

Дождь. ЖП, 2.

Счастье. *Сколько пережито, просто не верится, что и в наш дом стучится простое и такое желанное человеческое счастье! (3, 5).*

ЖЕСТОКИЙ, -ая, -ое

Бой. *Человек вёл трудный бой с самим собой, со своим увечьем. Жестоким, беспощадным бой... (3, 2).*

Испытание. *Почувствовать свою ненужность обществу – вот самое жестокое испытание, которое может выпасть на долю человека (3, 5)*

Пытка. 3, 4.

ЖИВОЙ, -ое, -ые

Глаза. ЖП, 5.

Сердце. 3, 2.

Человек. о **Жив.** *Есть и в наше время настоящая любовь! Не может она измельчать или перевестись, пока жив человек! (ЖП, 1).*

ЖИДКИЙ, -ая

Грязь. 1, 3.

ЖИЗНЕННЫЙ, -ая

Гроза. 3, 4.

ЖУТКИЙ

Сон. *«Какой жуткий сон! Надо скорей проснуться!» Сергей хочет крикнуть, но в языке спираль. Она жжёт. Становится страшно (1, 3).*

Хохот. *В тот день отец, выйдя от сына, против воли потянулся в буфет. Пил водку и чувствовал, что ничем не заглушить жуткий хохот сына (2, 3).*

З

ЗАБОТЛИВО

Спросил. *Незнакомый человек осторожно отвёл Танины руки от лица и, заглянув в заплаканные глаза, заботливо спросил: – Что-то случилось? Может, помочь? (1, 8).*

ЗАДУМЧИВО

Глядя (в окно). – *Киев смотреть надо в мае, когда зацветут каштаны... – задумчиво глядя в окно, сказала Ангелина Капитоновна (ЖП, 5).*

ЗАДУМЧИВЫЙ, -ые

Тенор. Тишину всколыхнул мягкий, задумчивый (ЖП, 2).

Лица. ЖП, 5.

ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЙ, -ая

Дискуссия. ЖП, 1.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ

Друг. 2, 8.

ЗАСТЕНЧИВЫЙ, -ая

Улыбка. В палату Таня входила в белом халате, с **застенчивой** улыбкой на губах (3, 4).

ЗАТАЁННЫЙ, -ая

Мечта. И Валерий вырос не таким, как хотелось ей. Не сбылась **затаённая** мечта Валентины Аркадьевны (ЖП, 3).

ЗАТЯЖНОЙ, -ая

Осень. Стояла мокрая, **затяжная** осень. День и ночь лили серые холодные дожди (ЖП, 1).

ЗАУНЫВНЫЙ

Голос. Я посмотрел на своего друга. Лицо его было несчастным. – Ну что я могу вам рассказать? – каким-то **заунывным**, тоскливым голосом спросил он и покраснел, как варёный рак (ЖП, 2).

ЗВЕЗДОПАДНЫЙ, -ые

Ночи. Коротки **звездопадные** июльские ночи. Не успеет солнце скрыться за одним краем земли, как на другом её конце первые лучи уже рвут редяющий сумрак (2, 9).

ЗВУЧНЫЙ, -ое

Слово. Я-то в горном деле мало что смыслю. Какой-то там квершилаг сбили, и все искренне смеялись над тем, как по бремсбергу (запомнил **звучное** слово) «орла пустили», а перепуганные плитовые залезли в вагонетки с мультяжкой (очевидно, жидкость такая) (2, 6).

ЗДОРОВЫЙ, -ое, -ые

Дыхание. 2, 2.

Парень. – Может, и не надо было его одного оставлять? Но, с другой стороны, совсем ведь **здоровый** парень. А что же нам двоим?.. Сесть и тоже Лазаря петь, ждать своего конца? (2, 7).

Руки. 2, 14.

ЗДРАВЫЙ

Рассудок. 2, 7.

ЗЛОВЕЩЕ

Треща. • Белым факелом вспыхнула дуга короткого замыкания. Голубая змейка огня, **зловеще** треща, ползла по кабелю к трансформатору (1, 3).

ЗЛОЙ, -ая, -ое, -ые

Глаза. ЖП, 5.

Солнце. Δ 2, 8.

Шутка. Неподпёртая кровля может сыграть **злую** шутку – «капнуть» несколькими тоннами породы (3, 2).

ЗНОЙНЫЙ, -ое

Лето. **Знойным** июльским летом, стоя у его гроба, я никак не мог поверить, что Саша погиб (ЖП, 1).

Солнце. ЖП, 2.

ЗОЛОТОЙ

Листопад. ЖП, 6.

И

ИЗВЕЧНЫЙ

Черёд. *А дни шли своим **извечным** чередом. Шли так, как им и положено идти самой природой (2, 11).*

ИЗНУРИТЕЛЬНЫЙ, -ые

Дни. 3, 2.

ИНТЕРЕСНЫЙ, -ая, -ые

Жизнь. □ «*Кажется, ничего нет примечательного. Гора изломанных камней – и всё... А задумаешься... Это же сама жизнь, мудрая, **интересная** и вечно живая!*» (1, 4).

Люди. ЖП, 5.

Народ. *Журналисты – **интересный** и любопытный народ (ЖП, 5).*

Разговор. ЖП, 5.

ИНТИМНЫЙ

Характер. ЖП, 4.

ИРОНИЧЕСКИ

Отвечал. 3, 4.

ИСПРАВНО

Работает. *Он поведал ребятам о том, что литературная студия работает плодотворно и **исправно** (ЖП, 2).*

ИСТЕРИЧЕСКИЙ

Хохот. *Обезумевшим взглядом [Сергей] поводил по забинтованным культам рук, ампутированных выше локтей, и вдруг захохотал страшным **истерическим** хохотом (1, 9).*

ИСТИННЫЙ, -ая

Любовь. *Только **истинная** любовь может вынести всё. Никаким другим чувством её нельзя и невозможно подменить (ЖП, 5).*

К

КАВЕРЗНЫЙ

Вопрос. Δ – *Вопрос в общем-то по существу и довольно **каверзный**, – поднялся я. – Я и сам, братцы, не знаю, как дошёл до такой жизни (ЖП, 1).*

КАЛЁНЫЙ, -ое

Железо. *Человек лежит на спине, сдерживает стоны, а пальцы ампутированных рук его горят, словно их жгут **калёным** железом (2, 16).*

КАТЕГОРИЧЕСКИ

Запрещалось. *Посещать Петрова категорически запрещалось* (1, 9).

-

КОЛЮЧИЙ, -ая, -ие

Брови. ЖП, 3.

Тень. *Когда Егорыч хмурился, ежи шевелили иголками и тянулись уколоть друг друга. Брови бросали колючую тень на все черты лица* (2, 6).

КОНКРЕТНО

Поговорим. ЖП, 5.

КОРЕНАСТЫЙ

Мужик. ЖП, 5.

КОРОТКИЙ, -ие: -и

Ночи. о *Коротки. Коротки* звездопадные июльские ночи. Не успеет солнце скрыться за одним краем земли, как на другом её конце первые лучи уже рвут редящий сумрак (2, 9).

Раскатики. ЖП, 4.

КОРЯВЫЙ, -ые

Нити. *Тугие корявые нити, пронзившие стрелами тело, упруго дрожат, с хрустом скручиваются в спирали и выпячиваются в руки, в голову, в ноги* (1, 3).

КОСОЙ, -ые

Дождь. 3, 5.

Струи. *По окну стегал дождь, косыми струями резал стекло и ручьями стекал вниз* (3, 1).

КОШМАРНЫЙ, -ая

Мысль. *Одна мысль поставить себя в положение Петрова приводила его в уныние. Он и сам не знал, почему возникла эта кошмарная мысль, и всеми силами гнал её* (1, 6).

Сон. *С того момента, как понял Серёжка Петров, что не кошмарный сон случился с ним, а дикий по своей жестокости поворот судьбы, в мозгу застыло: «Всё кончено»* (1, 8).

Сны. ЖП, 3.

КРАСНОВАТЫЙ, -ые

Блики. *В глубине штрека замерзал свет, бросая красноватые блики на мокрый рельс, покосившуюся раму крепления* (1, 2).

КРЕПКИЙ, -ая, -ие

Дружба. *С Иваном меня связывает крепкая многолетняя дружба* (ЖП, 2).

Руки. 2, 14.

КРИСТАЛЬНО

Чистые. *Трудно было поверить, что этот молодой человек с поседевшей головой и двадцатилетняя женищина, пройдя через нечеловеческие боль и страдания, сумели сберечь кристально чистыми, необыкновенно нежными и по-человечески возвышенными чувства друг к другу* (3, 4).

КРИТИЧЕСКИЙ

Момент. *Ведь если бы в тот критический момент не оказалось рядом со мной такого верного друга, то все усилия врачей могли бы и не дать того результата, который они дали (ЖП, 1).*

КРОВАВО-ЧЁРНЫЙ, -ое

Солнце. *Δ Сергей неотрывно смотрел на солнце, не жмуря глаз, не ощущая боли в них, и не мог отвязаться от назойливого вопроса: «Где я слышал, что солнце чёрное? Я не верил этому. Считал игрой слов. Только не совсем оно чёрное, оно кроваво-чёрное и злое...» (2, 8).*

КРОВАВЫЙ, -ые

Мозоли. 3, 2.

КРОМЕШНЫЙ, -ая

Тьма. *От оглушительного удара грома вздрогнул дом, ослепительно блеснули стёкла окон на противоположной стороне улицы, потом опять всё погрузилось в кромешную тьму, и только сверчок спокойно и невозмутимо тенькал в тёмном дальнем углу (ЖП, 1).*

КРУПНЫЙ, -ые

Аплодисменты. *Тяжёлые, крупные аплодисменты грохнули минуту спустя (ЖП, 1).*

КРУТОЙ, -ая

Тропа. ЖП, 5.

КУДРЯВЫЙ, -ые

Они (деревца). *Δ Станут кудрявыми. Он ясно представил себе, как зазеленеют деревца, посаженные комсомольцами на улицах шахтёрского поселка. Они подрастут, станут кудрявыми, к тому времени у них с Таней обязательно появится сын (1, 2).*

КУЦЫЙ, -ые

Косички. 3, 5.

Л

ЛАСКАЮЩИЙ, -ее

Тепло. 2, 14.

ЛАСКОВО

Встретила. 2, 3.

Гладила. *Таня ласково гладила волосы мужа и срывающимся голосом повторяла: – Успокойся, Сережа, успокойся... У нас ещё всё впереди, ты жив – это главное... Остальное зависит от нас... И счастье тоже... (3, 1).*

ЛАСКОВЫЙ, -ое

Тепло. 3, 4.

ЛЕГКО

Устранимо. *В повести есть небольшие стилистические погрешности, некоторые длинноты, но это легко устранимо (ЖП, 5).*

ЛЕСТНО

Сказали. ЖП, 5.

ЛЁГКИЙ, -ая, -ие

Дороги. *Что ж, лёгких дорог он не собирался искать!* (3, 2).

Жизнь. *Был с нами парень один. Сильный, здоровый... Только мозги у него как-то не так стояли. Ну, то есть не то чтобы дурак, нет, не в том смысле говорю. Лёгкую жизнь любил. В ресторане покутить, женищинам голову заморочить, драку с пьяных глаз затеять... тут уж ловчее его и храбрее не сыскать* (2, 7).

Позёмка. *Ветер гонит по тротуару опашую листву, она летит к нам под ноги, шурша по асфальту лёгкой позёмкой* (ЖП, 4)

ЛИПКИЙ, -ие

Объятия. *И опять показалось Петрову, что он спит и видит сон. Сон, как спрут, засосал его в свои липкие объятия, и нет сил высвободиться из них* (1, 5).

ЛОВЧЕЕ

Не сыскать. • 2, 7.

ЛЮБИМЫЙ

Человек. ЖП, 1.

ЛЮБОПЫТНЫЙ, -ые

Глаза. *Зал тоже молчал, уставившись на меня стаяй любопытных, ожидающих глаз* (ЖП, 2).

Народ. *Журналисты – интересный и любопытный народ* (ЖП, 5).

ЛЮТЫЙ, -ая

Стужа. *Я ходил по степи, по полям, которые когда-то сам пахал, засеивал хлебом, где изнывал от жары, мок в проливные дожди и мёрз в лютую стужу* (ЖП, 2).

Мороз. 2, 7.

М

МАЛЕНЬКИЙ, -ие

Деревца. ЖП, 1.

МАЛИНОВЫЙ, -ое

Зарево. *А вот и малиновое зарево запылало над Вергункой* (ЖП, 3).

МАЛОЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ, -ая

История. *То, о чём вы пишете, скорее пытаетесь писать, похоже на сентиментальную и малоинтересную историю, с какими-то африканскими страстями, детали которой знаете понаслышке* (ЖП, 1).

МЕДЛЕННО

Нарастал. 2, 1.

Подошла. 3, 3.

Сказал. – *Как же вы не уберегли его? – Это он сберёг нас... большинство было там... в лаве... а он, как Матросов... грудью... – давясь спазмами, медленно* сказал Мамедов (1, 9).
Текли. *Мысли Сергея текли медленно и безрадостно* (3, 4).

МЕДЛЕННЫЙ

Рассвет. ЖП, 3.

МЕЛКИЙ, -ие

Дождь. □ *Накрапывал дождь, порывистый и мелкий* (ЖП, 1).

Лужи. ЖП, 5.

Почерк. ЖП, 5.

МЕЛКОВОДНЫЙ, -ые

Ручейки. *Звенела капель, пробивались несмелые мелководные ручейки* (ЖП, 4).

МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ, -ая

Задумчивость. 1, 2.

МИНУТНЫЙ

Порыв. – *Не думайте только, что это минутный порыв или ещё там... – сказал Егорыч. – Нет. Я долго думал, прежде чем решился... когда понял, надеяться мне больше не на что* (2, 14).

МНОГОГОЛОСЫЙ

Шум. *Домой хирург шёл пешком. Кузнецов любил эти прогулки после работы. Многоголосый шум, здоровое дыхание многолюдных улиц освежающе действовали на него* (2, 2).

МНОГОЛЕТНИЙ, -ая

Дружба. *С Иваном меня связывает крепкая многолетняя дружба* (ЖП, 2).

МОЗОЛИСТЫЙ, -ая

Рука. ЖП, 5.

МОКРЫЙ, -ая

Осень. *Стояла мокрая, затяжная осень. День и ночь лили серые холодные дожди* (ЖП, 1).

МОЛОДОЙ, -ая

Женщина. 2, 5.

МОЛЧАЛИВЫЙ, -ы

Шахтёры. ○ *Молчаливы.* *Когда в шахту приходит беда, шахтёры угрюмы и молчаливы* (1, 3).

МОНОТОННЫЙ, -ая

Жизнь. *Старик бодрился, скрывал, что ему тяжело, но <...> день ото дня тускнел блеск ещё недавно искрившихся глаз, и шутки, что щедро отпускались по различным поводам монотонной больничной жизни, уже почти не слышались в одиннадцатой палате* (2. 11).

МОРЩЕНИСТЫЙ, -ое

Лицо. Егорыч лежал на носилках с высоко поднятым вверх подбородком, и на жёлтом **морицинистом** лице его застыло беспокойное, как вся прожитая им жизнь, выражение (2, 15).

МОХНАТЫЙ, -ые

Хлопья. 3, 5.

МУДРЫЙ, -ая

Жизнь. □ «Кажется, ничего нет примечательного. Гора изломанных камней – и всё... А вдумаясь... Это же сама жизнь, **мудрая**, интересная и вечно живая!» (1, 4).

МУЖЕСТВЕННЫЙ, -ые

Борцы.

МУЖСКОЙ

Разговор. 2, 8.

МУТНЫЙ, -ая

Синева. Глаза жадно всматривались в мутную бездонную синеву в томительном ожидании перемены погоды и желанного дождя (ЖП, 2).

МУТОРНО

Станет. Δ ЖП, 1.

МУЧИТЕЛЬНО

Искал. Сергей **мучительно** искал ответ на вопрос о судьбе, далеко не праздный и не отвлечённый для него. «Судьба индейка», «судьба – чёрная мачеха» – всё это старое и древнее, что употребляли люди, когда попадали в тяжёлое положение, не подходило к Сергею (2, 7).

МУЧИТЕЛЬНЫЙ, -ая, -ые

Дни. Для Петровых наступили **мучительные** дни, полные тревог, раздумий, исканий: как жить дальше? (2, 11).

Обуза. Δ **Стала обузой.** Его не пугала операция. Он понимал: она будет тяжёлой, долгой, но ни о ней, ни о её исходе не думал, как будто не он, Сергей Петров, должен сейчас в третий раз лечь на операционный стол, а кто-то другой, едва ему знакомый, которому жизнь почему-то стала **мучительной** обузой (2, 4).

Тоска. 3, 4.

МЯГКИЙ, -ие

Волосы. Сергей повернулся к Тане, приник губами к **мягким** тёплым волосам (3, 2).

Женька. Тихий, ласковый, какой-то **мягкий**, по-девчоночьи симпатичный Женька, полтора года назад ушедший в армию, не пишет матери писем! (ЖП, 1).

Тенор. Тишину всколыхнул **мягкий**, задумчивый тенор (ЖП, 2)

Человек. (ЖП, 2).

Н

НАДОЕДЛИВЫЙ

Дождь. ЖП, 3.

НАДСАДНЫЙ

Зов. *И хлестала старого геолога зелёными ветвями по глазам тайга. И бредила душу насадным зовом: «Зачем ушёл от меня, Иван? Приди, залечу твою рану»* (2, 14).

НАЗОЙЛИВЫЙ

Вопрос. *Сергей неотрывно смотрел на солнце, не жмуря глаз, не ощущая боли в них, и не мог отвязаться от назойливого вопроса: «Где я слышал, что солнце чёрное? Я не верил этому. Считал игрой слов. Только не совсем оно чёрное, оно кроваво-чёрное и злое...»* (2, 8).

НАИВНЫЙ, -ые

Глаза. ЖП, 5.

НАСТОРОЖЁННО

Прислушиваясь. 1, 2.

НАСТОЯЩИЙ, -ая

Любовь. *Есть и в наше время настоящая любовь! Не может она измельчать или перевестись, пока жив человек!* (ЖП, 1).

НАСТЫРНЫЙ

Батя. *Δ Был настырным. – Его батя, друг мой, таким же настырным был. Врубовку в сорок шестом хотел спасти и... машину спас, а себя...* (1, 2).

НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ, -ые

Условия. ЖП, 2.

НЕБОЛЬШОЙ, -ая

Заминка. *Операция началась с небольшой заминки* (2, 5).

НЕВОЗМУТИМО

Тенькал [сверчок]. ЖП, 1.

НЕВЫНОСИМЫЙ, -ая

Боль. ЖП, 4.

НЕВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ

Глаза. *В комнату вошёл худой, бледный человек, с серыми невыразительными глазами, устало и сухо поздоровался* (ЖП, 3).

НЕДОВЕРЧИВО

Посмотрела. *Таня подошла. Недоверчиво посмотрела на обоих. – Ты чего, Серёж? – спросила она. – Так, ничего, мужской разговор был...* (2, 8).

НЕДОВЕРЧИВЫЙ

Взгляд. □ 3, 4.

НЕДОСЯГАЕМО

Далёкое. До середины ночи в окно заглядывала луна, заливала палату голубоватым светом, и больным казалось, что она напоминает о чём-то давнем, **недосягаемо** далёком (2, 12).

НЕЕСТЕСТВЕННЫЙ, -а

Она (глава). о **Неестественна.** – Я думаю, что первую главу об Иване Кондратьевиче Горюнове следует опустить. Она **неестественна** и чужеродна (ЖП, 5).

НЕЖНЫЙ, -ые

Чувства. 3, 4.

НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНЫЙ, -ое

Действие. Так что же... ампутировать? А если есть хоть один шанс из ста спасти ноги? Но где он, этот единственный шанс? В ожидании или **незамедлительном** действии? Его не видно. Только одни благие намерения (2, 7).

НЕЗНАКОМЫЙ

Человек. **Незнакомый** человек осторожно отвёл Танины руки от лица и, заглянув в заплаканные глаза, **заботливо** спросил: – Что-то случилось? Может, помочь? (1, 8).

НЕИЗВЕСТНЫЙ, -ое

Наслаждение. ЖП, 5.

НЕИСТРЕБИМЫЙ, -ая

Любовь. ЖП, 2.

НЕЛАСКОВЫЙ, -ая, -ое

Ночь. Чужая, **неласковая** ночь смутьянкой лезла в душу, сгущала и без того тёмные краски (3, 2).

Слово. ЖП, 5.

НЕЛЁГКИЙ, -ая

Дорога. ЖП, 2.

НЕМЕДЛЕННО

Исправлена. ЖП, 5.

Согласился. – Да, – **твёрдо и немедленно** согласился я и вмиг почувствовал себя легко и свободно и оттого, что о повести так лестно сказали, и что выбрасывается ненужная, вымученная глава (ЖП, 5).

НЕОДОЛИМЫЙ, -ая

Сила. Не прошло и года, как меня вновь с **неодолимой** силой потянуло к письменному столу... (ЖП, 1).

НЕОТРЫВНО

Смотрел. Сергей **неотрывно** смотрел на солнце, не жмуря глаз, не ощущая боли в них (2, 8).

НЕОТРЫВНЫЙ

Взгляд. ЖП, 5.

НЕПОГОЖИЙ, -ая

День. 3, 4.

Ночь. На кухне пел сверчок, и было непонятно, как он очутился в городской квартире и с кем говорит на своём непонятном языке в эту **непогожую** ночь (ЖП, 1).

НЕПОДВИЖНО

Застывала. Двое суток Сергей был на грани жизни и смерти. Двое суток не отходила от него Таня. Она словно окаменела, сидя на стуле. На уговоры пойти отдохнуть молча качала головой и опять **неподвижно** застывала, уставившись взглядом в одну точку (1, 9).

НЕПОДДЕЛЬНЫЙ, -ая

Грусть. 2, 16.

НЕПОНЯТНЫЙ, -ая

Обида. ЖП, 1.

НЕПОСЛУШНЫЙ, -ые

Ноги. Спала [Таня] недолго. Во сне куда-то бежала отяжелевшими, **непослушными** ногами, проваливалась в ямы, порывалась кричать, но в рот лезла плотная, тяжёлая вата и глушила звук (1, 9).

НЕПРЕОДОЛИМЫЙ, -ая

Стена. Порой Сергею казалось, что новый путь найден, выход есть. Но стоило вникнуть в детали, как **непреодолимой** стеной вставало: нет рук, совершенно беспомощен... (2, 11).

НЕСМЕЛЫЙ, -ые

Ручейки. Звенела капель, пробивались **несмелые** мелководные ручейки (ЖП, 4).

НЕСТЕРПИМЫЙ, -ая

Боль. Δ Становилась **нестерпимой**. Душевная боль сливалась с физической и становилась **нестерпимой** (2, 12).

НЕТЕРПЕЛИВО

Поглядывал. Сергей **нетерпеливо** поглядывал на дверь. Ждал Таню (2, 4).

НЕТОРОПЛИВЫЙ, -ая

Бас. ЖП, 2.

Беседа. При каждом новом знакомстве Егорыч начинал длинную, **неторопливую** беседу, рассказывал о себе, но больше спрашивал (2, 6).

Задумчивость. Вечерний восторг, овладевший им некоторое время назад, сменила **неторопливая**, мечтательная задумчивость (1, 2).

Санитарка. 2, 12.

НЕУБЕДИТЕЛЬНЫЙ, -ые

Слова. Δ Станут **неубедительными**. Человек в беде: надо помочь. В пути подбирал ободряющие слова, не подозревая, что все сони поблекнут, станут **неубедительными** даже

для самого себя, стоит только оказаться в этом ярко освещённом коридоре с дурманящим запахом йодоформа (1, 8).

НЕУВЕРЕННЫЙ, -ые

Мысли. □ 3, 5.

НЕУГОМОННЫЙ, -ая

Рана. Дал бы кто Егорычу крылья, сбросил бы он опостылевший больничный халат, зажал бы свою **неугомонную** рану и ринулся бы в омут тайги. Но где они, эти крылья? Жизнь подрубила их (2, 14).

НЕУЁМНЫЙ, -ая

Тоска. [Сергей] испугался. Не смерти испугался, а внезапно пришедшей мысли о ней. Что-то простое и совсем обыденное мелькнуло перед глазами, отчего сжалось сердце и подступила **неуёмная** тоска (8, 1).

НЕУКЛЮЖЕ

Гладит. ● 1, 4.

НЕУЛОВИМЫЙ, -ые

Призрак. – У тебя, Серёжа, замечательный друг – твоя жена. С ней ты обязательно найдёшь себе дело. И знаешь, дружище, счастье – это же не призрак **неуловимый**. В жизни его так много, что хватит и на твою долю (2, 8).

Пути. В постели Таня долго не могла заснуть. Широко раскрытыми глазами смотрела в темноту, пыталась вспомнить, каким был Первомай в прошлом году, но мысли **неуловимыми** путями уходили в сторону и вели в предстоящий день, к предстоящей операции (2, 3).

НЕУМЕЛО

Плакал. 1, 8.

НЕУСТРОЕННЫЙ, -ая

Судьба. ЖП, 2.

НЕУТЕШНО

Плакал. Ушла Таня, жена. Заныло в груди и придавило к постели. Не дотянуться до двери, не открыть её, не позвать: вернись! Сергей всем телом рванулся вслед и тут же беспомощно упал. Зубами рвал наволочку и неумело, по-мужски плакал. Впервые за свою сознательную жизнь – **неутешно**, навзрыд (1, 8).

НЕУТЕШНЫЙ

Плач. ЖП, 3.

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ

Крик. – Ам-пу-ти-ро-вать... Как же это, а?! Как же я жить-то буду?! Руки... Таня! – И вдруг закричал диким, **нечеловеческим** криком: – Не дам, варвары, лучше убейте меня! (1, 5).

НОВЫЙ, -ая, -ое, -ые

Беда. 3, 3.

Знакомство. 2, 6.

Надежды. *Таня вдруг переставала казаться обиженной школьницей и становилась взрослой женщиной с какой-то ободряющей внутренней силой. И тогда опять отступало отчаяние, давая место **новым** надеждам и новым планам (2, 7).*

Открытия. 2, 14.

Планы. 2, 7.

Путь. 2, 11.

НУДНЫЙ, -ые

Дни. 3, 4.

Дождь. □ *Шёл дождь, мелкий и **нудный**, без грозы и ветра, бесшумный, ненужный, ничем не пахнущий и бесцветный (ЖП, 5).*

ОБИЖЕННО

Стучала. *За окном капелью звенела весна, **обиженно** стучала по окну голой веткой сирени (1, 3).*

ОБОДРЯЮЩИЙ, -ие

Слова. 1, 8.

ОГЛУШИТЕЛЬНЫЙ

Удар. ЖП, 1.

ОГРОМНЫЙ, -ое

Конус. 3, 1.

Мир [книг]. ЖП, 5.

Небо. *Вот она, как живая, стоит перед глазами Галина Дмитриевна: и деревянное здание районной библиотеки, и двухэтажная школа, и шум и гам класса, и голоса друзей, и **огромное** синее небо над бескрайними полями хлебов... (ЖП, 1).*

ОДНООБРАЗНО

Тянулись. 3, 5

ОДНООБРАЗНЫЙ, -ая

Картина. 3, 4.

ОДОБРИТЕЛЬНО

Кивнуть [головой]. *Егорыч мог просто улыбнуться, **одобрительно** кивнуть головой, и это было дороже всяких длинных сожалений (2, 6).*

Хохотнули. *В зале **одобрительно** хохотнули (ЖП, 1).*

ОЗОРНОЙ, -ая

Улыбка. *Всё казалось, сейчас он [Саша] встанет, глаза его заблестят, сощурятся и **озорная** улыбка озарит лицо. Казалось, мне приснился кошмарный сон... Я и сейчас не верю, что его нет (ЖП, 1).*

ОКЛАДИСТЫЙ, -ая

Борода. ЖП, 5.

ОПАСНЫЙ, -ая

Тишина. 1, 2.

ОРАНЖЕВЫЙ, -ые

Языки [пламени]. *То там, то тут плескались **оранжевые** языки пламени, и тогда осеннее солнце, затянутое реденькой грядой облаков, казалось тусклым и холодным* (ЖП, 4).

ОСКОРБИТЕЛЬНЫЙ, -ое

Письмо. ЖП, 2.

ОСЛЕПИТЕЛЬНО

Блеснули. ЖП, 1.

ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ

Свет. *А когда Кузнецов сказал: «Скальпель!» – всё постороннее исчезло. Остался человек, распластанный во весь рост на жёстком операционном столе, под **ослепительным** светом ламп, его пульс, дыхание, самочувствие* (2, 5).

ОСТОРОЖНЫЙ

Разговор. *Хирург Бадьян присел на краешек постели Сергея и повёл **осторожный** разговор о необходимости операции* (1, 7).

ОСТРЕЕ

Осознать. • ЖП, 5.

ОСТРЫЙ, -ая, -ое

Дискуссия. *Сейчас мне больше всего хочется, чтобы у вас состоялась **острая**, заинтересованная дискуссия не только о Сергее и Тане и других героях повести, но и серьёзный разговор о себе, о своём месте в жизни, о цели своей жизни* (ЖП, 1).

Ощущение. ЖП, 1.

Чувство. 3, 2.

ОТВЛЕЧЁННЫЙ

Вопрос. □ 2, 7.

ОТЗЫВЧИТЫЙ, -ое

Сердце. *Шахтёрское тебе спасибо за доброе, **отзывчивое** сердце* (ЖП, 1).

ОТМЕННЫЙ

Рассказ. Δ *Кажется отменным*. ЖП, 3.

ОТРЕШЁННЫЙ, -ое

Движение. *Она медленно подошла, каким-то **отрешённым**, невыносимо усталым движением стянула с головы косынку, уронила её на дорогу и ткнулась лицом в грудь Сергею* (3, 3).

ОТЧЁТЛИВЫЙ, -ое

Рокотание. 2, 1.

ОЧЕРЕДНОЙ, -ое

Выступление. Мы долго говорили в тот вечер. Пришлось даже опоздать на *очередное* выступление (ЖП, 5).

П

ПЕЧАЛЬНЫЙ, -ые

Лица. ЖП, 5.

ПЛАВНО

Кружилось. 2, 8.

Ползёт. Шахтная клеть висит на тросе и *плавно* ползёт вверх (1, 3).

ПЛОДОТВОРНО

Работает. Он поведал ребятам о том, что литературная студия работает *плодотворно* и исправно (ЖП, 2).

ПЛОХОЙ, -ие

Сны. □ 3, 2.

ПОВСЕДНЕВНЫЙ

Труд. 3, 5.

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ, -ое

Лицо. *Подозрительное* лицо весело заулыбалось (ЖП, 5).

ПОЖИЛОЙ

Мужчина. 3, 3.

ПОЖУХЛЫЙ, -ые

Травы. Отшуршал золотой листопад, и по утрам на *пожухлых* травах под ногами хрустела серебристая изморозь (ЖП, 6).

ПОЗДНИЙ, -ие

Грозы. Город секли грозы. *Поздние*, ярые... (3, 5).

ПОКЛАДИСТЫЙ

Характер. Когда Егорыч хмурился, ежи шевелили иголками и тянулись уколоть друг друга. Брови бросали колючую тень на все черты лица. Хотя нос, губы, разрез глаз говорили о доброте и мягкости, о *покладистом* характере (2, 6).

ПОЛНОКРОВНЫЙ, -ая

Жизнь. ЖП, 2.

ПОЛУХМЕЛЬНОЙ, -ое

Бренчание. *Здоровые ребята, с руками, с ногами, неужели дела себе не найдут! Ведь пролетит жизнь в этом **полухмельном**, блатном гитарном бренчании, и оглянуться не успеют (ЖП, 1).*

ПОРЫВИСТЫЙ

Ветер. ***Порывистый** апрельский ветер раскачивал деревья, словно будил их от долгой зимней спячки, торопил насладиться жизнью (1, 9).*

Дождь. □ ЖП, 1.

ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ

Возвышенные. 3, 4.

ПРАЗДНЫЙ, -ое

Вопрос. □ ***Не праздный.** Сергей мучительно искал ответ на вопрос о судьбе, далеко не **праздный** и не отвлечённый для него. «Судьба индейка», «судьба – чёрная мачеха» – всё это старое и древнее, что употребляли люди, когда попадали в тяжёлое положение, не подходило к Сергею (2, 7).*

Любопытство. 2, 6.

ПРЕДАТЕЛЬСКИ

Шептало. *И всё рушилось. Отчаяние **предательски** шептало на ухо: «Снета твоя песенка, парень!» (2, 11).*

ПРЕДСМЕРТНЫЙ

Крик. ЖП, 4

ПРИВЕТЛИВО

Склонялись. *Деревья **приветливо** склонялись и радостно шуршали зелёными ветвями (3, 1).*

ПРИВЕТЛИВЫЙ, -ые

Лица. ЖП, 5.

ПРИВЫЧНЫЙ

Ритм. *Аэропорт приливал и отливал людскими потоками, спешил, волновался, жил своим беспокойным **привычным** ритмом (ЖП, 5).*

ПРИГЛУШЁННЫЙ, -ые

Голоса. *Стук робко повторился. Послышались **приглушённые** голоса (1, 4).*

ПРИСТАЛЬНО

Всматривался. 2, 14.

ПРИСТАЛЬНЫЙ

Взгляд. *Моё внимание привлёк чей-то **пристальный**, неотрывный взгляд (ЖП, 5).*

Интерес. *На встречу со мной и пришли не просто из любопытства, а ведомые **пристальным** интересом к человеческой судьбе, судьбе своего коллеги (ЖП, 1).*

ПРОЗРАЧНЫЙ, -ая, -ое

Вода. 1, 3.

Небо. Над Бориспольским аэропортом висело **прозрачное**, ясное небо (ЖП, 5).

ПРОЛИВНОЙ, -ые

Дожди. ЖП, 2.

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЙ, -ая

Ясность. Я вдруг до **пронзительной** ясности понял, что все или почти все сидящие тут в нарядной читали мою повесть и знают судьбу Серёжки Петрова (ЖП, 1).

ПРОСТОЙ, -ое

Счастье. 3, 5.

ПРОСТОРНЫЙ, -ое

Небо. [Егорыч] отворачивался к окну и пристально всматривался в зеленеющие деревья, **просторное** голубое небо (2, 14).

ПРОТИВНО

Дрожали. 3, 3.

ПРОТИВНЫЙ, -ая

Дрожь. ЖП, 5.

ПРОХЛАДНЫЙ

Ветер. Со стороны Евпатории подул резкий **прохладный** ветер (ЖП, 2).

ПУСТЫННЫЙ, -ые

Улицы. И они убежали со свадьбы. Шли по **пустынным** улицам ночного города, под ногами скрипел снег, и от избытка чувств им хотелось крикнуть: «Люди! Смотрите, какие мы счастливые!»

Р

РАДОСТНО

Шуршали. Деревья приветливо склонялись и **радостно** шуршали зелёными ветвями (3, 1).

РАДОСТНЫЙ, -ое

Гул. 2, 2.

Земля. Выросли крылья, и я лечу и лечу куда-то над цветущей, **радостной** землёй (3, 5).

Ощущение. Шахта, как магнит, присосала его к себе. И после, когда пришлось расстаться с ней и сесть за учебники, он долго тосковал в скучной тишине аудиторий по славным ребятам из пятой восточной лавы, по громовому рёву забоя, по острому чувству собственной нужности людям и **радостному** ощущению до конца выполненного долга перед ними (3, 2).

РАДУШНЫЙ, -ая

Встреча. Потом была Москва и **радушная** встреча в редакции «Юности» (ЖП, 5).

РАЗЛАПИСТЫЙ, -ые

Тополя. Мы любим этот старый, с огромными, в два обхвата, **разлапистыми** тополями парк и часто навещаем его (ЖП, 2).

РАСКАТИСО

Захохотал. ЖП, 5.

РАСКАТИСТЫЙ

Гром. ЖП, 4.

Смех. Маскировать свой недуг ему [Егорычу] становилось всё трудней и трудней. Реже звучал его **раскатистый** смех, день ото дня тускнел блеск ещё недавно искрившихся глаз (2, 7).

РАСТЕРЯННЫЙ

Взгляд. Танин спутник остановился в коридоре. **Растерянным** взглядом осмотрел многочисленные двери и почесал затылок. За какой-то из них лежал человек, попавший в беду (1, 8).

РЕДЕНЬКИЙ, -ая

Гряды [облаков]. Осеннее солнце, затянутое **реденькой** грядой облаков, казалось тусклым и холодным (ЖП, 4). **Туман.** ЖП, 3.

РЕДКИЙ, -ие

Минуты. 2, 14.

РЕДЕНЬКИЙ

Строй. **Реденьким** озябшим строем поплыли деревья, за ними виднелась серая донецкая степь (3, 1).

РЕЗКИЙ

Ветер. Дул **резкий** восточный ветер, ещё не холодный, но уже достаточно остывший от почти тропической жары минувшего лета (ЖП, 1).

РЕЗКО

Пахнувший. ЖП, 5.

РЕШИТЕЛЬНЫЙ

Шаг. – Волновалась? – тихо спросил Кузнецов. Таня подняла голову, посмотрела на него и беззвучно заплакала. – Ну вот! Сделан **решительный** шаг к выздоровлению, а ты плачешь (2, 5).

РОБКИЙ, -ая, -ое, -ие

Мысли. □ 3, 5.

Ожидание. Ярко-жёлтые пушистые головки [ромашек] замерли в **робком** ожидании, насторожённо прислушиваясь к опасной тишине, и побежали в разные стороны от стремительно надвигающейся тени парашютиста (1, 2).

Чёлка. ЖП, 5.

РОБКО

Повторился [стук]. 1, 4.

Улыбнулось [солнце]. *Робко*, словно боясь рассердить седую стужу, улыбнулось из-за туч солнце (1, 2).

РОДНОЙ

Липецк. *По родному Липецку кружило бабье лето* (ЖП, 4).

РОЗОВЫЙ, -ое

Небо. ЖП, 5.

РУКИ-ПАУТИНКИ

■ Сергей успел просчитать до двух, и по краю огромной лампы, висящей над ликом, быстро побежал вниз головой. Мизерно маленький человечек. «Так это ж я!» – удивился он, а человечек, взмахнув руками-паутинками, оторвался от лампы и, кувыряясь, полетел в пустоту (2, 4).

Г

САМОЗАБВЕННЫЙ, -ая

Любовь. «Что бы делал я, как бы жил без твоей безграничной, *самозабвенной* и чистой любви?» (2, 3).

САТАНИНСКИЙ, -ие

Формы. Сергей молчал. Жадно глотал сигаретный дым и чувствовал, как в голове у него всё плавно кружилось, очертания предметов искажались, принимая какие-то заострённые, *сатанинские* формы (2, 8).

СБИВЧИВО

Рассказывала. Посещать Петрова категорически запрещалось. К знакомым и незнакомым людям выходила Таня. *Сбивчиво* рассказывала о состоянии здоровья, принимала кульки, записки, протоколы собраний, вся суть которых сводилась к одному; не. падай духом, друг, мужайся, шахтёр! (1, 9).

СВЕЖИЙ

Воздух. 2, 8.

СВЕТЛЫЙ, -ое

Период. Вы только вступаете в жизнь, учитесь преодолевать трудности. Сейчас у вас прекрасный, *светлый* период (ЖП, 1).

След. Я очень хочу, дорогие читатели, чтобы каждый оставил на широком жизненном поле свой *светлый* и добрый след (ЖП, 5).

Чувство. ЖП, 1.

СВИНЦОВЫЙ

Ледовитый океан. В памяти запечатлелся *свинцовый* Ледовитый океан в белых изломах шторма (ЖП, 2).

СВИРЕПЫЙ, -ая, -ые

Гроза. И, глядя со стороны на счастливых от встречи супругов, нельзя было подумать, что над этими людьми пронеслась **свирепая** жизненная гроза (3, 4).

Речки. 2, 14.

СВОБОДНЕЕ

Почувствовал [себя]. • Сергей почувствовал себя **свободнее**. Исчезло тягостное чувство, что он стесняет кого-то, мешает, ломает издавна заведённые порядки и привычки (3, 2).

СВЯТОЙ, -ая, -ое

Память. ЖП, 4.

Чувство. Любовь – это **святое** чувство, её надо беречь (ЖП, 1).

СДАВЛЕННО

Проговорил. – Закурить... – **сдавленно** проговорил Сергей. Кузнецов вытащил из кармана пачку, достал сигарету и поднёс к его губам (2, 8).

СЕДОВАТЫЙ, -ые

Усы. ЖП, 5.

СЕДОЙ, -ая

Женщина. 3, 4.

Прядь. Константин Данилович опять расплывается в широкой улыбке и даже как-то короткими раскатиками подхохатывает, поправляя на голове **седую** прядь (ЖП, 4).

Стужа. Робко, словно боясь рассердить **седую** стужу, улыбнулось из-за туч солнце (1, 2).

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ, -ая

История. ЖП, 1.

СЕРДОБОЛЬНЫЙ, -ые

Добрячки. ЖП, 5.

СЕРЫЙ, -ая, -ые

День. **Серым**, непогожим днем Петровы возвращались в Луганск (3, 4). **Дни.** □ По-прежнему длинно и однообразно тянулись дни, **серые**, скучные, с утра до ночи заполненные бесплодными попытками овладеть протезом, вырваться из опостылевшей беспомощности (3,5).

Дождь. Моросил **серый**, холодный дождь, в пожелтевших деревьях метался осенний ветер, рвал листья и бросал их на тускло блестящий, мокрый асфальт (2, 17). **Дожди.** ЖП, 1.

Степь. 3, 1.

Тучи [песка и пыли]. Дул горячий восточный ветер, гоня по улицам города **серые** тучи песка и пыли (ЖП, 2).

СЕРЕБРИСТЫЙ, -ая

Изморозь. Отишумели тёплые дожди, отгремели летние грозы, отишуриал золотой листопад, и по утрам на пожухлых травах под ногами хрустела **серебристая** изморозь (ЖП, 6).

СЕРЬЁЗНЫЙ

Разговор. ЖП, 1.

СЕСТРА-СИДЕЛКА

■ В редкие минуты, когда к нему возвращалось сознание, Егорыч неизменно поворачивал голову к сестре-сиделке и слабым голосом говорил: – Ничего, сестричка, мы ещё повоюем... (2, 14).

СИБИРСКИЙ

Мороз. Это в Якутии. Январь стоял. Лютый, шут его бери! Что называется, настоящий *сибирский* мороз (2, 7).

СИЛЬНЕЙ

Дымил. • Террикон дымил ещё *сильней*, на копре бешено кружились шкивы (ЖП, 1).

СИЛЬНЫЙ

Организм. 10, 1.

СИМПАТИЧНЫЙ

Женька. Тихий, ласковый, какой-то мягкий, по-девчоночьи *симпатичный* Женька, полтора года назад ушедший в армию, не пишет матери писем! (ЖП, 1).

СИНЕГЛАЗЫЙ, -ая

Девушка. 1, 9.

СИРОТЛИВЫЙ

Стук. «Ру-ки...» – тягостно тикали *сиротливым* стуком ходики (3, 2).

СКАЗОЧНЫЙ

Шатёр. 1, 3.

СКОЛЬЗКИЙ, -ая

Дорога. ЖП, 5.

СКОРБНЫЙ, -ая

Фигура. От вида опустевшей палаты со *скорбной* фигурой молодой женщины, склонившейся над спящим в тяжёлом наркотическом сне мужем, от сознания того, что ещё немало дней и ночей придётся просиживать ей вот так, призывая на помощь всё своё юное мужество, у врача больно сжалось сердце (2, 5).

СКОРОПАЛИТЕЛЬНЫЙ, -ые

Мысли. Она [Даниловна] сидела маленькая, тихая, с большими грубыми руками в тёмных прожилках вен, и Сергею вдруг стало стыдно за свои *скоропалительные* мысли о ней (3, 4).

СКУЛАСТЫЙ

Проходчик. Рыжий *скуластый* проходчик всё чаще тихо кашлял в кулак (ЖП, 1).

СКУЧНЫЙ, -ая, -ые

Дни. □ *По-прежнему длинно и однообразно тянулись дни, серые, скучные, с утра до ночи заполненные бесплодными попытками овладеть протезом, вырваться из опостылевшей беспомощности* (3,5).

Тишина. 3, 2.

СЛАБЫЙ

Голос. 2, 14.

СЛАВНЫЙ, -ые

Ребята. 3, 2.

СЛАДКИЙ, -ая

Тоска. *Воздух, пропитанный запахами земли, <...> пошёл гулять во лавам, забоям, будоража души шахтёров необъяснимо **сладкой** тоской по солнцу, по высокому тёмно-голубому небу* (1,2).

СЛОЖНЫЙ, -ая

Задача. 2, 7.

СЛЮНЯВЫЙ, -ые

Мыслишки. *Какой-то молокосос и, видите ли, подводит базу под **слюнявые** мыслишки!* (3, 5).

СОБЛАЗНИТЕЛЬНЫЙ, -ые

Мысли. *Когда окончился срок практики, Сергей, не задумываясь, остался работать в шахте, отбросив **соблазнительные** мысли о каникулах, отдыхе и прочем* (3, 2).

СОБСТВЕННЫЙ, -ая

Ненужность. *Самое трудное – это сознание **собственной** ненужности* (3, 5).

СОЗИДАТЕЛЬНЫЙ, -ое

Время. *Появляется острое ощущение нашего времени, времени беспокойного, ищущего, **созидательного*** (ЖП, 1).

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ, -ая

Жизнь. 1, 8.

СОЛЁНЫЙ, -ые

Губы. Δ *Были тугие.* **СОЛНЕЧНЫЙ, -ая**

Погода. *Стояла ясная,* ЖП, 1.

солнечная погода (ЖП, 2).

СОСРЕДОТОЧЕННО-СУРОВЫЙ, -ые

Лица. Δ *Сделались **сосредоточенно-суровыми**. Весть о несчастье поползла по палатам. Сделались **сосредоточенно-суровыми** лица больных, словно все они нечаянно заглянули в пропасть и она грозно, гипнотически поманила их* (1, 3).

СОСРЕДОТОЧЕННЫЙ

Взгляд. 3, 1.

СПОКОЙНЫЙ, -ая

Санитарка. *Спокойную, неторопливую санитарку тетю Клаву будто подменил кто* (2, 12).

СПРАВЕДЛИВЕЙШИЙ

Судья. 2, 6.

СПРАВЕДЛИВЫЙ

Приговор. *Это письмо, сверху и снизу снабжённое официальными печатями и штампами, было принято как суровый, но честный и справедливый приговор* (ЖП, 1).

СТАРЧЕСКИ

Дрожит. 1, 4.

СТАРЫЙ

Парк. ЖП, 2.

СТЕПЕННЫЙ, -ая

Важность. *Егорыч задавал вопросы со **степенной** важностью, всем своим видом показывая: не шучу я с тобой и не из праздного любопытства интересуюсь, – хочу знать, кто ты, что ты и на что способен в жизни* (2, 6).

СТРАШНЫЙ

Хохот. *Обезумевшим взглядом [Сергей] поводил по забинтованным культам рук, ампутированных выше локтей, и вдруг захохотал **страшным** истерическим хохотом* (1, 9).

СТРЕМИТЕЛЬНО

Надвигающийся. 1, 2.

СТРОЖАЙШИЙ

Судья. *Но уж если Егорыч благоволил к кому, то лучшего друга тот не мог и желать. Он был братом, отцом, человеком, готовым броситься в огонь и в воду по первому зову друга, и в то же время **строжайшим** и справедливейшим судьей* (2, 6).

СТЫДНО

Сергею. Δ 3, 4.

Станет им. Δ *А одумаются [здоровые ребята], оглянутся – поздно будет. Ничего ведь сзади не останется, никакого следа. **Стыдно** им станет* (ЖП, 1).

СУМРАЧНЫЙ, -ые

Мысли. *Таня, хлопоча по дому, старалась развеселить его, отвлечь от **сумрачных** мыслей* (3, 2).

СУРОВЫЙ, -ая

Мерка [талантов]. *Писателей, с моей точки зрения, следует распределять по «обоймам» только по **суровой** мерке их талантов* (ЖП, 4).

Приговор. ЖП, 1.

СУХОЙ, -ое

Лето. Δ *Выдалось сухим. Лето выдалось **сухим** и жарким (ЖП, 2).*

СЧАСТЛИВЫЙ, -ые

Супруги. 3, 4.

Т

ТАКТИЧНО

Сделали. ЖП, 5.

ТВЁРДО

Согласился. ЖП, 5.

ТЕМНОГЛАЗЫЙ, -ая

Анна. Ночевала Таня у Михаила. Бойкая **темноглазая** Анна, жена Михаила, встретила её ласково (2, 3).

ТЕРПКИЙ, -ое

Зловоние. Казалось, залетевший в подземелье запах весны, смешавшись с **терпким** зловонием плесени и газа, вдруг загрузил по широким просторам земли, по безмятежным далям планеты (1, 2).

ТЁМНО-ГОЛУБОЙ, -ое

Небо. Воздух, пропитанный запахами земли, <...> пошёл гулять во лавам, забоям, будоража души шахтеров необъяснимо сладкой тоской по солнцу, по высокому **тёмно-голубому** небу (1,2).

ТЁПЛЫЙ, -ое, -ые

Волосы. 3, 2.

Дожди. ПЖ, 6.

Солнце. Утром Таня взяла полотенце и повесила на спинку кровати, заслоня лицо Сергея от солнечных лучей. – Пусть светит, Таня... – услышала она и замерла. – Ты не спишь, Серёжа? – Какое **тёплое** солнце... (1, 9)

ТИХИЙ, -ая

Комнатушка. 3, 2.

Улыбка. Мягкий, добрый человек, с **тихой** застенчивой улыбкой, он [Соловьёв] вызывал уважение и располагал к себе (ЖП, 2).

ТОМИТЕЛЬНЫЙ, -ое

Крик. Длиннокрылая чайка, кривой дугой прошла над берегом и с **томительным** криком скрылась за мысом (ЖП, 2).

Ожидание. ЖП, 2.

ТОРОПЛИВЫЙ

Почерк. – Серёжа, ты знаешь, кто стал твоим донором? Известный тебе... – И поднёс ампулу с алой жидкостью к глазам Сергея, надеясь приятно изумить его. На

этикетке **торопливым** почерком было написано; «Петренко Геннадий Федорович. Токарь. Группа крови первая» (1, 8).

ТОСКЛИВЫЙ

Голос. ЖП, 2.

ТРАГИЧЕСКИЙ

Бас. Густой **трагический** бас предложил мне написать в соавторстве с ним трилогию о возмужавших юношах (ЖП, 2).

ТРЕВОЖНЫЙ, -ая

Тишина. В конце спектакля была **тревожная**, пугающая тишина (ЖП, 4).

Взгляд. □ 3, 4.

ТРОГАТЕЛЬНЫЙ

Голос. Давно, ещё в институте, мечтал (даже приснилось однажды), как после труднейшей операции встаёт больной с операционного стола и **трогательным** голосом говорит: «Доктор! Я буду вам вечно благодарен! Вы спасли мне жизнь!» (2, 5).

ТРУДНЫЙ, -ое

Бой. 3, 2.

Мир. Знаешь, Слава, ты идёшь в литературу, это сложный и **трудный** мир, там тебя ждёт больше шишек, чем роз (ЖП, 2).

Операции. 2, 5.

Случай. Когда врач ушёл, заговорили все сразу, наперебой. Каждый хотел рассказать наиболее **трудный** случай из жизни, который, по его мнению, может послужить образцом стойкости для Сергея (2, 4).

Судьбы. «У русских поэтов всегда были **трудные** судьбы!» – утешил себя Сергей (3, 5).

ТРУДОЛЮБИВЫЙ, -ые

Люди. ЖП, 1.

ТРУДЯГА-ВАГОНЕТКА

■ Сергей любит смотреть на террикон и эту, как он её называет, «**трудягу-вагонетку**» (1, 4).

ТРУСЛИВО

Прячется. ЖП, 5.

ТРУСЛИВЫЙ

Человек. Человек эгоистичный и **трусливый**, Горюнов был напуган обширностью ран у больного, его воля была парализована видом человеческой трагедии (1, 5).

ТУГОЙ, -ие

Губы. Δ Были **тугие**. Губы отца были **тугие**, солёные, борода и щеки колкими, от выгоревшей гимнастерки густо пахло табаком и потом (ЖП, 1).

Нити. 1, 3.

ТУПОЙ, -ая

Боль. Кузнецов вышел в коридор. Подошёл к раскрытому окну и жадно закурил. Он чертовски устал. Словно побитые, ныли спина, руки, ноги, **тупой** болью кололо в висках (2, 5).

ТУСКЛО

Блестящий. 2, 17.

ТУСКЛЫЙ, -ая

Картина. Вагон вздрагивал, как в ознобе, дробно стучал колёсами, за окном мелькала **тусклая**, однообразная картина (3, 4).

ТЯГОСТНО

Тикали (ходики). 3, 2.

ТЯГОСТНЫЙ, -ое

Чувство. 3, 2.

ТЯГУЧИЙ

Крик. Беззвучный, **тягучий** крик журавлиной стаи рвал тишину тёмной осенней ночи (2, 16).

ТЯЖЁЛЫЙ, -ое, -ые

Аплодисменты. **Тяжёлые**, крупные аплодисменты грохнули минуту спустя (ЖП, 1).
Дни. 3, 2.

Положение. □ Сергей мучительно искал ответ на вопрос о судьбе, далеко не праздный и не отвлечённый для него. «Судьба индейка», «судьба – чёрная мачеха» – всё это старое и древнее, что употребляли люди, когда попадали в **тяжёлое** положение, не подходило к Сергею (2, 7).

Сон. 2, 5.

Тучи. Над городом висели **тяжёлые** осенние тучи, сеял холодный дождь (3, 4).

ТЯЖКИЙ, -ая

Пора. Я с чувством величайшей благодарности вспоминаю своих первых учителей, которые в **тяжкую** пору войны, в тех холодных, нетопленных классах, сумели воспитать в нас, оборванных деревенских сорванцах, великое чувство – неистребимую любовь к жизни, радость труда, стойкость в преодолении невзгод (ЖП, 2).

У

УБОРИСТЫЙ

Почерк. Есть письма, написанные мелким, **убористым** почерком на тетради в пятьдесят листов, где изложена целая судьба, есть короткие, в три слова, как крик о помощи (ЖП, 5).

УГРЮМЫЙ, -ый

Шахтёры. ○ **Угрюмы.** Когда в шахту приходит беда, шахтёры **угрюмы** и молчаливы (1, 3).

УДИВЛЁННЫЙ, -ые

Глаза. *А Сергей удивлёнными глазами разглядывал небо, деревья, скамейки с сидящими на них людьми, будто попал на другую планету и видел всё впервые (2, 8).*

УКОРИЗНЕННЫЙ

Взгляд. ЖП, 3.

УМНО

Втолковывал. 2, 8.

УНЫЛЫЙ, -ые

Дожди. *Зачастили унылые осенние дожди, и хмурое небо торопливо погнало вместе с тучами косяки перелётных птиц (2, 16).*

УПРУГИЙ, -ая

Ветер. *Ночью шёл дождь. Темноту за окном рвала молния. Таня испуганно ждала удара грома, а его не было. Упругий весенний ветер шушал по окнам, и казалось, не выдержат напора хрупкие стёкла, лопнут и впустят в палату буйство апрельской ночи (1, 10).*

Волна. *Кузнецов скорее почувствовал, чем увидел то, к чему он вот уже в течение часа подбирался. Кончик скальпеля, словно щупая, осторожно прислонился к стенке артерии и тут же был откинут упругой, пульсирующей волной (2, 5).*

Струя. *Свистит по штреку упругая струя воздуха, шушит по транспортёру уголь и, весело поблёскивая, падает в вагонетки... (3, 2).*

УПРУГО

Дрожат. *Тугие корявые нити, пронзившие стрелами тело, упруго дрожат, с хрустом скручиваются в спирали и выпячиваются в руки, в голову, в ноги (1, 3).*

УСТАЛЫЙ, -ое

Движение. 3, 3.

УХАБИСТЫЙ, -ая

Дорога. *Иногда мне хочется ход своей жизни сравнить с движением грузовика по длинной, ухабистой дороге (ЖП, 6).*

Ф

ФИЗИЧЕСКИ

Ощутил. 3, 2.

ФИЗИЧЕСКИЙ, -ая, -ие

Боль. 2,12. **Боли.** *Всегда так: немного утихнут физические боли, человек начинает копать в душе (2, 6).*

ФРОНТОВОЙ, -ая

Привычка. *Отец, не поднимая глаз, часто курил. Вернулась фронтовая привычка (2, 3).*

Х

ХИЛЫЙ, -ые

Плоты. *Всё помнит Иван. И гордую радость новых открытий, и ласкающее тепло таёжного костра, и хилые плоты на свирепых горных речках, и шестидесятиградусные морозы, и огненные кольца лесных пожаров...* (2, 14).

ХИТРО

Втолковывал. 2, 8.

ХМУРЫЙ, -ое, -ые

Небо. 2, 16.

Ребята. □ *К вечеру приехал весь состав комсомольского бюро шахты. Ребята, хмурые, присмиревшие, гуськом прошли в приёмный покой и попросили к себе врача* (1, 9).

ХОЛОДНЫЙ, -ая, -ые

Грязь. *Сергей встаёт, делает несколько шагов вперёд и падает лицом вниз, в жидкую холодную грязь* (1, 3).

Дождь. 2, 17. *День и ночь лили серые холодные дожди* (ЖП, 1).

Земля. 1, 2.

Капли (пота). *Он зубами зацепил пальто и кинул его на плечи. Ноги противно дрожали, по лицу текли холодные капли пота* (3, 3).

Классы. ЖП, 2.

ХОЛОСТЯЦКИЙ, -ая

Жизнь. ЖП, 5.

ХОРОШИЙ, -ие

Сны. □ *Разные сны снятся людям по ночам. Человек их не выбирает. Сны приходят сами, хорошие и плохие* (3, 2).

ХРАБРЕЕ

Не сыскать. • 2, 7.

ХРИПЛОВАТЫЙ

Голос. ЖП, 2.

ХРИПЛЫЙ

Голос. *Егорыч медленно опустил голову на подушки и изменившимся, хриплым, словно простуженным, голосом повёл рассказ* (2, 7).

Шёпот. *Однажды Тане почудилось, что её зовут. Бегом направилась в палату. Сергей метался в бреду по постели, хриплым шёпотом звал: – Таня, Танечка... иди ко мне. Не плачь, мама... Мне больно, доктор... я не хочу, не хочу...* (1, 9).

ХРУПКИЙ, -ие

Лужи. *Машина срывается с места и мчится от шахты через посёлок по хрупким весенним лужам, брызгаясь мокрым снегом, прозрачной талой водой* (1, 3).

Стёкла. 1, 10.

Ц

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЁННЫЙ, -ые

Люди. *Какими вы выйдете в большую жизнь – мужественными борцами или жалкими хлюпиками, трудолюбивыми, целеустремленными людьми или безвольными, жалкими приспособленцами* (ЖП, 1).

Ч

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ, -ая

Доброта. *Человеческая доброта не проходит бесследно* (ЖП, 5).

Судьба. ЖП, 1.

ЧЕРТОВСКИ

Устал. 2, 5.

ЧЕСТНЫЙ, -ое

Выполнение. – *Что, по-вашему, есть мужество? – раздаётся опять вопрос. – Честное выполнение своего долга...* (ЖП, 1).

Приговор. *Это письмо, сверху и снизу снабжённое официальными печатями и штампами, было принято как суровый, но честный и справедливый приговор* (ЖП, 1).

Труд. 3, 5.

ЧЁРНЫЙ, -ая

Мачеха. 2, 7.

Он [террикон]. *Чёрный, дымящийся, он [террикон] высился среди степи огромным конусом, сказочным шатром чудо-богатырей* (3, 1).

Солнце. 2, 8.

Яма. *«Не хочу!» – рванулся Сергей и не успел сказать. Из-под спины ушла опора, и он рывком провалился в чёрную бездонную яму* (2, 4).

ЧЁТКИЙ

Рассудок. *Я слишком привязался к больному, теряю чувство реального. Это может повредить ему. У хирурга не должно чувство брать верх над здоровым, чётким рассудком. Сложную задачу задал ты, Серёга* (2, 7).

ЧИСТЫЙ, -ая

Любовь. 3, 2.

ЧУДНО

Устроена (жизнь). *Эх, чудно всё-таки устроена жизнь! Весна... Таня... Отпуск, а там снова работа, шахта, друзья...* (1,2).

ЧУДО-БОГАТЫРИ

■ *Чёрный, дымящийся, он [террикон] высился среди степи огромным конусом, сказочным шатром чудо-богатырей* (3,1).

ЧУДО-ЛЮДИ

■ Сергей слушал и не слушал, а всё равно видел переполненные лазареты, полевые госпитали от Сталинграда до Берлина с **чудо-людьми**, перед мужеством которых отступали тысячи смертей (2, 4).

ЧУМАЗЫЙ, -ое

Лицо. ЖП, 4.

ЧУЖЕРОДНЫЙ, -а

Она (глава). ○ **Чужеродна**. – Я думаю, что первую главу об Иване Кондратьевиче Горюнове следует опустить. Она неестественна и **чужеродна** (ЖП, 5).

ЧУЖОЙ, -ая

Ночь. З, 2.

Ш

ШАЛЬНОЙ, -ая, -ые

Мысль. З, 4. Мысли. **Шальные** мысли лезут в голову. Дело нужно, тогда и всякая ерунда перестанет в голову лезть (З, 2).

ШЕПЕЛЯВО

Свистит. Набегающая струя воздуха **шепеляво** свистит в железном козырьке клетки, врывается внутрь и брызжет мелкими каплями дождя (1, 3).

ШЕРШАВЫЙ, -ая

Ладонь. – Не плачь, дочка, Бог даст, всё обойдётся, – У Кузьмича срывается голос, старчески дрожит, и нельзя понять, надежда в нём или соблезнование. Большая **шершавая** ладонь неуклюже гладит щёку (1, 4).

ШИРОКИЙ, -ая, -ое, -ие

Поле. ЖП, 5.

Просторы (земли). 1, 2.

Улыбка. А потом осмелело солнце. Засуетились, ускоряя бег, облака, расплылось в **широкой** улыбке небо, и солнце горячим лучом припало к холодной, дремлющей земле (1,2).

Шаги. Григорий Васильевич, заложив за спину руки, **широкими** шагами ходил по палате (2, 5).

Щ

ЩЕДРО

Отпускались. Старик бодрился, скрывал, что ему тяжело, но <...> день ото дня тускнел блеск ещё недавно искрившихся глаз, и шутки, что **щедро** отпускались по различным поводам монотонной больничной жизни, уже почти не слышались в одиннадцатой палате (2. 11).

ЩУПЛЫЙ, -ая

Женщина. *Щуплая* седая женицина лет шестидесяти, их попутчица, переводила взгляд с Сергея на Таню, с Тани на Сергея и украдкой вздыхала (3, 4).

Э

ЭГОИСТИЧНЫЙ

Человек. *Человек эгоистичный* и трусливый, Горюнов был напуган обширностью ран у больного, его воля была парализована видом человеческой трагедии (1, 5).

ЭНЕРГИЧНЫЙ, -ое

Лицо. *Из-за крайнего столика тут же поднялся молодой, высокого роста человек, с энергичным, гладко выбритым лицом* (ЖП, 5).

Ю

ЮНЫЙ, -ое

Мужество. *От вида опустевшей палаты со скорбной фигурой молодой женицины, склонившейся над спящим в тяжёлом наркотическом сне мужем, от сознания того, что ещё немало дней и ночей придётся просиживать ей вот так, призывая на помощь всё своё юное мужество, у врача больно сжалось сердце* (2, 5).

Ю

ЯДРЁНЫЙ, -ые

Звёзды. ЖП, 2.

ЯРКИЙ, -ая, -ое, -ие

Пора. *Яркой* весенней порой сорок четвёртого года нас принимали в пионеры (ЖП, 1).

Примеры. ЖП, 5.

Радуга. *Кузнецов подошел к окну, выглянул на улицу. Сплошной лавиной двигались нарядные колонны демонстрантов. Казалось, яркая радуга легла на плечи людям и трепетала всеми своими беспорядочными, перепутанными цветами* (2, 5).

Свет. 2, 8.

Солнце. 3, 4.

ЯРКО

Светило (солнце). ЖП, 1.

ЯРКО-ЖЁЛТЫЙ, -ые

Головки. 1, 2.

ЯРОСТНО

Дрался. *Порой казалось, что минуты жизни Сергея сочтены. Но сильный организм яростно дрался со смертью, гнал её, и она была вынуждена давать всё новые и новые отсрочки* (1, 10).

ЯРЫЙ, -ые

Грозы. *Город секли грозы. Поздние, ярые...* (3, 5).

ЯСНЕЕ

Осознать. • ЖП, 5.

ЯСНО

Представил. 1, 2.

ЯСНЫЙ, -ая, -ое

Небо. *Над Бориспольским аэропортом висело прозрачное, ясное небо* (ЖП, 5).

Погода. *Стояла ясная, солнечная погода* (ЖП, 2).

**В Словаре зарегистрировано:
эпитетов-словоупотреблений – 600;
лексем – 453.**

КРАТКАЯ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА ОБ АВТОРЕ

БЕСПЕРСТЫХ Анатолий Павлович – филолог-лексикограф, поэт. Родился в с. Черкассы Елецкого района Липецкой обл. 11 ноября 1942 г.

Автор 20 стихотворных сборников: «Пешком по Ноябрью», «В ожидании рассвета», «Межсезонье», «Русские триолеты», «Второе дыхание», «Пушкину посвящается», «Венок сонетов», «Стежью памяти нетленной...» (избранное), «Третье дыхание», «С любовью к русскому слову» и др.

60 лет работает в области литературоведения и русской лексикографии. В издательствах Союзного государства вышло более 100 литературных и тематических словарей: эпитетов А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, И. Сурикова, Ф. Тютчева, М. Богдановича, С. Бехтеева, С. Есенина, И. Тургенева, А. К. Толстого, Н. Рубцова, М. Пришвина, И. Григорьева, М. Исаковского, В. Бианки, Д. Ковалёва, А. Фатьянова, М. Румянцевой, В. Высоцкого, Г. Горбовского, К. Сковорода, Д. Мизгулина, А. Яшина и др.; о счастье, о любви, о вере, о надежде, о душе, о гостеприимстве, о судьбе, о России, о русском слове, о литературе и творчестве и др.; словари афоризмов Пушкина, Лермонтова, Чехова, Достоевского, В. Путина и др.; фразеологические: «Не мудрствуя лукаво», И. Григорьева, Н. Рубцова, К. Сковорода, Н. Советной, Д. Мизгулина, А. Яшина, А. Лукашенко; сравнений и сравнительных оборотов: Н. Рубцова, И. Григорьева (по поэме «Обитель»), Н. Советной;

словари русских пословиц: «Мудрость наших предков», Л. Толстого; рифм И. Григорьева; словари ономастики Н. Рубцова и Игоря Григорьева; четыре продолжающиеся серии тематических словарей: «Природа в русских эпитетах» (вышло 12 выпусков), «Моя коллекция русских пословиц и поговорок», «Моя коллекция русских эпитетов» и «Моя коллекция русских фразеологизмов»; словари языка публицистики Н. Советной, Г. Григорьева и др., «Библиографический указатель поэтических произведений Игоря Григорьева».

За плодотворную работу награждён литературными медалями Игоря Григорьева, Николая Рубцова и Симеона Полоцкого.

Лауреат Международной литературной премия имени Сергея Есенина (2021) за «Словарь эпитетов С. А. Есенина»

Дипломант XI Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь», посвящённого 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (за книгу «Слово о Русском Слове»); также награждён дипломом за многолетнее служение великому русскому языку и единению братских народов России и Беларуси.

Член Союза писателей России, Союза писателей Союзного государства России и Беларуси и Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беспёрстых Анатолий Павлович, лексикограф-русист (г. Новополоцк, Республика Беларусь)

Верещак Дарья Максимовна, студент 3-го курса специальности «Арт-продюсирование и межкультурная коммуникация» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Гакова Людмила Степановна, учитель русского языка и литературы муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя школа № 9 имени М.В.Водопьянова г. Липецка» (г. Липецк, Российская Федерация)

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры журналистики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганский государственный университет имени Владимира Даля» (г. Луганск, Российская Федерация)

Дрожжина Полина Игоревна, магистрант федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск, Российская Федерация)

Дьякова Татьяна Алексеевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Ельшова Людмила Владимировна, заведующая квартирой-музеем В.А. Титова (г. Луганск, Российская Федерация)

Зайцева Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-просветительского центра по изучению русской культуры Луганщины федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Захарченко Кира Александровна, студент 2-го курса специальности «Арт-продюсирование и межкультурная коммуникация» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Звёздова Галина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк, Российская Федерация)

Зюбан Анастасия Витальевна, студент 3-го курса специальности «Арт-продюсирование и межкультурная коммуникация» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Ищенко Нина Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и педагогики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганский государственный аграрный университет имени К. Е. Ворошилова» (г. Луганск, Российская Федерация)

Карташян Светлана Сергеевна, учитель русского языка и литературы муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 2 п. Добринка» (п. Добринка Липецкой области, Российская Федерация)

Конькова Марина Юрьевна, аспирант федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск, Российская Федерация)

Криволап Светлана Сергеевна, преподаватель кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Кузнецова София Анатольевна, студент 2-го курса специальности «Арт-продюсирование и межкультурная коммуникация» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Ларина Галина Михайловна, учитель русского языка и литературы муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 2 п. Добринка» (п. Добринка Липецкой области, Российская Федерация)

Лепихова Анастасия Романовна, студент 2 курса специальности «Арт-продюсирование и межкультурная коммуникация» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Литвинова Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Лукьянченко Ольга Григорьевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русской филологии и социально-гуманитарных дисциплин федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего

образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Мадеева Мария Александровна, студент 3-го курса специальности «Арт-продюсирование и межкультурная коммуникация» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Малахова Анастасия Викторовна, студент 2 курса специальности «Арт-продюсирование и межкультурная коммуникация» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Малюкина Валерия Андреевна, студент 2 курса специальности «Арт-продюсирование и межкультурная коммуникация» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Масленникова Татьяна Ивановна, учитель высшей категории, учитель-методист государственного образовательного учреждения «Луганский учебно-воспитательный комплекс специализированная школа I ступени – гимназия № 60 имени 200-летия Луганска» (г. Луганск, Российская Федерация)

Панова Мария Алексеевна, учитель русского языка и литературы муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 2 п. Добринка» (п. Добринка Липецкой области, Российская Федерация)

Папцова Алла Константиновна, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин учреждения высшего образования «Московский художественно-промышленный институт» (г. Москва, Российская Федерация)

Подтынная Алла Аркадьевна, директор государственного образовательного учреждения «Луганский учебно-воспитательный комплекс специализированная школа I ступени – гимназия № 60 имени 200-летия Луганска», учитель русского языка и литературы высшей категории, учитель-методист (г. Луганск, Российская Федерация)

Покаленко Анастасия Александровна, студент 3-го курса специальности «Арт-продюсирование и межкультурная коммуникация» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Рыбак Алевтина Витальевна, студент 2-го курса специальности «Арт-продюсирование и межкультурная коммуникация» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Сидоренко Александра Юрьевна, студент 2-го курса специальности ИГД 2:4 федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Степаненко Любовь Алексеевна, учитель русского языка и литературы, учитель высшей категории, учитель-методист государственного образовательного учреждения «Луганский учебно-воспитательный комплекс специализированная школа I ступени – гимназия № 60 имени 200-летия Луганска» (г. Луганск, Российская Федерация)

Такташева София Дмитриевна, студент 3-го курса специальности «Арт-продюсирование и межкультурная коммуникация» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Топчий Татьяна Викторовна, учитель русского языка и литературы, учитель высшей категории, учитель-методист государственного образовательного учреждения «Луганский учебно-воспитательный комплекс специализированная школа I ступени – гимназия № 60 имени 200-летия Луганска» (г. Луганск, Российская Федерация)

Чернов Андрей Алексеевич, научный сотрудник научно-просветительского центра по изучению русской культуры Луганщины федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

Чикаева Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин учреждения высшего образования «Московский художественно-промышленный институт» (г. Москва, Российская Федерация)

Шаповалова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы филиала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе (г. Севастополь, Российская Федерация)

Шевлякова Виктория Алексеевна, студент 3-го курса специальности «Арт-продюсирование и межкультурная коммуникация» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, Российская Федерация)

**РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ УЧАСТНИКАМИ КРУГЛОГО СТОЛА
«ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ТИТОВ: ПИСАТЕЛЬСКОЕ МАСТЕРСТВО И ГЕРОИЗМ
ЖИЗНИ. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМЕНИ»
(принята 11 ноября 2024 года)**

По итогам состоявшегося круглого стола его участники считают необходимым совместно с Общественным советом при Министерстве образования и науки Луганской Народной Республики обратиться к:

1. Администрации Главы Луганской Народной Республики и Правительству Луганской Народной Республики, муниципальным властям городского округа г. Луганска – с предложением рассмотреть возможность установки в Луганске памятника В. А. Титову.

2. Министерству образования и науки Луганской Народной Республики – с предложением дополнить региональную программу патриотического воспитания «Луганский характер» включением сведений о жизни и творчестве В. А. Титова.

3. Министерству образования и науки ЛНР – с предложением о включении в учебно-воспитательный процесс, осуществляемый на территории Республики в учреждениях общего среднего, среднего специального и высшего образования, тем, посвящённых изучению биографии и литературного наследия писателя Владислава Андреевича Титова, как имеющих значительный ценностно-эстетический и морально-нравственный потенциал для становления личности представителей молодого поколения, а также для реализации основополагающих принципов гражданско-патриотического воспитания.

4. Министерству образования и науки Луганской Народной Республики – с предложением способствовать более активному внедрению методов музейной педагогики при изучении в образовательных учреждениях Республики жизни и творчества писателя В. А. Титова.

5. Министерству культуры Луганской Народной Республики – с предложением создания новых театральных и телевизионных постановок на основе повести В. А. Титова «Всем смертям назло», в том числе с использованием творческих ресурсов Академии имени М. Матусовского.

6. Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Луганской Народной Республики и Министерству культуры Луганской Народной Республики – с предложением изыскать возможности для переиздания повести В. А. Титова «Всем смертям назло», других произведений писателя с целью обеспечения ими библиотек учебных заведений Республики, а также лечебно-реабилитационных центров для участников СВО и лиц, пострадавших в результате боевых действий с 2014 года.

7. Педагогической общественности – учителям средних общеобразовательных учебных заведений и преподавателям учреждений среднего специального и высшего образования – с рекомендацией активнее использовать на уроках по русской литературе и внеклассных мероприятиях материал повестей В. А. Титова «Всем смертям назло», «Ковыль – трава степная» и «Грёзы старого парка»; романа «Проходчики»; рассказов «Раненый чибис», «Полые воды», «Сапун-гора».

Научное издание

**ВЛАДИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ТИТОВ: ПИСАТЕЛЬСКОЕ
МАСТЕРСТВО И ГЕРОИЗМ ЖИЗНИ. ВОЗРОЖДЕНИЕ
ИМЕНИ
(11 ноября 2024 года)**

Сборник научных статей и материалов

Составители: И. П. Зайцева, А. А. Чернов

Под общей редакцией И. П. Зайцевой

Издательство
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Луганская государственная академия культуры и искусств
имени Михаила Матусовского»
Луганская Народная Республика, г.о. Луганск, г. Луганск, пл. Красная, д. 7, 291001.
Тел.: +7(857) 259-02-65